

ISSN 0132-1366

АКАДЕМИЯ НАУК
СССР

Советское
СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

3
1989

ИЗДАТЕЛЬСТВО
• НАУКА •

Советское СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

МАЙ—ИЮНЬ

3

1989

ЖУРНАЛ
ОСНОВАН
В 1965
ГОДУ

МОСКВА

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Зудинов Ю. Ф.</i> Социалистическое самоуправление в НРБ (некоторые вопросы теории и практики)	3
<i>Задорожник Э. Г.</i> Городское мелкое производство стран Центральной и Юго-Восточной Европы в первой половине 50-х годов: концепции и реальность	14
<i>Виноградов В. Н.</i> Россия и Балканы в трудах Барбары и Чарльза Елавичей	27
<i>Свирида И. И.</i> Национальное возрождение (к вопросу о тине культуры)	42
<i>Верещагин Е. М., Юрченко А. И.</i> Греческий источник «Написания о правой вере» Константина Кирилла Философа	54

ПОРТРЕТЫ

<i>Лукинова Т. Б.</i> Булаховский Л. А.	64
<i>Никулина М. В.</i> Ю. И. Венелин (к 150-летию со дня смерти)	72

СООБЩЕНИЯ

Проблемы национально-государственного самоопределения	78
<i>Цейтлин Р. М.</i> Центр славяно-византийских исследований имени Ивана Дуйчева при Софийском университете	89

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

<i>Сироткин В. Г.</i> Формирование национальных независимых государств на Балканах. Конец XVIII — 70-е годы XIX в.	91
<i>Иванов С. Ю.</i> Р. Радкова. Българската интелегенция през Възраждането (XVIII — първата половина на XIX в.)	93
<i>Звонарева Л. У.</i> В. Г. Короткий. Творческий путь Мелетия Смотрицкого	94
<i>Николаева Т. М.</i> Dutch Studies in South Slavic and Balkan linguistics	96

ЗАМЕТКИ О КНИГАХ

<i>Бухарин Н. И.</i> I. Т. Лісевич. Культурне будовництво в Народній Польщі. 1944—1948	99
<i>Мыльников А. С.</i> Вопросы истории славян: История зарубежных славян в советской историографии (Межвузовский сборник научных трудов)	100
<i>Фрейденберг М. М.</i> Из истории национального возрождения в Далмации	101

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Жигунов Е. К.</i> 70-летие воссоздания независимой Польши	102
<i>Пелешенко Ю. В.</i> Советско-американский симпозиум по проблемам украинской литературы	103
<i>Макарова Е. А.</i> Коллоквиум славистов в Калининском университете	105
<i>Фрейденберг М. М.</i> Научная сессия «Традиции и новации в изучении генезиса и развития феодализма в Западной Европе»	106
<i>И. К.</i> Симпозиум МКИСИ	107
<i>Муравьева Л. Л.</i> Конференция советских и польских историков	107
<i>Думин С. В.</i> Памяти Н. Н. Улащика	108

ЗУДИНОВ Ю. Ф.

СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ В НРБ (некоторые вопросы теории и практики)

Современный этап развития стран социализма, взявших курс на качественное обновление социалистического общества, требует нового прочтения, более глубокого осмысления теоретического наследия классиков марксизма-ленинизма, его творческого воплощения в социальной практике. Важнейшей предпосылкой успеха обновленческого процесса и выражением его сущности является последовательное углубление демократизма, ускорение действительного превращения народных масс из объекта в субъект управления. Исключительную актуальность приобрело обеспечение условий для все более полной реализации идеи К. Маркса: «Положение, когда народом управляют, должно быть заменено самоуправлением народа» [1]. Известно, что К. Маркс, высоко оценивая опыт Парижской Коммуны, особо отмечал ее мероприятия, обозначившие «направление, в котором развивается управление народа посредством самого народа» [2, т. 17, с. 350].

В. И. Ленин обогатил теоретическое содержание идей марксизма о народовластии, самоуправлении, усилил и конкретизировал их практическую направленность. Привлечение широких масс трудящихся к управлению, «приступ к настоящему народному самоуправлению» он считал первоочередной задачей, которую необходимо решать после завоевания пролетариатом политической власти. Разумеется, будучи реалистом, Ленин отчетливо сознавал громадную сложность этой задачи, видел препятствия, стоявшие на пути широкого привлечения трудящихся к управлению в экономически и культурно отсталой стране, какой являлась Россия. Именно поэтому на первый план он выдвигал требование обучения масс искусству управления, причем обучения не «книжному», а практическому [3, т. 34, с. 315—316; т. 37, с. 414, 451—452].

Важнейшее методологическое и практическое значение, полностью сохранившее свою силу и сегодня, имеет ленинское указание об органическом сочетании государственной власти, самой широкой демократии и самоуправления народа в условиях переходного периода и первой фазы коммунистической формации. Ленин не только не противопоставлял Советскую власть самоуправлению, но, напротив, видел в Советах одну из главных форм и средств его осуществления. Основной организующей и ведущей силой в становлении самоуправления народа призвана быть марксистская партия — высшая форма саморегулирующей политической организации, всю деятельность которой «ведут... все члены партии, на равных правах и без всякого исключения» [3, т. 14, с. 252].

Практика вносит свои коррективы в теоретические построения, касающиеся динамики, форм и методов регулирования социальных процессов.

Зудинов Юрий Федорович — канд. ист. наук, старший научный сотрудник Института славяноведения и балканистики АН СССР.

Подтвердилась и продолжает подтверждаться идея Гегеля, правоту которой отметил В. И. Ленин: «...жизнь идет вперед противоречиями, и живые противоречия во много раз богаче, разностороннее, содержательнее, чем уму человека спервоначалу кажется» [3, т. 47, с. 219]. Известно, что в России не удалось сразу же после победы Октября реализовать в полном объеме ленинские идеи народовластия. И дело не только в специфической обстановке, трудностях, вызванных гражданской войной, иностранной интервенцией, хозяйственной разрухой и другим, во многом предопределивших введение жесткой централизации. На VIII съезде партии Ленин отметил, что трудящиеся не могут участвовать в управлении из-за своего низкого культурного уровня, «который никакому закону не подчинишь. Этот низкий культурный уровень делает то, что Советы, будучи по своей программе органами управления *через трудящихся*, на самом деле являются органами управления *для трудящихся* через передовой слой пролетариата, но не через трудящиеся массы» [3, т. 38, с. 170].

Низкий культурный уровень — преходящее явление и пути его преодоления и, следовательно, устранение этого препятствия для развития народовластия не составляют секрета. Однако после смерти В. И. Ленина общественно-политическая жизнь в СССР стала во все большей мере определяться утверждением режима личной власти, культа личности Сталина, становлением административно-командной системы, пронизывающей все этажи и звенья управления, извращающей и деформирующей демократическую сущность социализма. Эта система утвердила обязательное правило воспринимать выдвигаемые верхами власти политические и другие установки и оценки как истину в последней инстанции, «не замечать» глубокого расхождения между официальными лозунгами и реальной действительностью, сочетать обращение к массам как к «хозяевам» жизни страны с отведением им на практике роли «винтиков», послушных исполнителей и т. д. Это порождало разочарование, массовый конформизм, социальный цинизм и т. п. Сегодня, как отмечал М. С. Горбачев, партии «надо проявить мужество и волю, освободиться от сложившихся представлений о социализме, на которых лежит печать определенных условий и особенно — периода культа личности. Освободиться от старых представлений о методах строительства, а главное — избавиться от всего, что, вообще говоря, деформировало социализм, сковывало творческие способности народа» [4].

Очищение теории и практики социализма от деформаций — весьма не легкая задача. Устранение наиболее злобных проявлений культа личности (массового беззакония, репрессий и т. п.) отнюдь не означает полной ликвидации административно-командной системы, которая не раз продемонстрировала высокую способность к выживанию и самовоспроизводству, умение приспосабливаться к меняющейся общественно-политической ситуации, к новым условиям. При этом данная система не ограничивается рамками одной страны — ее черты в той или иной мере проступают во всех социалистических странах, что может послужить основанием считать ее неизбежной, объективно обусловленной.

В очищении от деформирующих наслоений нуждается и марксистско-ленинская концепция самоуправления, которая предполагает, что в условиях социализма оно, в отличие от коммунистического общественного самоуправления, имеет политический характер, осуществляется в рамках социалистической государственности при сохранении руководящей роли марксистской партии. Дальнейшее теоретическое развитие этой концепции, ее воплощение в практику с учетом накопленного опыта, условий потребностей современного этапа и исторической перспективы составляет сегодня главное содержание деятельности КПСС, БКП, других братских партий по совершенствованию политической системы в своих странах.

Опыт НРБ подтверждает, что социалистическое самоуправление, хотя и является высшей ступенью в развитии социалистической демократии, присуще не только завершающему этапу строительства социализма. Ростки самоуправления проявляются в социалистическом обществе с момента его зарождения. Привлечение трудящихся к управлению, становление

самоуправления осуществляется в рамках общего, проходящего различные стадии, знающего периоды подъема и спада процесса развития и совершенствования всей системы социалистических общественных отношений. Его масштабы и динамика взаимосвязаны со степенью зрелости соответствующих экономических, социальных, политических и духовных предпосылок, он взаимодействует с множеством объективных и субъективных факторов и условий.

После победы в Болгарии революции 9 сентября 1944 г., по мере упрочения позиций народной власти внутри страны и на международной арене, укрепления руководящей роли Коммунистической партии, в важнейших государственных и партийных документах все более отчетливо выражалась линия развития социалистического демократизма. В первой Конституции НРБ, принятой в декабре 1947 г., был зафиксирован основополагающий политический принцип: вся власть в стране «исходит от народа и принадлежит народу». На V съезде партии (декабрь 1948 г.), разработавшем генеральную линию построения в Болгарии социалистического общества, Г. Димитров указал, что народная демократия, выполняющая функции диктатуры пролетариата «осуществляет самую широкую и полную демократию, социалистическую демократию» [5].

Победа революции и вызванный этим массовый подъем общественно-политической активности создал благоприятную почву для привлечения трудящихся к решению конкретных хозяйственных, социальных и других проблем, для их самостоятельной инициативы в защите и углублении революционных преобразований. Еще до социалистической национализации промышленности (декабрь 1947 г.) в Болгарии был введен общественный и рабочий контроль на частнокапиталистических предприятиях. Эту меру можно считать одним из исходных пунктов развития экономической демократии, зарождения самоуправления в производственной сфере.

В 1948 г. в стране были избраны местные органы власти — народные советы, которые получили большие полномочия в осуществлении задач хозяйственного, социального и культурного развития своей территории. К их деятельности стали привлекаться на общественных началах представители рабочего класса, крестьянства и интеллигенции, не являвшиеся депутатами. В практику входило проведение советами открытых сессий, на которых могли присутствовать граждане, проживавшие в данной местности. Все это, наряду с введением обязательных отчетов депутатов за свою работу и за выполнение наказов избирателей, предоставлением последним права отзыва депутатов и т. д., создавало возможности для становления местного территориального самоуправления.

В качестве важных субъектов развития демократии, формирования самоуправленческих начал, представительства и защиты интересов различных слоев населения, расширения условий для роста его социальной активности все больше выступали общественные организации.

Непосредственно после революции в НРБ набирал силу многогранный процесс демократизации, в ходе которого наблюдалось и как тенденция, и как практические меры зарождение социалистического самоуправления. Однако этот процесс развивался не прямолинейно и только по восходящей линии. На его пути встретилось немало и объективных трудностей, и тормозящих факторов, деформаций и извращений субъективного характера.

НРБ, как и многие другие страны социализма, не избежала перенесения на национальную почву негативных черт модели социализма, которая начала складываться в СССР в конце 20-х годов, не критического восприятия советского опыта. Болгарское общество не минуло и явление культа личности со всеми вытекающими последствиями. В тот период (начало 50-х годов) не провозглашался отказ от линии развития социалистической демократии. На практике, однако, деформировались ленинские принципы и нормы партийной жизни и руководства, усилились проявления субъективизма, формального, декларативного демократизма. Наиболее зримо антигуманная сущность культа личности, его несовместимость с социализмом проявились в выдвигании тезиса о непрерывном обострении классового борьбы в ходе победоносного строительства социализма (по существу, это

было повторением известного сталинского тезиса), о «враге с партийным билетом», что повлекло за собой нарушения социалистической законности, необоснованные преследования и репрессии [6].

Куль личности и деформация социалистического строя были осуждены апрельским (1956) пленумом ЦК БКП, работа которого проходила под воздействием XX съезда КПСС. Пленум положил начало политическому курсу — «апрельской линии», которая является продолжением и развитием базирующегося на ленинских принципах V съезда партии. Как отмечает болгарский исследователь С. Михайлов, осуждение культа личности было в первую очередь осуждением отклонений от ленинизма в сфере управления, в стиле руководства. В 1956 г. начался процесс возвращения к принципам, методологии и духу марксизма-ленинизма в социальном управлении [7].

Во второй половине 50-х годов и в 60-е годы в НРБ было принято немало важных решений, направленных на углубление демократии. В марте 1958 г. ЦК БКП, Совет Министров НРБ и Центральный совет болгарских профсоюзов приняли постановление о расширении прав руководителей и профсоюзных организаций предприятий и активизации участия трудящихся в управлении производством. Предусматривалось широкое привлечение трудовых коллективов к обсуждению и решению вопросов планирования и организации производства, нормирования и оплаты труда и др. [8, 1958, 1 IV]. В постановлении майского (1963) пленума ЦК БКП намечалось создание в экспериментальном порядке на общественных началах коллективных органов для оказания директору помощи в руководстве предприятием и повышения роли трудящихся в управлении производством [8, 1963, 16 V].

Действовали, однако, и факторы, сдерживающие развитие производственной демократии. К наиболее существенным относился жесткий централизм, явный приоритет административных методов руководства, что, естественно, сковывало инициативу предприятий, имело негативные экономические и социально-политические последствия. Подобное положение не было «чисто болгарским» явлением. В 60-е годы многие социалистические страны приступили к крупным экономическим реформам, к усилению самостоятельности хозяйственных единиц, широкому применению экономических рычагов. По существу, в этот период в НРБ начался новый этап в развитии производственной демократии. Трудовые коллективы стали избирать производственные комитеты как форму более широкого участия трудящихся в руководстве народно-хозяйственной деятельностью, сочетания единоначалия и коллективных методов управления. Через комитеты коллективы получили право обсуждать, вносить предложения или решать основные вопросы развития производства, распределения доходов и фондов материального стимулирования и др. В этих органах предусматривалась высокая доля представительства рабочих. Проведенная в начале 1967 г. проверка 145 предприятий показала, что из общего числа членов функционирующих там производственных комитетов 55% составляли рабочие, 28 — ИТР и 17% — служащие [9].

В 1969 г. статус органа управления впервые получило общее собрание рабочих и служащих (на предприятии с численностью работающих более 300 человек — делегатское собрание, которое позднее стало именоваться собранием уполномоченных). Данный орган наделялся правом утверждать (дополнять, изменять) внутренние документы по структуре и деятельности предприятия и годовой отчет о его работе, правила внутреннего распорядка, коллективный договор, а также обсуждать документы и разрабатывать мероприятия по организации заработной платы и внедрению хозрасчета, улучшению условий труда и быта и др. Собрание избирало подотчетный ему хозяйственный комитет — пришедший на смену производственному и получивший более широкие полномочия [10].

Сам факт создания на предприятиях коллективных выборных органов управления, превращение в такой орган общего (делегатского) собрания бесспорно имели большое социально-политическое значение и свидетельствовали об укреплении самоуправленческих начал. Деятельность этих

органов принесла и положительные экономические результаты, способствовала выявлению и использованию внутренних резервов производства. Вместе с тем в этой деятельности наблюдались и определенные слабости — увлечение распределением фондов материального стимулирования оплаты труда и недооценка производственно-хозяйственных вопросов, формализм и отсутствие плановости в работе, пассивность входящих в коллективные органы рядовых рабочих, связанная с их недостаточной общей и специальной подготовкой. Очевидно, стремление повысить дееспособность, компетентность этих органов и явилось главной причиной того, что по сравнению с производственными в хозяйственных комитетах сократилась доля представительства рабочих; по данным на март 1971 г., удельный вес рабочих составлял около 39%, руководящих хозяйственных и инженерно-технических работников — 38, служащих — 23% [11].

Наряду с народнохозяйственной сферой процесс демократизации охватил и другие области общественной жизни. В 60-е годы в партийных и государственных документах был сформулирован тезис, согласно которому местные органы власти (народные советы) должны сочетать функции государственных органов и народного самоуправления. Это принципиальное положение было закреплено в новой конституции НРБ, принятой в 1971 г. Конституционной нормой стала также обязанность народных советов опираться в своей деятельности на инициативу и широкое участие населения, тесно взаимодействовать с политическими, профессиональными и другими общественными организациями [12].

Своеобразной формой развития социалистической демократии явилось сочетание общественных и государственных начал в социальном управлении. Смысл этого сочетания состоял не в механическом соединении разнородных элементов, а в стремлении к максимальному синтезу и использованию их сильных сторон. Элементы самоуправления были заложены в способе формирования общественно-государственных органов. Первым таким органом стал Комитет по искусству и культуре, избранный в 1967 г. на I съезде работников болгарской культуры. Председатель Комитета стал членом правительства в ранге министра. Позднее принцип сочетания общественных и государственных начал был распространен и на другие сферы.

Проблемы комплексного совершенствования системы социального управления были рассмотрены июльским (1968) пленумом ЦК БКП. Пленум отметил необходимость развивать в различных сферах жизни самоуправление, обогащать формы участия рабочего класса, всех трудящихся в их общественно-политических организаций в руководстве обществом [13].

В апреле 1971 г. X съезд БКП принял новую программу партии, а вскоре всенародный референдум одобрил новую Конституцию НРБ. Была создана прочная политическая и юридическая основа, определены главные цели и направления дальнейшего строительства социализма, включая и пути развития его политической системы. Партийный съезд, подчеркнув важнейшее значение комплексного совершенствования политической надстройки, расширения социалистической демократии, отметил наряду с достижениями в этой сфере и ряд слабостей. В частности, народные советы с трудом приспосабливались к новым условиям и требованиям, медленно осваивали новые формы и методы работы, не смогли превратиться «в действительно полномочные государственные органы, в полноценные органы народного самоуправления» [14, с. 76]. Не в полной мере использовали свои возможности, права и обязанности в сфере управления и защиты интересов трудящихся общественные организации.

Программа БКП определила как основную линию развития управления обществом «последовательное развертывание социалистической демократии и непрерывное повышение научного уровня управления» [14, с. 279]. Было намечено все более активное вовлечение трудящихся в управление производством и обществом, расширение функций и прав общественных организаций, постепенное введение выборности руководителей. Период после X съезда БКП характеризуется большой и разноплановой теоретической, правотворческой, организационно-политической и идеоло-

гической работой, направленной на развитие и реализацию программных установок, поиск эффективных решений и подходов. Она требовала отказа от устаревших стереотипов, от казавшихся ранее верными взглядов и т. д.

Основными тенденциями в развитии производственной демократии были усиление самостоятельности хозяйственных единиц, расширение прав трудовых коллективов, превращение коллективных органов из преимущественно вспомогательных (совещательных) в действительно управляющие. Элементы самоуправления наиболее зримо стали проявляться в связи с начавшимся в конце 70-х годов внедрением бригадной организации труда. Именно на уровне хозрасчетной бригады, сравнительно обособленного организационного, экономического и социального формирования, более быстро осваивались и применялись самоуправленческие начала.

XII съезд БКП (март — апрель 1981 г.) определил как основное направление совершенствования социального управления — обогащение и развитие форм прямой демократии, причем особенно — в экономической сфере. Работа в этом направлении в решающей степени определялась выдвинутым в конце 1981 г. теоретическим положением, согласно которому государство является собственником, а трудовой коллектив — хозяином социалистической собственности. Данное положение отражало понимание возможности и необходимости серьезных перемен в отношении собственности и в механизмах распоряжения ею. Речь шла не о ее разделении, дроблении, превращении в групповую и т. п., а о том, чтобы оставаясь единой и неделимой, социалистическая общенародная собственность приобрела непосредственного хозяина в лице трудовых коллективов, которые ее используют. В этом виделся реальный путь к преодолению отчуждения собственности от трудящихся.

Статус трудового коллектива как хозяина социалистической собственности юридически закрепил принятый в 1986 г. новый Кодекс о труде, в котором самоуправление определяется в качестве основной тенденции, главного направления в развитии системы трудовых отношений и управления народным хозяйством. Кодекс предусматривает для коллектива и его выборных органов самые широкие полномочия, охватывающие практически все стороны экономической и социальной деятельности предприятий, равно как и ответственность за ее результаты. Ответственность должна обеспечиваться прямой зависимостью размеров фонда заработной платы и различных социальных благ от экономических итогов работы коллектива и отдельных его членов. Введена выборность хозяйственных руководителей различного ранга — от бригадира до директора предприятия или комбината.

Большое внимание уделялось созданию условий для волеизъявления граждан, выражения ими своего мнения по тем или иным проблемам. Новые возможности в этом направлении открыл Закон об опросе населения, принятый в марте 1983 г. с целью выявления мнения граждан об актах центральных и местных органов власти, а также участия в принятии решений путем референдума. Предложения о проведении референдумов могут исходить как от общественных организаций, так и от граждан, имеющих право голоса (не менее 30 тыс. избирателей — для проведения национального референдума или не менее 10% от их общей численности в данной административной единице — для проведения местного референдума). Однако на практике этот закон использовался весьма слабо.

Важное значение придается в НРБ широкому развертыванию критики и самокритики, рассматриваемых как объективная закономерность социализма, критерий его зрелости. Нельзя, однако, сбрасывать со счетов и такую обыденную реальность, когда критика используется для сведения личных счетов, содержит клевету, дезинформацию, становится привилегией руководителей и т. д.

Для повышения роли и авторитета общественных организаций принципиальное значение имел отказ от понимания их как «трансмиссии» партии. Сегодня и в партийных документах, и в научных публикациях эти организации рассматриваются как вполне самостоятельный блок политической системы. Каждая из них обладает относительной автономией, своей

спецификой и сферой деятельности [15]. Была выдвинута политическая установка о превращении массовых организаций — Отечественного фронта, профсоюзов и комсомола — в общественных гарантов реализации политики БКП, укрепления социалистической демократии.

Поскольку социалистическое самоуправление утверждается в рамках социалистического государства, между ними объективно неизбежны противоречия. Происходит процесс, который, разумеется, с учетом исторической обстановки, специфики его участников, можно, пользуясь определением К. Маркса, обозначить как «обратное поглощение государственной власти обществом» [2, т. 17, с. 548]. Естественно, такое «поглощение» не может протекать безболезненно, без противоречий и определенных издержек.

Работа по углублению социалистической демократии, созданию условий для развития самоуправления предполагает нелегкую борьбу с негативными явлениями в жизни общества, в социальном управлении, преодоление консерватизма в мышлении и деятельности части руководящих кадров, инерции и сопротивления «добросовестно заблуждающихся» и т. д. На XI съезде БКП (март — апрель 1976 г.) отмечалось, что высокая степень обобществления и концентрации производства, централизованное руководство крупными территориальными единицами «могут привести к отдалению партийного и хозяйственного руководства от народа, от насущных вопросов его жизни и быта, от того, что его волнует» [16].

Жизнь подтвердила реальность этих опасений. Развитию демократии, самоуправления противостоят и далеко не всегда безуспешно административно-командные, бюрократические методы руководства, тем более, что они в ряде случаев доказывали (и доказывают) свою действенность при решении конкретных текущих вопросов. Февральский (1985) пленум ЦК БКП признал наличие недостатков, неудач и деформаций в реализации принципов демократического централизма, подтвердил актуальность высказываний В. И. Ленина об опасности бюрократического централизма. Как отметил Т. Живков, сколько бы ни клеймили элементы такого централизма, сколько бы ни призывали на борьбу с ним, все же казалось, что «всем — сверху донизу — легче руководить силовыми, административными методами» [17, с. 356].

Бюрократические тенденции, аппаратный стиль, формализм заняли достаточно прочные позиции в деятельности не только государственных и хозяйственных, но и общественных органов и организаций. В результате, как отмечается в болгарской литературе, сложилась ситуация, когда общественные организации объединили чуть ли не все население, а фактически работали с ограниченной его частью. Немало граждан лишь платили членские взносы, присутствовали на собраниях, участвовали в отчетно-выборных кампаниях и т. д. Налицо было известное отчуждение населения от общественных организаций, падение их авторитета [18]. К тому же общественным органам, как и другим, особенно низовым звеньям политической системы, были присущи проявления уступчивости, соглашательства в отношениях с вышестоящими органами, слабости в использовании предоставленных им прав. В результате несмотря на предпринимаемые попытки оживления и укрепления авторитета общественных организаций они к середине 80-х годов «не были выведены из состояния недостаточной активности и невысокого престижа» [19].

На февральском (1985) пленуме ЦК БКП прозвучала серьезная критика по поводу длительной и бесосновательной задержки перестройки политической системы и главное — отсутствия необходимой настойчивости в развитии форм социалистического самоуправления. Иначе и не могло быть, отметил Т. Живков. Осуществление перестройки обычно поручается компетентным органам и лицам в расчете на их добрую волю, а они не идут дальше косметических мер, руководствуясь превратно понятыми ведомственными и личными интересами, стремлением «сохранить привилегии своей власти» [17, с. 360]. Подобное стремление выражает попытки затормозить развитие самоуправления или повернуть его в бюрократическое русло.

Административно-командные методы, бюрократизм неизменно выступают антиподом демократии и поэтому самая радикальная мера борьбы с ними — неуклонное расширение и углубление самоуправления, активное и реальное включение в этот процесс всех трудящихся, всего населения. Между тем, как показала практика, принимаемые до недавнего времени в НРБ политические решения, нормативные акты и т. п., направленные на развитие демократии, самоуправления, не нашли адекватного отражения в реальной действительности. В этой связи следует напомнить высказывание Т. Живкова о необходимости преодолеть «специфическое, может быть, чисто наше, болгарское противоречие, укоренившееся в нашей жизни. Это — частое расхождение между словом и делом, невыполнение до конца наших замыслов и решений» [20, с. 301].

XIII съезд БКП (апрель 1986 г.) выдвинул качественно новую политическую задачу — постепенный переход от «власти во имя народа к власти, осуществляемой самим народом» [20, с. 20]. В апреле 1987 г. Народное собрание приняло Декларацию о предоставлении социалистической собственности для хозяйствования и управления трудовым коллективам¹. Вскоре была принята Декларация о превращении основных административно-территориальных единиц — общин — в самоуправляющиеся общности. Июльский (1987) пленум ЦК БКП утвердил «Основные положения концепции дальнейшего строительства социализма в НРБ»², одобренные затем Национальной партийной конференцией (январь 1988 г.). Это целостная платформа курса на качественное обновление общества.

Июльская концепция исходит из необходимости коренной перестройки во всех областях жизни для достижения национальной цели: превратить Болгарию в высокоразвитое социалистическое государство, занимающее передовые позиции в сфере экономики и культуры, в обеспечении качественно нового жизненного стандарта и условий для всестороннего развития личности. Осуществление этой цели требует учета объективных закономерностей и новых реальностей внутри страны, в социалистическом содружестве, во всем современном мире. Все это обусловило потребность создания новой национальной модели социализма, основывающейся на требованиях общих, универсальных закономерностей социалистического строительства, опыте их проявления в других странах и одновременно опирающейся на опыт, специфические условия и возможности своей страны.

Стержнем новой модели является утверждение самоуправления как высшей формы социалистического демократизма и самого мощного рычага в преобразовании экономических, политических и других общественных структур. Вопрос о самоуправлении определяется как «генеральный вопрос» теории и практики строительства развитого социализма в НРБ. Принцип самоуправления, имеющий «глобальное значение» для развития и функционирования общества, должен охватывать весь базис и всю надстройку [17, с. 597]. Перестройка видится как «переход от старого, административно-бюрократического социализма к действительно самоуправленческому, на деле саморегулирующемуся социализму» [21].

Самоуправление должно развиваться в направлении снизу вверх, и в качестве основных социальных общностей, в которых в первую очередь должно утверждаться самоуправление, выделены трудовые коллективы и территориальные общности (прежде всего общины). Такой подход позволяет непосредственно включить в этот процесс широкие массы трудящихся, населения и, если не избежать полностью, то по крайней мере существенно ослабить возможность его бюрократического выхолащивания.

Названные общности и их органы управления призваны осуществлять экономические, социальные, политические, духовные и другие функции,

¹ В редакционном комментарии газеты «Работническо дело» от 30 IV 1987 г. говорилось, что эта Декларация не отменяет общенародную собственность на средства производства, не превращает ее в групповую или частную, но создает предпосылки для более эффективного использования, обеспечивает условия, чтобы «еще увереннее идти к социалистическому самоуправлению предприятий-товаропроизводителей».

² В дальнейшем указанный документ будет для краткости именоваться «июльская концепция», как это принято в НРБ.

все то, что имеет прямое отношение к людям. Так, основной формой самоуправления в населенном пункте должно быть общее собрание населения (в крупных пунктах — собрание уполномоченных), на которое возлагается решение вопросов планирования и финансирования развития населенного пункта, самообеспечения сельскохозяйственной продукцией и др. На уровне общин население квалифицируется как хозяин соответствующей территории и субъект управления социалистической собственностью [22].

В НРБ начала осуществляться передача собственности трудовым коллективам. Это далеко не ординарное мероприятие породило немало сложных вопросов, как и проявления скептицизма, формализма и т. д.³. Но, не отрекаясь от уже имеющихся и реально возможных в будущем трудностей, ноябрьский (1987) пленум подчеркнул, что предоставление социалистической собственности трудовым коллективам для хозяйствования и управления — это «ключевая проблема перестройки, со всеми ее ярко выраженными аспектами: экономическим, политическим, идеологическим, воспитательным» [24]. Учитывая сложность, многогранность данной проблемы, ее значимость для утверждения хозяйственного самоуправления, можно утверждать, что здесь как никогда необходимы последовательность, доведение дела до конца. Заслуживают, например, самого серьезного внимания мысли болгарского экономиста Ю. Асланова, что в условиях социализма необходим переход от «государственно-монополизированного хозяйства к экономическому гражданскому плюрализму». Единственную разумную альтернативу государственной монополии на собственность и формы хозяйственной деятельности автор видит в реализации идеи Ф. Энгельса о передаче государственных предприятий в аренду трудовым коллективам и в осуществлении ленинской идеи о социализме как строе свободных кооператоров [23, 1988, 26 X].

Успех процесса перестройки вообще и утверждение самоуправления в особенности зависит от их связи с интересами (прежде всего экономическими) трудящихся. Без прямой экономической заинтересованности самоуправления обречено на превращение в «модный» лозунг, в объект бюрократических упражнений.

Для реализации самоуправления необходимо значительно повысить образовательный уровень трудящихся. В НРБ на одного занятого в народном хозяйстве в среднем приходится около 8,5 лет обучения, а, например, в СССР и ЧССР — 11,5 лет [25]. Неудовлетворительна и профессиональная подготовка многих рабочих, что «все более перерастает в острую социально-экономическую проблему» [26]. Однако, хотя эти слабости тормозят развитие самоуправления, они отнюдь не повод для его сворачивания. Хорошо известно указание В. И. Ленина, что искусству управления можно научить только на практике. Разумеется, при этом необходимо и теоретическое и профессиональное обучение, привитие общей и политической культуры. Кстати, рассуждения о недостаточной зрелости трудящихся, об их неготовности к самоуправлению являются одним из главных аргументов его противников или «малOVERов». Конечно, гораздо легче отлучить трудящихся от управления, чем научить их.

Самоуправление не может ограничиваться отдельными, хотя и очень важными сферами. Оно должно постепенно укореняться как повседневная действительность, как вполне обычная, естественная норма массового сознания и поведения. Необходимо неуклонно увеличивать возможности осуществления гражданами своих прав и свобод, удовлетворения материальных и духовных потребностей, расширять гласность и повышать

³ Как показали социологические исследования, в процессе передачи собственности в трудовых коллективах отмечены: комплекс «красной скатерти», порожденный привычкой придавать даже самому серьезному мероприятию ненужную торжественность и парадность; комплекс «вечного страдальца», когда некоторые коллективы считают, что на них перекладывается основная тяжесть переживаемых страной экономических затруднений; комплекс нестабильности, вызванный постоянными реорганизациями. Коллективы еще не ощутили своих прав в их «чистом» экономическом виде; некоторые занимают сугубо прагматические позиции, проявляют осторожность. Не изжиты проявления давления сверху, когда включается так называемый «мобилизующий механизм» [23, 7 IX].

степень информированности населения, до конца проводить в жизнь принципы социальной справедливости, равенства всех перед законом и требованиями морали и нравственности. Этому служат предпринятые в последнее время в НРБ шаги по развитию кооперативного движения и индивидуальной трудовой деятельности (ранее неоправданно свёрнутых), по демократизации избирательной системы, принятие специального закона об ответственности государства за ущерб, причиненный им гражданам и др. Благотворное воздействие на процессы демократизации, формирование общественно-политического климата оказало решение Политбюро ЦК БКП об изменениях в атрибутах власти. Целью его является устранение помпезности, возвеличивания руководителей, массового «организованного энтузиазма» и т. п. Принято также специальное решение Политбюро ЦК БКП о роли печати в условиях перестройки, в соответствии с которым газеты, журналы должны стать органами соответствующих организаций, а не их руководства, утверждать в своей деятельности дискуссионные начала, принципы социалистического плюрализма.

Превращение общества в самоуправляющееся требует глубоких структурных и функциональных изменений в политической системе, перераспределения власти по вертикали и горизонтали. Особенно актуальны проблемы реализации руководящей роли партии в новых условиях. В июльской концепции подчеркивается необходимость радикального отхода от сложившейся практики, когда БКП выступает субъектом и «высшим этажом» в иерархии государственной власти, берет на себя функции, входящие в компетенцию других органов управления. Партия должна быть политическим авангардом народа, определять стратегию развития общества и обеспечивать кадровые, политические и идеологические предпосылки ее реализации. Она призвана организовать и гарантировать качественное обновление общества, быть генератором новых идей. Проблема разграничения функций партии от функций государственных и других органов далеко не нова, но ее оптимальное решение на практике — дело не из легких.

Важнейшее условие достижения целей перестройки — уверенность народа в ее необратимости. Степень этой уверенности (или, напротив, пессимизма, апатии) непосредственно зависит от единства слова и дела. Крайне нежелательна девальвация принятых решений в сознании людей, как это случалось ранее. Необходим также реализм, трезвая оценка возможностей, способность уйти от соблазна забежать вперед, «ударить в литавры».

Важен опыт братских стран, его творческое заимствование. Пример СССР и НРБ показывает не только принципиальное совпадение основных целей и направлений обновления общества, но и общность подходов к их осуществлению. Об этом свидетельствует и тот факт, что и КПСС и БКП первостепенное значение придают политическому обеспечению перестройки.

ЛИТЕРАТУРА

1. К. Маркс, Ф. Энгельс, В. И. Ленин. О демократии. М., 1988, с. 23.
2. Маркс К., Энгельс Ф. Соч.
3. Ленин В. И. Полн. собр. соч.
4. Правда, 1988, 10 IV.
5. Димитров Г. Избранные произведения. Т. 3. М., 1984, с. 497.
6. Златев З., Матеев Б., Мигев В. Болгария в эпоху социализма. М., 1984, с. 71.
7. Михайлов С. Оптимально функциониране на социалното управление. София, 1987, с. 32—33.
8. Работническо дело.
9. Калдерон Ж. Производственят комитет. София, 1968, с. 28, 81—82.
10. Държавен вестник, 1969, 6 VI.
11. Калдерон Ж. Развитие на демократизма в управлението на държавните стопанските организации. София, 1972, с. 58—59.
12. Народная Республика Болгария. Конституция и законодательные акты. М., 1981, с. 54, 55.
13. Жижков Т. Основные направления дальнейшего развития системы управления нашим обществом. София, 1968, с. 50—51.

14. X съезд Болгарской коммунистической партии. М., 1972.
15. *Живков Т.* Избрани съчинения. Т. 35. София, 1984, с. 243.
16. XI съезд Болгарской коммунистической партии. М., 1977, с. 50.
17. *Живков Т.* Избранные статьи и речи. Март 1981 г.— июль 1987 г. М., 1987.
18. *Марков М.* Обществениите организации и човешкият фактор.— Ново време, 1987, № 7, с. 15, 24.
19. *Марков М.* Актуални проблеми на политическата система в НРБ.— Ново време, 1987, № 3, с. 29.
20. XIII съезд Болгарской коммунистической партии. М., 1987.
21. *Йотов Й.* Перестройка — целостная концепция БКП о коренном обновлении социалистического общества в НРБ.— Вопросы истории КПСС. М., 1988, № 7, с. 70.
22. Временен правилник за самоуправлението на териториалните общности. София, 1987, с. 1—5.
23. Софийские новости. София, 1988.
24. *Живков Т.* Некоторые практические меры и подходы в целях дальнейшего осуществления решений июльского (1987) пленума ЦК БКП. София, 1987, с. 24.
25. Переустройство с революционен характер.— Ново време, 1987, № 5, с. 5.
26. *Вичев В.* Човешкият фактор: Същност и пътища за активизиране.— Ново време, 1987, № 4, с. 23.

ЗАДОРЖНИК Э. Г.

ГОРОДСКОЕ МЕЛКОЕ ПРОИЗВОДСТВО СТРАН ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 50-Х ГОДОВ: КОНЦЕПЦИИ И РЕАЛЬНОСТЬ

Постановления по интенсификации кооперативной и индивидуальной трудовой форм хозяйственной деятельности, принятые в ряде стран Центральной и Юго-Восточной Европы в конце 70-х — второй половине 80-х годов, ставят задачу всесторонней оценки этих видов деятельности, их места и роли в народнохозяйственном механизме в целом и в сфере городского мелкого производства в частности.

Как показывает общий взгляд на историю социалистического строительства в странах Центральной и Юго-Восточной Европы, данное производство отличалось сложной динамикой развития, чередованием «приливов» и «отливов». При этом исследование «отливов» в развитии городского мелкого производства не менее значимо, чем изучение путей его интенсификации. Первая половина 50-х годов, когда указанный «отлив» достигал крайних форм своего выражения, представляет значительный научный интерес в плане выявления механизмов, сдерживавших развитие одного из компонентов городского мелкого производства: хозяйственной деятельности, основанной на частной (индивидуальной) собственности. Анализ этого периода показывает: пути осуществления различных видов хозяйственной деятельности в городском мелком производстве, признанных сегодня жизненно необходимыми в ряде сфер общественной жизни, и в первую очередь в сфере услуг, не были прямолинейными.

Коммунистические и рабочие партии стран Центральной и Юго-Восточной Европы во второй половине 40-х годов ставили задачу в полной мере использовать формы кооперативной и индивидуальной трудовой деятельности в сфере городского мелкого производства — «малой экономики», отыскивая способы их привязки к решению важнейших задач послевоенного восстановления. Носители данных видов хозяйственной деятельности — мелкие собственники города — рассматривались в это время как союзники рабочего класса в борьбе за свержение господства капитала; при этом их непосредственные экономические интересы соблюдались в той мере, в какой это требовалось для использования их хозяйственного потенциала в целях налаживания экономической жизни на новых началах.

Уже в ходе революций 40-х годов коммунистические и рабочие партии стран Центральной и Юго-Восточной Европы ориентировались на трехкомпонентную структуру городского мелкого производства, основывавшуюся на взаимодействии государственного, кооперативного и частного секторов. Преобладание какого-либо из этих трех не меняло стратегического курса на их оптимальное соотношение, выражавшееся и через здоро-

---

Задоржнюк Элла Григорьевна — канд. ист. наук, старший научный сотрудник Института славяноведения и балканистики АН СССР.

вую конкуренцию, и через поддержку относительно слабого государственного сектора.

Объективные обстоятельства, равно как и стратегический курс коммунистических и рабочих партий, дают основание утверждать: политическая линия по отношению к категориям общества, занятым в сфере городского мелкого производства, выражалась емкой формулой В. И. Ленина, высказанной им на X съезде РКП(б): «Стимул мелкому производителю: двинь производство. Важнее всего» [1, т. 43, с. 373] и его известным призывом: «не смей командовать!» [1, т. 38, с. 201].

Между второй половиной 40-х и второй половиной 50-х годов, когда многие формы трудовой активности частника в ряде стран региона были как бы изобретены заново, лежит период форсированного свертывания форм хозяйственной деятельности, базировавшихся на частной (трудовой) форме собственности. Анализ этого периода важен не только для исторической науки: учет многих аспектов неправильной политики в сфере городского мелкого производства может четче представить альтернативу «зажима» частника, альтернативу, решительно осуждаемую в большинстве стран Центральной и Юго-Восточной Европы, начиная с середины 50-х годов.

На рубеже 40—50-х годов коммунистические и рабочие партии стран Центральной и Юго-Восточной Европы приступили к разработке окончательных вариантов программ социалистического строительства, получивших воплощение в пятилетних (в Польше — шестилетнем) планах народнохозяйственного развития [2].

Рассмотрим этот процесс на примере конкретных стран региона. В предварительных наметках пятилетнего плана развития народного хозяйства Чехословакии на 1949—1953 гг., представленных главой правительства К. Готвальдом на внеочередном заседании Центральной плановой комиссии 10 октября 1947 г., отмечалась значимость мелкого ремесленного производства как дополняющего народное хозяйство фактора, прежде всего в производстве предметов широкого потребления, проведении ремонтно-профилактических работ, а также сфере услуг в целом [3]. Планировавшееся в этот период Центральным союзом чешских ремесленников в сотрудничестве с рядом министерств увеличение объема ремесленного производства в годы пятилетки на 60% [3, с. 58] не вызывало возражений и не подвергалось вплоть до середины 1948 г. каким-либо коррекциям.

Проведенные затем существенные изменения показателей пятилетнего плана в сторону значительного (с 60 до 20%) снижения проектируемых в сфере городского мелкого производства заданий, связываются чехословацкими исследователями в значительной степени с резолюцией Информационного бюро коммунистических и рабочих партий от 29 июня 1948 г. Ошибочный тезис резолюции об обострении классовой борьбы в переходный период от капитализма к социализму оказывал значительное влияние на формирование ряда политических решений КПЧ, в том числе и на политику в сфере городского мелкого производства [3, с. 58].

В окончательном варианте пятилетнего плана, утвержденного Национальным собранием Чехословацкой республики 27 октября 1948 г., фиксировалось наличие в сфере городского мелкого производства частной и кооперативной форм собственности, а в специальном параграфе раздела предусматривался, хотя и в минимальных размерах, рост валовой продукции ремесленного производства до 53 млрд крон в 1953 г. (в 1948 г. — 49 млрд крон), то есть на 20% [2, с. 10]. Вопрос о резервах расширения масштабов ремесленного производства, на первый взгляд, оставался в плане открытым. В то же время, и в этом состоит определенная противоречивость пятилетнего плана, своего рода косвенный ответ на него можно было найти в достаточно однозначном решении проблемы приоритетности одного из трех компонентов городского мелкого производства. Так, в третьем пункте названного параграфа прямо указывалось на необходимость создания в ремесленном производстве кооперативов, а также улучшения их работы.

Несмотря на лаконичность формулировок плана в них, на наш взгляд, косвенно предусматривалась возможность дифференцированного подхода к формам хозяйственной деятельности в сфере городского мелкого производства: рост, расширение объема производства связывались лишь с кооперативной формой собственности.

По отношению к частному компоненту городского мелкого производства подобная перспектива не намечалась, хотя открыто не ставился и вопрос о его ликвидации, за исключением остатков капиталистических элементов, подлежащих, как подчеркивалось в плане, ограничению и вытеснению из «всех отраслей народного хозяйства» [2, с. 3—4].

Курс КПЧ на жесткое разграничение в частном компоненте городского мелкого производства крупного, отождествлявшегося с капиталистическим, и мелкого предпринимательства был взят в ноябре 1948 г., то есть уже после утверждения закона о пятилетнем плане. На пленуме ЦК КПЧ (ноябрь 1948 г.) был определен критерий классификации структурных частей в городском мелком хозяйстве. Мелкими (производителями, торговцами, предпринимателями) считались собственники, не прибегавшие к использованию наемного труда, работавшие самостоятельно [4, S. 167; 5, s. 71]. Численность ремесленных мастерских данной категории, приравнивавшихся к мелкотоварным, достигала в конце 1946 г. в Чешских землях 60 269, что эквивалентно 34% общего числа ремесленных заведений [6, s. 155—156; 7].

40% общего количества или 70 733 ремесленных мастерских составляли мастерские, относившиеся к капиталистическому сектору. К остальным категориям владельцев ремесленных заведений, включая и те из них, в которых по найму числился лишь один работник (их численность в Чешских землях в конце 1946 г. равнялась 46 097 или 26%) [6, s. 155—156], должны были применяться такие же санкции, как и капиталистическому сектору. В 1948 г. в Словакии индивидуальный сектор в частном компоненте городского мелкого производства, включавший лишь собственников, работавших самостоятельно или с членами своей семьи, составлял 48% общего числа ремесленных мастерских, а капиталистический — 52% [6, s. 155—156]. Как отмечают чехословацкие исследователи, такого рода дифференциация составных частей частного компонента городского мелкого производства неизбежно вела к сужению социальной базы диктатуры пролетариата в Чехословакии [3, s. 49—52; 5, s. 71—72].

Как показала последующая практика, форсированное свертывание масштабов хозяйственной деятельности коснулось не только представителей капиталистического сектора частного компонента городского мелкого производства, но и его мелкотоварного или трудового элемента. В 1950—1952 гг. наиболее активно и жестко использовались методы как экономического, так и внеэкономического принуждения: ограничения в поставках сырья и материалов, в найме рабочей силы, привлечении учеников; ограничение или полная ликвидация права на кредиты; жесткий контроль за использованием сырья и материалов, а также за сбытом продукции вплоть до тюремного заключения в случае нарушения предписаний; отмена права на продовольственные и промтоварные карточки и т. д.

Государственное статистическое управление в своем сообщении о выполнении народнохозяйственного плана в 1951 г., третьем году пятилетки, отмечало: «За небольшим исключением все работающие в промышленности, строительстве, внутренней и внешней торговле, кредитных учреждениях и в системе бытового обслуживания работали на предприятиях социалистического сектора» [2, с. 97]. С предельной жесткостью курс на расширение социалистических форм собственности проводился в сфере услуг и ремесленном производстве промышленного профиля. Это позволило чехословацким исследователям сделать вывод о том, что процесс обобществления частного компонента городского мелкого производства был завершен в Чешских землях в 1953 г., а в Словакии — в 1954 г. [8, s. 72]. В частном секторе городского мелкого производства оставалось немногим более 47 тыс. ремесленных мастерских (в том числе 28 тыс. — производственных, около 1500 мелких торговых заведений), в которых работали

около 50 тыс. человек [8, с. 72]. Сопоставление двух цифр: более 60 тыс. ремесленных заведений, функционировавших в 1946 г. на основе трудовой частной собственности и 47 тыс., оставшихся в частных руках в 1953 г., дает четкое представление об игнорировании установленных ноябрьским (1948) пленумом ЦК КПЧ критериев дифференциации частного компонента городского мелкого производства. Как показывают эти цифры, более 13 тыс. ремесленных мастерских, в которых собственник работал самостоятельно и которые, естественно, не имели никакого отношения к капиталистической форме собственности, были ликвидированы. В 1957 г. удельный вес частного компонента городского мелкого производства сократился до десятых долей процента по валовой продукции и до 3% по услугам [9, с. 139].

Параллельно наблюдался стремительный рост кооперативов: с 275 в 1948 г. до 692 в 1953 г., соответственно нарастало и количество занятых в них: с 10 800 человек до 90 471. Доля кооперативной промышленности в валовом объеме промышленного производства неуклонно повышалась и в 1955 г. достигла 2% (в 1950 г.—1%) [2, с. 201].

В целом в первой половине 50-х годов в Чехословакии сложилась следующая ситуация: на уровне концепций и даже экономических планов признавалась роль трехкомпонентной модели в городском мелком производстве. Апрельский (1949) пленум ЦК КПЧ рассмотрел вопрос о недопустимости перегибов и стихийности в решении вопроса о преобразовании мелкотоварного компонента городского мелкого производства [10, с. 177; 11]. Были разработаны варианты постепенного присоединения частного производства к национализированным или коммунальным (создаваемым при национальных комитетах с 1949 г.) предприятиям; внедрения «частника» в существующие рабочие производственные или единые сельскохозяйственные кооперативы; создания новых типов ремесленных производственных кооперативов. Таковы были концепции.

Но именно с 1949 г. началась форсированная трансформация частного компонента городского мелкого производства, излишняя бескомпромиссность по отношению к мелким собственникам города, а устоявшиеся структуры городского мелкого производства просто игнорировались. В первой половине 50-х годов КПЧ взяла курс на функционирование в нем двухкомпонентной модели, основанной лишь на социалистических формах собственности: государственной и кооперативной, при этом явно предпочитая первую. Такова действительность.

Директивы по первому пятилетнему плану развития народного хозяйства Болгарии на 1949—1953 гг. были утверждены V съездом БКП (декабрь 1948 г.). В специальном разделе плана намечался рост объема производства местной промышленности по сравнению с 1948 г. в два раза, а объема продукции трудовых производственных ремесленных кооперативов (ТПРК), — в 2,4 раза, за исключением сферы услуг, где приоритет сохранялся за мелкотоварным сектором [2, с. 123]. При этом особое внимание уделялось государственному компоненту городского мелкого производства: находящимся в его ведении предприятиям местной промышленности предписывалось резко увеличить выпуск продуктов питания, обуви, металлоизделий, других предметов массового потребления. Планом предусматривалось обеспечение работающих здесь категорий населения необходимыми инструментами, машинами; расширение, реконструкция, укрепление и рационализация имевшихся мастерских; обеспечение необходимым сырьем, топливом и смазочным материалом. Пятилетний план намечал расширение и кооперативного компонента в городском мелком производстве: предполагалось создание за 5 лет 1200 трудовых производственных ремесленных кооперативов (ТПРК), объединявших 60 тыс. членов [2, с. 123]. Первые годы пятилетки в Болгарии так же, как и в Чехословакии, совпали с периодом форсированного обобществления частного компонента в городском мелком производстве. 1949 год, когда 43% ремесленников страны были объединены в ТПРК, принято считать периодом форсированного массового кооперирования ремесленничества [12; 13].

Судьба частного компонента городского мелкого производства в Болгарии планом была определена достаточно четко: «Всю частную промышленность и ремесла, за исключением незначительных услуг, оказываемых ремесленниками, перевести в 1953 г. в общественный сектор» [2, с. 124]. Но что же его могло заменить? Закон о пятилетке давал недвусмысленный ответ на данный вопрос, ориентируясь на следующую сверхзадачу: «Выполнение основных задач плана обеспечит значительный рост общественного социалистического сектора, который к концу 1953 г. должен стать господствующим во всех отраслях народного хозяйства страны» [2, с. 110]. Таким образом, предусматривалась полная ликвидация частного компонента в «малой экономике». В сфере городского мелкого производства было разрешено «оставить лишь незначительную часть ремесленного производства в руках отдельных кустарей» [2, с. 110]. Ни четкого определения границ частного сектора в городском мелком производстве, ни определения видов его деятельности (кроме общих фраз о «незначительных услугах»), ни его взаимосвязи с другими формами хозяйственной деятельности планом не предусматривалось. Не было и указаний относительно способов подключения оставляемого частного компонента городского мелкого производства к обобществленным его структурам, не оговаривался вопрос и о налоговой системе, мерах финансового обеспечения и др. Таким образом, частник просто исключался из ряда экономически активных категорий, но при этом игнорировалась и дополнительная возможность насыщения рынка товарами и услугами.

Социальная трансформация представителей частного компонента городского мелкого производства с превалированием методов администрирования завершилась в Болгарии, как и намечалось планом, в 1953 г. Но в целом ход этого процесса оценивается болгарскими специалистами как неравномерный и в значительной степени стихийный [12, с. 187].

Уже в то время в Болгарии выявлялась неэффективность форсированного кооперирования как способа включения ремесленников в социалистическое строительство. Постепенно обнаруживалось, что кооперативы могли изготавливать лишь стандартизированную продукцию и предоставлять унифицированные услуги; в них наметилось снижение уровня инициативности, а вследствие этого — и производительности труда, продукция оценивалась по валу, а не по качеству. Был нивелирован момент соревновательности, начала преобладать уравниловка. В данных условиях ремесленники или отказывались от своей профессиональной деятельности, переходя в ряды рабочих, или занимались ею в частном порядке, не регламентированном законом.

Основная задача пятилетнего плана развития народного хозяйства Румынии (1951—1955) заключалась в построении экономических основ социализма, постепенном вытеснении капиталистических элементов во всех отраслях народного хозяйства, полной их ликвидации к концу пятилетки в промышленности и значительного ограничения в торговле [14, с. 23; 2, с. 353]. При этом намечалось взаимодействие в сфере городского мелкого производства государственного и кооперативного компонентов, а также всемерное развитие местной промышленности для увеличения производства товаров массового потребления и продовольствия. Рост валовой продукции местной промышленности в 1955 г. по сравнению с 1950 г. должен был увеличиться на 180%, а промысловой кооперации — на 236%. Объем капиталовложений в местную промышленность и промысловую кооперацию достигал соответственно 7,4 и 4,1 млрд лей [2, с. 375].

Развитие частного компонента городского мелкого производства планом не обеспечивалось, «вкрапление» частных мелких производителей города в экономику страны в принципе не допускалось. Этим и объясняются бурные темпы развития кооперативной промышленности в Румынии: в 1952 г. в стране работали 679 промысловых кооперативов со 103,7 тыс. занятых (в 1948 г. — 119 кооперативов с 10 тыс. членов) [15, с. 45]. В 1955 г. в промысловой кооперации Румынии работали 130 985 человек [16, с. 105]. В 1950—1955 гг. производство ремесленных кооперативов

по валу увеличилось в 4 раза. Был замечен и рост его удельного веса в валовом промышленном производстве в целом: в 1950 г. он равнялся 3,8%, а в 1955 г. — 6,8% [17, с. 72—73].

Однако поставленная в первом пятилетнем плане задача «полной ликвидации капиталистических элементов» в промышленности к концу пятилетки осталась невыполненной. В 1955 г. в Румынии имелась 124 501 кустарно-ремесленная мастерская, где было занято 129 тыс. человек (126 тыс. из них — владельцы мастерских и члены их семей) [15, с. 46; 18, с. 372]. Удельный вес частного компонента городского мелкого производства промышленного профиля систематически снижался и достиг 3% в 1955 г. по сравнению с 7,6% в 1950 г. [15, с. 32; 18, с. 372].

Хозяйственная деятельность в городском мелком производстве Албании в соответствии с законом о первом пятилетнем плане развития народного хозяйства (1951—1955), как и в Румынии, должна была опираться на социалистические (государственную и кооперативную) формы собственности. Общий объем продукции местной промышленности и промысловой кооперации за годы пятилетки намечалось увеличить соответственно на 334 и 328% [2, с. 443]. Эти цели в значительной мере осуществились к середине 50-х годов. Так, если объем промышленной продукции в 1955 г. по сравнению с 1950 г. возрос на 320%, то местной промышленности — в 10 раз, а кооперативной и ремесленной в целом — на 623% [19, с. 1]. В 1955 г. удельный вес валовой продукции кооперативного сектора составлял 22% всего промышленного производства страны [20, с. 37]. Хотя количество промысловых кооперативов в Албании к концу 1955 г. уменьшилось до 62 в результате их укрупнения (в 1950 г. — 117), занятость в них достигала уже 10 тыс. человек (в 1950 г. — 4300) [20, с. 37].

Ориентация на значительное повышение уровня развития производительных сил, в первую очередь уровня производства средств производства, свидетельствовала о курсе на создание широкой базы для индустриализации Польши в шестилетнем плане развития народного хозяйства страны, утвержденном Сеймом 21 июля 1950 г. Первоначальные задания плана, предусматривавшие рост промышленного производства в Польше на 85—95%, были скорректированы пленумом ЦК ПОРП (июль 1950 г.). До утверждения плана Сеймом было принято решение о значительном повышении плановых заданий [21, с. 141]. В 1955 г., последнем году шестилетки, объем производства социалистической промышленности должен был увеличиться до 43,8 млрд злотых (в неизменных ценах), или на 158% по сравнению с 1949 г. К выполнению возложенных на социалистическую промышленность повышенных заданий была подключена не только крупная и средняя промышленность, отличавшаяся предельной динамичностью развития, но и те виды хозяйственной деятельности городского мелкого производства промышленного профиля, которые базировались на государственной и кооперативной формах собственности. Для этих компонентов городского мелкого производства, фигурировавших в плане как «социалистическая мелкая промышленность», предусматривалось увеличение производства до 7,3 млрд злотых, то есть на 384% [2, с. 177]. Столь бурные темпы роста обобществленных частей городского мелкого производства обосновывались в плане необходимостью «развернуть дополнительное производство товаров широкого потребления на базе использования местного сырья и промышленных отходов» [2, с. 201]. Естественно, «галопирующие» темпы роста не могли не предполагать вытеснение из сферы городского мелкого производства Польши частного компонента. ПОРП стремилась решить проблему компенсации свертывавшейся хозяйственной деятельности частного мелкого производства в городе переложением его функций на социалистические формы собственности. Предполагалось, что ускоренное их развитие, как и крупной промышленности, сможет заполнить в обозримом будущем тот вакуум, особенно в местных масштабах, который неизбежно формировался в результате форсированной ломки устоявшихся традиционных форм городского мелкого производства.

Социалистическая мелкая промышленность, подведомственная сначала Управлению местной промышленности (1950), а затем Министерству мелкой промышленности и ремесла (1951), развивалась достаточно динамично. В 1951 г. производительность труда в этой сфере по сравнению с 1950 г. возросла на 17% (в сфере крупного и среднего промышленного производства — на 14%) [2, с. 264].

В то же время форсированное свертывание частного компонента городского мелкого производства открыто планом не предусматривалось. «Государство, — подчеркивалось в Законе о шестилетнем плане, — окажет помощь мелкому индивидуальному ремеслу, обслуживающему нужды трудящегося населения...» [2, с. 201]. В шестилетнем плане, пожалуй, единственным из всех долгосрочных планов развития народного хозяйства, принятых в те же годы либо несколько ранее в других странах региона, речь шла о государственной помощи мелкому производителю — частнику. Однако без указания объема и, главное, конкретных форм такой помощи данное заявление выглядело по меньшей мере неубедительно. Тем более, что далее в Законе подчеркивалось содействие государства в переводе частного компонента мелкого производства в городе «на рельсы кооперативного социалистического труда» [2, с. 201]. Планом не были определены, в отличие, скажем, от болгарской пятилетки, какие-либо предварительные сроки завершения процесса социальной трансформации частного звена «малой экономики», однако и контрольные цифры его развития названы тоже не были. Это противоречие, конечно же, не было случайным.

На окончательное решение проблемы локализации частника в городском мелком производстве решающее влияние оказал «принципиальный», по определению польских исследователей [22, с. 17], поворот в политическом курсе коммунистов, начало которому было положено на пленумах ЦК ППР (июль, август — сентябрь 1948 г.), но симптомы которого обнаруживались и ранее, уже в апреле 1947 г.

Суть поворота заключалась в осуждении и отрицании концепции «польского пути к социализму», разрабатывавшейся и отстаивавшейся Генеральным секретарем ЦК ППР В. Гомулкой и его сторонниками, концепции, рассматривавшей социалистическое строительство в Польше как постепенный, рассчитанный на длительный период процесс [22—25]. В ее рамках признавалась необходимость и целесообразность функционирования на микроуровне экономики страны трехкомпонентной модели городского мелкого производства.

Однако, утвержденные первым съездом ПОРП (декабрь 1948 г.) новые стратегические и тактические решения вопроса социалистического строительства, представлявшие собой «копию советских образцов без учета конкретных польских условий» [24, с. 98—99], послужили теоретическим обоснованием перехода к форсированию темпов социалистических преобразований в экономике страны, в том числе и в сфере городского мелкого производства.

Сам пафос Закона о шестилетнем плане, в котором присутствует мотив о неизбежном обострении классовой борьбы, делал перспективу развития в Польше частного, мелкотоварного компонента городского мелкого производства довольно однозначной. За период 1950—1955 гг. в стране было ликвидировано 66% частных ремесленных мастерских, большинство которых было присоединено к предприятиям крупной промышленности, т. е. осуществлено их огосударствление [26, с. 70]. Удельный вес частного компонента в общем объеме валовой промышленной продукции в 1955 г. составлял всего 0,5%, а в общей численности занятых в промышленности — 0,4% [18, с. 318—319]. Ускоренными темпами развертывалось кооперативное строительство в польской промышленности. К концу 1955 г. в стране насчитывалось 3340 кооперативов с 430 тыс. занятых. Объем валовой продукции промысловой кооперации увеличился в 1955 г. в 4 раза по сравнению с 1949 г. и составлял 8,1% всего объема промышленного производства [20, с. 9, 87, 89].

К концу 1949 г. завершилось выполнение заданий трехлетнего плана

развития экономики Венгрии. Кустарная промышленность за годы трехлетки достигла и даже несколько превысила довоенный уровень [27, с. 57].

В законе о пятилетнем плане развития народного хозяйства страны (1950—1954) наметилась ориентация на формы хозяйственной деятельности, основывавшиеся на кооперативной и частной собственности [2, с. 282]. Характерно при этом, что рост масштабов второй из них — частной — законом не планировался, а поддержка ему не оговаривалась.

Принципиально иная тональность была придана законом второму компоненту городского мелкого производства — кооперативному. «Необходимо поддерживать, — подчеркивалось в документе, — базирующиеся на добровольном объединении кустарно-промысловые производственные кооперативы» [2, с. 282].

Частному звену городского мелкого производства такая поддержка не оговаривалась, хотя в программном заявлении ВПТ (июнь 1948 г.) предусматривалось не только его включение в план, но и обеспечение заказами, сырьем, кредитами [28].

Реальное положение дел в частном компоненте в этот период, как оказалось, резко контрастировало не только с формальными положениями о его поддержке в программном заявлении ВПТ, но даже и с достаточно сдержанными формулировками относительно его места в пятилетнем плане. Новый этап национализации промышленности в Венгрии, проводившийся в декабре 1948 г., выявил тенденцию к форсированному свертыванию мелкой частной промышленности. В дальнейшем эта тенденция проводилась в отношении мелких частных предприятий жестко и экономически неоправданно; это привело к резкому сокращению их числа и ухудшению снабжения населения. Соответствующая политическая линия квалифицируется в партийных документах ВСРП, как навязанная народу, сектантская [29, с. 186—191]. В начале 1949 г. в Венгрии имелось 180 тыс. мелких ремесленников, в мастерских которых трудились в общей сложности 188 тыс. рабочих и служащих. В 1953 г. оставалось уже лишь 46 тыс. мелких ремесленников, у которых работали по найму 5 тыс. человек [30, с. 223].

Резкое сокращение числа мелких частных мастерских должно было компенсироваться развитием промысловой кооперации. В 1950 г. в ремесленных кооперативах были заняты 11 тыс. человек, а к концу 1954 г. их численность достигала почти 108 тыс. человек [30, с. 223]. Но, во-первых, промысловая кооперация не могла полностью заменить тех 260 тыс. человек, которые были вынуждены уйти из мелких частных мастерских, во-вторых, квалифицированный ремесленник подвергался депрофессионализации.

Небольшая часть недостававших товаров, производившихся ранее мелкими ремесленниками-частниками, в какой-то мере восполнялась продукцией государственных предприятий легкой промышленности, но их качество было невысоким. В сфере же услуг и ремонтных работ представителей частного компонента городского мелкого производства никто не мог заменить, тем более, что потребности населения в такого рода услугах стремительно росли: городское население за 5 лет увеличилось на 400 тыс. человек [30, с. 223].

Силовое сдерживание частника в городском мелком производстве привело к тому, что объем валовой продукции кустарно-ремесленного производства в 1954 г. сохранялся на уровне 1949 г. Политика «бури и натиска» по отношению к частнику не оправдала себя; более того, наблюдавшиеся здесь перегибы во многом способствовали участию депрофессионализированных мелких ремесленников-частников в контрреволюционных событиях 1956 г.

В Югославии в период 1946—1948 гг. была осуществлена национализация всей фабрично-заводской промышленности союзного и республиканского значения и 70% предприятий местного значения. В стране сформировалась общественная собственность на средства производства в решающих отраслях экономики. Среди основных укладов экономики со-

циалистический сектор занял ведущее место, его удельный вес в промышленности и торговле превысил 90%. Первый пятилетний план развития народного хозяйства ФНРЮ (1947—1951) предусматривал ликвидацию технико-экономической отсталости страны, осуществление индустриализации. Что касается сферы городского мелкого производства в Югославии, то в его развитии в годы пятилетки можно выделить два этапа.

Первый из них, охватывающий период 1947—1948 гг., характеризовался проявлением синхронных с остальными странами Центральной и Юго-Восточной Европы тенденций. На этом этапе правительство Югославии взяло курс на перестройку городского мелкотоварного производства в стране. Преобразование этой сферы велось здесь, как и в других странах региона, в основном по двум направлениям: инкорпорация наиболее крупных ремесленных мастерских с государственным сектором промышленного производства и создание производственных ремесленных кооперативов. Не отрицалось при этом и участие в экономическом строительстве частного, мелкотоварного компонента. Хотя, естественно, вторжение новых форм собственности (государственной и кооперативной) не могло не оказывать влияние на количественные масштабы мелкотоварного сектора — количество ремесленных мастерских имело тенденцию к снижению: со 107 594 в 1946 г. до 75 185 в 1949 г. [31, с. 270].

Протекавшие со второй половины 1948 г. в секторе городского мелкого производства Югославии процессы имели принципиальные отличия от происходивших преобразований в этой же сфере в странах региона не только по темпам и срокам, но и по характеру.

Начиная со второй половины 1948 г., т. е. с момента нарушения традиционных дружественных связей новой Югославии с СССР и странами региона, в политике югославского правительства наметился крен в сторону замедления темпов свертывания мелкотоварного элемента трехкомпонентной модели городского мелкого производства. Страна избежала трансплантации образцов сталинской политики по отношению к частнику. И если во второй половине 1950 г. эта линия проявлялась в целом только лишь как тенденция, то, начиная примерно с 1951 г., эта тенденция стала превращаться в реальный фактор экономической действительности. В 1951—1955 гг. количество частных ремесленных мастерских увеличилось с 96,9 до 125,2 тыс., а число занятых в них — соответственно со 127,7 тыс. человек до 157,7 тыс. [32, с. 195]. Это имело своим следствием закрепление, а затем и постепенный рост в городском мелком производстве Югославии двух форм хозяйственной деятельности, основанных на кооперативной и частной формах собственности. Важно при этом подчеркнуть, что наличие в сфере городского мелкого производства страны двухкомпонентной модели не только декларировалось государством, но и реально осуществлялось в практике социалистического строительства. В национальном доходе Югославии, по данным на 1955 г., на долю ремесла приходилось 5,3%. Из общего числа самодельного населения в 1953 г. в ремесле и сфере услуг было занято 5,2% [32, с. 195].

Начиная примерно с конца 40-х годов, законодательством Югославии вырабатываются нормы, обеспечивавшие основу правовой поддержки мелкотоварного компонента городского мелкого производства. В то же время стали предприниматься энергичные шаги по ограничению роста эксплуататорских тенденций в частном компоненте городского мелкого производства.

Останавливаясь на процессах, протекавших в сфере городского мелкого производства в первой половине 50-х годов в ГДР, нельзя не отметить их исключительность, в какой-то мере даже уникальность по сравнению с процессами, имевшими место в других странах региона [33, с. 242]. Уникальность эта заключалась, на наш взгляд, в том, что в ГДР не была прервана преемственность с предшествующими этапами исторического развития в сфере городского мелкого производства, со сложившимися в этой сфере вековыми традициями. Партия немецких коммунистов избрала наиболее безболезненные пути его развития с учетом экономической инициативы частника. В числе причин, позволивших из всех восьми стран рас-

смагиваемого региона только ГДР избежать этапа форсированного свертывания частного компонента городского мелкого производства (и не только его одного), следует назвать в качестве внешних — стоявший на повестке дня вопрос о воссоединении Германии на антиимпериалистической и демократической основе, экономическое и политическое давление, а также идеологические атаки со стороны ФРГ. В целом перспектива социалистического развития в ГДР определилась несколько позднее по сравнению с другими странами региона, когда отрицательные результаты форсированного свертывания частного компонента городского мелкого производства в этих странах уже давали о себе знать. Но все же важнейшим фактором более безболезненного «естественного» способа решения проблемы частных мелких товаропроизводителей нужно считать, на наш взгляд, высокий уровень культуры в том смысле, как это понятие трактовал В. И. Ленин в своих последних работах [1, т. 45, с. 369—382]. Классики марксизма-ленинизма неоднократно указывали, что переход к социализму в высокоиндустриализированных странах может произойти без ущемления интересов большинства трудящихся слоев. Опыт ГДР подтвердил справедливость такого положения.

В период, когда в ряде стран региона намечался либо находился в стадии завершения так называемый третий этап национализации, повлекший за собой обобществление значительного числа мелких ремесленных мастерских, т. е. собственности трудовых категорий мелких собственников, в ГДР по отношению к данным слоям вырабатывался прямо противоположный курс. В законе о пятилетнем плане (1951—1955) подчеркивалось, что частная инициатива должна использоваться в интересах народа, но в рамках закона [34, с. 547, 644, 656]. При этом в пятилетнем плане достаточно определенно вырисовывается момент дифференцированности в подходе к частнокапиталистическим и мелкотоварным компонентам частного сектора: ставилась задача ограничения роста капиталистического сектора в промышленности и обеспечения преимущественного развития государственной собственности на средства производства, но в то же время предусматривалась поддержка и оказание помощи ремесленникам, кустарям и мелким торговцам [35, с. 85]. Таким образом, планом не только допускалось, но и закреплялось функционирование в стране хозяйственной деятельности в сфере городского мелкого производства, основанной на частной собственности; особенно важно отметить, что вырабатывался целый комплекс практических мер, поддерживавших и направлявших деятельность «старых» средних городских слоев, формировался механизм государственного регулирования этой деятельности. Планом ставилась задача постепенного привлечения представителей частного компонента городского мелкого производства к кооперативным формам труда [33, с. 258] и выдвигались меры, препятствовавшие развитию в нем капиталистических тенденций.

Только в ГДР в рассматриваемый период в сфере городского мелкого производства осуществлялась трехкомпонентная модель его развития, основанная на поддержке государственной, кооперативной и частной собственности. Партия и государственные органы вырабатывали систему связей между обобществленными и необобществленными частями внутри городского мелкого производства на принципе взаимной дополняемости, а также систему связей между трехкомпонентной моделью городского мелкого производства и крупным государственным сектором в целом. Намечавшиеся контуры научно-технической революции при этом более четко определяли не только перспективы локализации в общественном производстве мелкотоварного компонента, но и целесообразность и эффективность его укрепления; сфера услуг при этом вырисовывалась не в качестве довеска, а как важнейший фактор интенсификации производства.

II партийная конференция СЕПГ (июль 1952 г.), принявшая решение о строительстве основ социализма, подтвердила правильность взятого в пятилетнем плане курса на поддержку трехкомпонентной модели городского мелкого производства. При этом заявления СЕПГ о поддержке частной инициативы носили отнюдь не формальный характер: проводи-

лась четкая линия на дальнейшее совершенствование механизма государственного регулирования частных форм хозяйственной деятельности в сфере городского мелкого производства [33, с. 258].

Таким образом, в первых своих долгосрочных планах развития народного хозяйства страны Центральной и Юго-Восточной Европы ориентировались на дальнейшее развитие сферы городского мелкого производства. При этом развитие кооперации, дальнейшее расширение ее масштабов предусматривалось всеми без исключения странами региона. Намечалось также развитие и государственного компонента. Что касается частного звена, то его присутствие было зафиксировано в планах подавляющего большинства стран региона — в Болгарии, Венгрии, Польше, Чехословакии, Югославии и ГДР. Но осуществление этих планов показало, что на государственный компонент городского мелкого производства были возложены завышенные обязательства, которые, несмотря на создание предельно благоприятных условий, не были осуществлены: прежде всего из-за ухудшения качества продукции и особенно сферы услуг при чрезмерном их обобществлении. В то же время давали сбои в работе и форсированно созданные кооперативы. Частник же во многом был выброшен из игры — в ущерб делу. Концепции относительно структуры и тенденций развития городского мелкого производства и реальное положение дел расходились на предельно допустимое расстояние.

Жесткие методы принудительного привлечения представителей мелкотоварного производства в городе к строительству основ социализма или же административная расправа с ними казались единственно возможными и наиболее эффективными. Многообразие, вариативность форм активизации хозяйственного потенциала мелких производителей города, выработанных во второй половине 40-х годов, обеспечивавших, во-первых, переход этих слоев населения на сторону народной власти, и, во-вторых, их активное участие в восстановлении экономики, практически игнорировались.

Любой иной вариант, иная модель социалистического строительства, которые неизбежно приобретали характер пути экспериментального, не имевшего, как тогда казалось, аналогов в исторической практике, несоответствовавшего утвердившимся в коммунистических и рабочих партиях стран региона унифицированным теоретическим представлениям о путях, формах и методах социалистического строительства, считался неприемлемым. В момент перехода стран региона к строительству основ социализма не имелось, как тогда считалось, ни объективных, ни субъективных условий для подобного экспериментирования. К тому же апробация экспериментальной модели, требовавшая более длительного времени и не гарантировавшая положительного результата, считалась ненужной и лишней при наличии проверенной практикой суровых испытаний в годы войны сталинской модели.

Необходимо учитывать и то, что выбор странами региона форм и методов социалистического строительства фактически совпал по времени с принятыми в 1948 г. решениями Информационного бюро коммунистических и рабочих партий, считавшего единственно приемлемой советскую, сталинскую модель социалистического строительства.

В то же время в планах, скорее всего по инерции, сохранялись элементы концепции трехкомпонентной модели городского мелкого производства, разрабатывавшейся в большинстве стран региона во второй половине 40-х годов. Во всяком случае, на примере этой сферы воздействие названной концепции прослеживается достаточно четко и определенно. Практически свернуть в краткий срок частный компонент этого производства оказалось невозможным. Более того, многие руководители стран региона такое свертывание считали неэффективным принципиально. Отсюда разрыв между установками на форсирование социальной трансформации ремесленников, кустарей, мелких торговцев, с одной стороны, и результатами этих процессов, когда во многих случаях частное мелкое производство в городе сохранялось вопреки инструкциям, переходя в плоскость «теневой» экономики, с другой.

В этом плане можно говорить о ГДР, как о единственной из восьми стран региона стране, где были найдены правильные подходы и определены контуры решения проблемы хозяйственной деятельности в городском мелком производстве, основанной на частной собственности, выявлена диалектика взаимодействия социалистически развивающейся экономики и частных форм хозяйственной деятельности в нем, найдены каналы включения частного компонента в социалистическую экономику.

Если в первой половине 50-х годов вопрос решался однозначно в пользу государственной и кооперативной форм хозяйственной деятельности в городском мелком производстве большинства стран региона (кроме ГДР и в какой-то мере Югославии), то уже в середине рассматриваемого десятилетия определилась необходимость более сбалансированного развития всех трех компонентов в этой сфере. В связи с этим были внесены коррективы в экономическую политику стран региона, и в первую очередь тех, где частный компонент еще сохранял свои позиции, а его представители заявили о себе в середине 50-х годов со всей настойчивостью [36, с. 534—553]. Говоря в целом, в странах региона вопрос о соотношении социалистического производства и индивидуальной (частной) трудовой деятельности в условиях социализма встал по-новому, потребовались безотлагательные меры для его практического решения.

В заключение следует подчеркнуть: рассматриваемый в статье период характеризуется отрицательными результатами в решении проблем городского мелкого производства по сравнению с предыдущим. Но результаты положительного опыта второй половины 40-х годов — времени эффективного для общества выявления потенциала кооперативной и индивидуальной трудовой деятельности, — если можно так сказать, помноженные на результаты отрицательного опыта первой половины 50-х годов, могут способствовать выработке правильной стратегии по отношению к этим важнейшим частям народнохозяйственного механизма сегодня.

В частности, выясняется, что методы «зажима» трудно осуществляются даже при предельно активном использовании административно-командных, силовых приемов, а главное — они безрезультатны. Действительно, самым неудачным в сфере городского мелкого производства может быть полная победа над «частником» — его нельзя уничтожить и поэтому, спрятавшись в тень, он способствует созданию... «теневой экономики». Такого рода истины признаны практически во всех странах Центральной и Юго-Восточной Европы и из них извлечены соответствующие выводы.

От частника сегодня в «малой экономике» не отмахиваются, его не притесняют: он становится все в большей мере равноправным и во многом необходимым участником городского мелкого производства. К концу 80-х годов это проявляется в решениях о передаче предприятий общественного питания в аренду в Болгарии; новых гарантиях развития частной собственности в Польше; мерах по стимулированию экономической активности частника в Чехословакии и, наконец, в принятых в Советском Союзе Законах об индивидуальной трудовой деятельности и о кооперации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ленин В. И. Полн. собр. соч.
2. Планы развития народного хозяйства стран народной демократии. М., 1952.
3. *Bálková D.* Vývoj a socialistická přestavba městského maloburžoazního podnikání v českých zemích v letech 1945—1953. Kand. dis. práce. Praha, 1985, s. 55.
4. *Gottwald K.* Spisy. Zv. 15. Bratislava, 1960.
5. *Zelenák P.* Socializácia živností na Slovensku. Bratislava, 1988.
6. *Deyl Z.* Ekonomické problémy drobné městské buržoazie v letech 1945—1948.— In: Československá revoluce v letech 1944—1948. Praha, 1967.
7. *Deyl Z.* Poúnorové změny v řemesle a problémy socializace drobné výroby v letech I. pětiletky.— In: K politickým a sociálně ekonomickým přeměnám v CSR v letech 1948—1953. Praha, 1967.
8. Dějiny socialistického Československa. Studie a materialy, sv. 4. Praha, 1981.
9. *Бузлаева А. И.* Ленинский план кооперирования мелкой промышленности СССР. М., 1969.
10. K dějinám socialistického Československa. Praha, 1986.

11. *Deyl Z.* Naše cesta k socialismu a ekonomické problémy drobné buržoazie měst v letech 1945—1948. Cyklostyl. Praha, 1965.
12. *Златев З.* Проблеми прехода от капитализма към социализма в България. София, 1982.
13. *Луджев Д.* Дребната буржоазия в България. 1944—1958. София, 1985.
14. Развитие экономики Румынской Народной Республики по пути социализма. 1948—1957. М., 1958.
15. Развитие народного хозяйства Румынской Народной Республики. М., 1958.
16. Обзор экономического развития Румынской Народной Республики. (1945—1956). М., 1957.
17. *Олейник И. П.* Развитие промышленности Румынии в условиях народно-демократического строя. М., 1959.
18. Развитие экономики стран народной демократии Европы и Азии. Статистический сборник. М., 1961.
19. Итоги пятилетнего плана.— Новая Албания. 1956, № 3.
20. Промысловая кооперация стран народной демократии. М., 1956.
21. *Jeziarski A., Petz B.* Historia gospodarcza Polski Ludowej. 1944—1975. Warszawa, 1982.
22. *Syzdek B.* PPR-owska strategia rewolucje.— Nowe drogi, 1987, № 3.
23. *Syzdek E., Syzdek B.* Polityczne dylematy Władysława Gomułki. Warszawa, 1985.
24. Концепcje PPR i PPS w sprawie dróg, metod i form budowy socjalizmu w Polsce (1944—1948). Problemy dyskusje.— Z pola walki, 1971, № 3.
25. *Jagiello J.* O polską drogą do socjalizmu. Dyskusje w PPR i PPS w latach 1944—1948. Warszawa — Krakow, 1983.
26. Społeczeństwo Polskiej Rzeczypospolitej Ludowej. Warszawa, 1977.
27. Статистический ежегодник стран — членов Совета Экономической Взаимопомощи. М., 1970.
28. Программное заявление и устав Венгерской партии трудящихся. Будапешт, 1949.
29. *Желицки Б. Й.* Уроки современной трагедии. Заметки историка.— Иностранная литература, 1988, № 9.
30. История венгерского революционного рабочего движения. Т. 3. М., 1974.
31. *Lovrenović S.* Ekonomska politika. Zagreb, 1982.
32. *Aleksić P.* Lični rad u socijalizmu. Društveno-ekonomski položaj sitnih sopstvenika u periodu radničkog samoupravljanja. Beograd, 1973.
33. История Социалистической единой партии Германии. Очерк. М., 1980.
34. За антифашистскую демократическую Германию. 1945—1949. Сборник документов. М., 1969.
35. *Завьялов А. С.* Единым фронтом. Демократические партии ГДР в борьбе за социализм (1949—1961). Киев, 1980.
36. *Zadorožnikova E. G.* Socialistická prestavba mestskej malovýroby v krajinách strednej a juhovýchodnej Európy v rokoch výstavby základov socializmu.— Historický časopis, 1987, № 4.

ВИНОГРАДОВ В. Н.

РОССИЯ И БАЛКАНЫ В ТРУДАХ БАРБАРЫ И ЧАРЛЬЗА ЕЛАВИЧЕЙ

Вот уже тридцать лет на ниве балканистики трудятся Барбара и Чарльз Елавичи. В 1959 г. появилась первая, еще небольшая книжка Б. Елавич «Россия и румынский национальный процесс» [1]. Волею судьбы и эмигрантских странствий русских дворянских родов часть личного архива Н. К. Гирса — человека, долго и упорно поднимавшегося по иерархической лестнице российской дипломатии и, наконец, оказавшегося при Александре III, на посту министра иностранных дел, — очутилась в Соединенных Штатах. В 1858—1863 гг. Гирс занимал пост генерального консула в Бухаресте, и его переписка этих лет проливает свет на определенные аспекты проводившейся на Балканах политики. Не без значения и то обстоятельство, что Гирс был женат на племяннице тогдашнего министра, а позднее знаменитого канцлера А. М. Горчакова. Их частная переписка дополняет содержащиеся в архиве копии официальной корреспонденции и дает возможность ознакомиться с доверительными раздумьями, которые не всегда фигурировали в депешах. Знакомство с архивом Н. К. Гирса возбудило интерес Елавичей к внешней политике России, дало толчок их исследовательским усилиям. Появилась публикация этих материалов и основанная на них монография под заголовком «Воспитание русского государственного деятеля» [2]. Изыскания в архивах Великобритании, Франции, ФРГ, Австрии и балканских стран позволили взяться за написание крупномасштабных по тематике трудов.

Минуло много лет. Молодые исследователи стали маститыми учеными, заслуженными профессорами Индианского университета. Их труды — явление в американской и мировой балканистике. Между тем наша научная общественность знакома с системой их взглядов далеко не в полной мере. В давние годы автор сих строк посвятил работе «Россия и румынский национальный процесс» задиристую по молодости лет и по царившим тогда обычаям рецензию [3]. На том дело и кончилось; думается, что пришло время всерьез обратиться к их трудам. Даже неполный перечень их впечатляет [1; 4—12].

Оговоримся: далеко не все в этом перечне — монографические исследования, основанные на оригинальных источниках. Среди них — немало обобщающих, а порой и компилятивных работ. Супруги отдают явное предпочтение англоязычной историографии, порой сводя к ней обзор литературы (например, [5]). В прошлые годы была отдана дань веяниям «холодной войны». Отсюда — обвинение Советского Союза в «продолжении старой игры в великодержавную политику» [9, р. 432]. Но не это главное в системе их взглядов. История Балкан представляется в трудах Елавичей крупномасштабно, в соотношении региональных, общеосманских и европейских факторов, в сочетании анализа политики держав, развития

Виноградов Владлен Николаевич — д-р ист. наук, проф., зав. сектором Института славяноведения и балканистики АН СССР.

и итогов освободительного движения народов, восстановления их пограничной в средние века государственности.]

Широкоохватное рассмотрение истории Юго-Восточной Европы приводит Елавиной к поискам места Восточного вопроса в летописях Европы и роли России в его развитии.

«Восточный вопрос, — по мнению супругов, — явился единственно доминирующей причиной столкновений великих держав с 1815 по 1914 годы. Он повлек за собой один из главнейших конфликтов периода, Крымскую войну, и был причиной возникновения первой мировой войны». Ни одна из держав не могла позволить соперникам господствовать в Османской империи либо в новых государствах, возникших на ее развалинах: «Жизненная важность судеб полуострова для Европы вела к тому, что, хотя инициаторами большинства кризисов выступали народы, решения принимались державами. Основные договоры, регулировавшие балканские дела, — Адрианопольский, Парижский и Берлинский, — представляли исключительно решения держав» [5, р. 324].

Итак, по мнению Елавиной, Восточный вопрос — ось всей межгосударственной жизни Европы. Вернемся к этому тезису в заключении нашего обзора во всеоружии всестороннего рассмотрения взглядов американских исследователей. А пока обратимся к тому, что они пишут по проблеме «Россия и Балканы».

В монографии Б. Елавиной «Столетие русской внешней политики. 1814—1914 гг.» [6] предпринята серьезная попытка проанализировать проблему в ее важнейших проявлениях, в том числе в Балканском регионе. Подкупает отсутствие в книге набивших оскомину утверждений насчет чуть ли не монополии России на агрессивные акции в Европе, перед которыми перепуганный континент объединялся ради спасения святынь своей цивилизации. Подчеркивается, что после вхождения Бессарабии в состав России в 1812 г. «русская политика была направлена главным образом на сохранение установленных границ» [6, р. 36]. Б. Елавиной напоминает, что в 1814 г. Россия занимала самую мягкую позицию по отношению к побежденной Франции, — хотя было что вспомнить и за что мстить. Не забывает она и о гуманном поведении русских войск (в отличие от пруссаков) в этой стране.

Устойчивость международных позиций России она усматривает в факте отказа от каких-либо замыслов продвижения на запад: «Поскольку у России широкие планы отсутствовали, и после 1815 г. она не угрожала Европе своими завоеваниями, существовало мало общего, способного объединить против нее все государства» [9, р. 446]. В то же время общим пороком трудов супругов является нерасчлененность двух понятий: государственность интересов России как таковых и классовых целей ее дворянской верхушки, представляемой самодержавием [6, р. 16, 34].

Одна из самых знаменитых в историографии фальшивок, так называемое завещание Петра Великого, в трудах Елавиной не упоминается. Не склонны они преувеличивать и «греческий проект» Екатерины II, ее частное письмо австрийскому императору Иосифу II от 10(21) сентября 1790 г., который, как веско доказано в советской историографии, никогда, даже в момент его сочинения, не был реальной политической программой, но вот уже второе столетие склоняется как квинтэссенция политического курса самодержавия в юго-восточноевропейских делах. Б. Елавиной скептически относится к осуществимости возникавших время от времени планов раздела сфер влияния на полуострове, ссылаясь на явную невозможность примирить сталкивавшиеся интересы держав: «Подобные идеи были хороши на бумаге, но не поддавались претворению в жизнь, ибо фактические интересы держав так перекрещивались, что достичь удовлетворительного решения не удавалось» [6, р. 57]. Так, Россия всегда выступала против передачи Сербии Австрии, а последняя противилась установлению русского контроля на Нижнем Дунае.

Не фигурирует у Елавиной и тезис о захвате Черноморских проливов как извечной цели царизма на протяжении всего XIX в., ибо на практике ставился вопрос об их режиме.

Все XIX столетие прошло под знаком англо-русского антагонизма на Балканах и Ближнем Востоке. Британия «усматривала агрессивный замысел в русских акциях даже тогда, когда его не существовало. Интересы и цели России на Ближнем Востоке в XIX в. никогда не были столь обширны, как приписывали ей британские оппоненты» [6, р. 55], а официальные круги, считаясь с крайней опасностью формирования против нее враждебной коалиции, «в большинстве своем были настроены на оборону» [6, р. 57, 284].

Увы, в политике действуют не только реалии; влияние, и немалое, оказывают на нее сложившиеся стереотипы. «Точки столкновения» между Англией и Россией «простирались на пространстве от Тихого океана до Средиземного моря». Казалось, ключ ситуации хранится в турецкой столице. «Альтернативой status quo представлялось установление русского контроля в регионе» [10, р. 188]. Англо-русские противоречия прочерчивали весь XIX век. А потерпевшей стороной оказывались балканские народы, которым для осуществления планов сен-джеймского кабинета, надлежало пребывать в османской темнице.

Приведенные высказывания не расходятся — с учетом сделанных выше замечаний — с выводами советской балканистики [13—18]. Но следующий тезис Елавиной насчет общих принципов российской политики в отношении Османской империи наталкивает на размышления и вызывает возражения: «В вопросе о судьбах Турции они (русские) государственные деятели.— В. В.) в целом отдавали предпочтение ее сохранению; ежели это стало бы невозможно, то высказывались за раздел, но в согласии с Британией и Австрией» [6, р. 56].

Действительно, в русских дипломатических документах эпохи явно проступает мысль о том, что Османская империя, клонящаяся к упадку, раздражаемая центробежными силами — сосед, лучше которого и не сыщешь. Отсюда — политика «слабого соседа», проводившаяся в 30—40-е годы: «Продолжение существования Османской империи, но как слабого буферного государства и, по возможности, русского сателлита, являлось целью российской политики в Константинополе до 1856 г.» [6, р. 60]. Но в итоге ее царизм растерял свое влияние в Турции и попытался взять реванш в войне, вошедшей в историю под именем Крымской. Позволительно задать вопрос: не была ли ориентация на поддержку султанской империи скорее отступлением от стратегического курса России на Балканах, нежели ее воплощением? Как же быть, в случае иного ответа, с четырьмя русско-турецкими войнами по ходу столетия? И можно ли игнорировать возрастающее давление на правительство общественности, преисполненной симпатии к делу освобождения полуострова из-под османской власти? Да и как совместить указанный тезис с многократными утверждениями в обозреваемой нами литературе о роли России в распаде султанской монархии? Приведем некоторые.

«Кючук-кайнарджийский мир полностью изменил соотношение сил в районе Черного моря» [10, р. 19]. «Русско-турецкой войне 1806—1812 гг. суждено было решающим образом воздействовать на судьбы первого сербского восстания». Его поражение «выявило с полной очевидностью, что будущее страны зависело от позиции России и желания этой державы поддержать сербскую автономию» [5, р. 32]. В 1815 г. Сербия «получила автономный режим в значительной мере благодаря русскому нажиму на турецкое правительство» [7, р. 43]. Война 1828—1829 гг. «решила вопрос о создании Греческого национального государства» [5, р. 38]. Тогда же «Оттоманский контроль над (Дунайскими.— В. В.) княжествами стал номинальным. В противовес этому Россия заняла там преобладающие позиции» [5, р. 90]. И, как обобщение, звучит констатация: «Российское правительство в пятнадцатилетие, последовавшее за Венским конгрессом, способствовало установлению независимых и автономных режимов в Сербии, Греции и Дунайских княжествах и тем, фактически, дало толчок освободительному движению» [6, р. 60]. «Вне всякого сомнения, малые народы были освобождены благодаря русской военной помощи» [6, р. 295].

Все эти высказывания свидетельствуют о том несомненном факте, что внутрибалканских сил для единоборства с Османской империей на протяжении всего XIX столетия не хватало. Не раз, поддавшись широко распространенному мнению о слабости Высокой Порты и неминуемом распаде ее владений, балканцы бросали ей вызов. Но понятия силы и слабости всегда относительны. Об этом свидетельствовали неудача Апрельского 1876 г. восстания в Болгарии, поражение тогда же сербской армии, молниеносный разгром Греции в 1897 г. Но эта же констатация приводит нас к кардинальной проблеме о соотношении внутренних и внешних факторов в процессе освобождения Юго-Восточной Европы. И представляется, что тут супруги Елавицы допустили в своем анализе сильнейшее искривление, довольно далеко увлекшее их от объективной истины: «Великие державы — Россия, Австрия, Франция, Британия — играли решающую роль в судьбе балканских народов» [10, р. 299]. Или: «Хотя восстания на Балканах начинали христианские народы, великие державы определяли конечный итог в том, что касалось создания новых государств, определения их границ и форм правления» [5, р. 25].

Подобные утверждения безапелляционны. Что инициаторами великих кризисов XIX столетия, приходившихся на 20-е и 70-е годы, выступили греки и южные славяне, — бесспорно, так же как и то, что вмешавшиеся дворы попытались воспользоваться разразившимися катаклизмами. Но сказать, что они продиктовали свою волю, все же нельзя. Они должны были считаться с выдвинутыми в ходе народных движений требованиями; в какой степени — иной вопрос, но должны были. основополагающим документом, наметившим параметры государственного существования Греции, явился англо-русский протокол от 4 апреля 1826 г. [15, с. 183—186; 17, с. 71—72]. А он повторял, почти слово в слово, пожелания, высказанные греческими лидерами при встрече с британским послом в Константинополе Ч. Стратфорд-Каннингом. Берлинский конгресс 1878 г. жестоко урезал итоги освободительных восстаний и русско-турецкой войны. Но все же свести их на-нет сторонники сохранения status quo на Юго-Востоке не смогли. Какой из западных кабинетов помышлял до Восточного кризиса о независимости Сербии, Черногории и Румынии? О восстановлении болгарской государственности? Такое и не снилось министрам ни в Лондоне, ни в Вене!

Да, кабинеты пользовались тем, что внутрибалканских сил для освобождения не хватало, и влияли на урегулирование. Но отбросить национальное движение на исходные позиции австро-британские дипломаты оказывались не в состоянии, а российский не имел желаний.

Немало спорного и дискуссионного есть в трудах Елавицой в определении стратегического курса России на Балканах. Вот одно из таких положений: «Крымская война, завершившая русский протекторат в (Дунайских. — В. В.) княжествах покончила с наилучшей возможностью для России включить их территорию в свою империю» [1, р. 12]. Но ведь хорошо известно, что еще в двадцатые годы в правительственных кругах Петербурга пришли к выводу о ненужности новых приращений на Балканах. Перед войной 1828—1829 гг. эта позиция трижды фиксировалась в международных актах: Петербургском протоколе с Великобританией от 4 апреля 1826 г., англо-русско-французской конвенции 1827 г., так называемом протоколе о бескорыстии того же года, наконец, в манифесте о войне. Известно, что Николай I, после поражения Османской империи, отверг турецкое предложение — заменить денежную контрибуцию передачей Дунайских княжеств в состав России. Так что территориальные захваты в регионе перестали интересовать царизм значительно раньше Крымской войны. Российская дипломатия усвоила даже некоторые демагогические приемы на тему своего бесребренничества. Что стоило, например, декларации К. В. Нессельроде в 1826 г., будто Россия «жертвует собственными интересами ради общих, она доказывает, что ее политика в отношении Греции исключает ныне всякие подозрения» [19, 1826 г., д. 6959, л. 225], и вообще она выступает как паладин европейской цивилизации. Совсем же сокровенные мысли доверялись секретной внутрен-

ней переписке: «Если Османскую империю и сохранить, мы без опасения можем навязать ей все условия, которых требуют наши интересы, наша честь, наша торговля и абсолютная необходимость утвердить навсегда наше преобладание в Леванте», — высказывали свое мнение из Лондона посол Х. А. Ливен и посланный ему в помощь в британскую столицу А. А. Матушевич [19, 1829 г., д. 7003, л. 71].

Отечественные исследователи давно обратили внимание на то, что Петербург не пытался установить в Юго-Восточной Европе порядки, превратившие Россию в позорище Европы [20]. Российские представители, а среди них были либерально мыслявшие люди, занимались в этом регионе делом, вроде бы неподходящим для их статуса, а именно — участием в сочинении конституционных актов, хотя в отечестве само это слово находилось под запретом. От конституции 1803 г. для Республики Семи соединенных островов тянется нить к Органическим регламентам 1831—1832 гг. для Молдавии и Валахии. «К счастью для румын, — пишут супруги Елавич, — русский администратор граф П. Киселев проявил себя выдающимся государственным деятелем» [5, р. 90]. Российские уполномоченные были причастны к выработке сербских «уставов» и увенчали свои законотворческие усилия, приложив руку к составлению буржуазно-демократической Великотырновской конституции 1878 г. для Болгарии. В последнем случае сказалось влияние военного министра Д. А. Милютин, полагавшего, что при выработке государственных актов следует проявить уважение к традициям страны и пожеланиям ее народа. Утверждать, что везде, где появлялось русское государственное лицо, оно несло с собою мрак реакции, было бы неверно. Следует учитывать, что среди консулов на Балканах, особенно в начале XIX в., насчитывалось немало греков, пылко сочувствовавших освобождению единоплеменников; позже появились болгары, стремившиеся делом помочь своей исконной родине. Да и прирожденные «русски», происходившие преимущественно из мелкопоместных дворян, душевно сочувствовали опекаемым им южным славянам. Конечно же, Б. Елавич сильно преувеличивает, утверждая, будто Россия после Крыма «восприняла национальный идеал организации государств и, самое интересное, плебиситарный принцип в определении их внутренней структуры» [1, р. 12]. На самом деле все выглядело скромнее. Но все же исторические традиции, национальные особенности в определенной степени учитывались. Показательны замечания Николая I насчет возможных итогов Крымской войны тогда, когда он не исключал еще развала Османской державы: «Все христианские области Турции должны по необходимости стать независимыми, стать тем, чем они были, — княжествами, христианскими государствами и, как таковые, вновь вступить в семью христианских стран Европы при гарантии свободы религии, организации, их отношений между собой и с соседями» [21, т. II, ч. 2, с. 548]. Но как это мыслилось? При непрременном «покровительстве» самодержавия, иными словами — в зависимости от него. И здесь пути официальной России и балканского национально-политического возрождения расходились. Менять османское ярмо на узы царского протектората охотников не находилось, и «русское правительство, — пишет Б. Елавич, — ...оказалось не в состоянии завоевать благосклонность сколько-нибудь значительной прослойки в княжествах». Здесь автор нащупывает, можно сказать, «ахиллесову пятю» российской политики на Балканах, хотя ее замечание нельзя принять полностью. Свидетельства времен Крымской войны говорят о вполне благожелательном отношении сельского населения к русским солдатам и офицерам. Но в политике крестьянство никакой роли тогда не играло. Прорусской ориентации придерживалась часть крупного боярства. Но все передовое, устремленное в будущее, в румынском, например, обществе тянулось на Запад. Можно согласиться с оценкой автора о неспособности России завоевать молодое поколение: «румынское национальное движение, ведомое сыновьями бояр, получившими образование на Западе», повернуло к Франции [1, р. 67]. Болгары в 1878 г. готовы были внимать советам из Петербурга, но не желали подчиняться диктату [6, р. 202].

Да и могло ли быть иначе? Трагедия российской политики заключалась в том, что у кормила ее находились лица, от которых шарахалось все прогрессивное и которые, естественно, не могли обратить на пользу своей страны объективно-положительные для Балкан итоги русско-турецких войн. Народы вообще не жалуют чужого хозяйничанья в своих делах. Справедливо замечание Елавиной: «Хотя обычно российские акции были благодетельны для национального движения, они являлись иностранным вмешательством» [5, р. 85] и естественно, «вызывали негодование» [10, р. 266].

Обратимся к оценке некоторых ключевых моментов, по значению своему далеко выходящих за рамки региона. На наш взгляд, бездоказательна трактовка супругами Лондонской конвенции 1841 г. о режиме Черноморских проливов как англо-русского компромисса. «В 40-е годы XIX столетия,— повествуют они,— Россия и Британия действовали, как правило, в согласии в сфере своей восточной политики. Британское влияние в Стамбуле обычно ощущалось сильнее, но русское правительство не предпринимало активных усилий, чтобы изменить ситуацию» [5, р. 105]. И конвенция о Проливах будто бы «равно защищала интересы России, Британии и Османской империи» [10, р. 281].

Советская историография правомерно рассматривает принятый в Лондоне акт о закрытии Проливов для военных судов всех держав как крупное поражение самодержавия. Русский флот был заперт в Черном море; британский господствовал в Средиземном, подкрепляя позиции своей дипломатии в Константинополе. Именно в сороковые годы, когда царизм по бессилию, действительно без активного сопротивления, сдал свои позиции в Османской империи, и состоялось здесь экономическое и политическое утверждение Великобритании. Правда, в трактовке конвенции о Проливах Елавины непоследовательны. В другой книге Барбара оценивает ее как «победу британской дипломатии», отмечая, что Николай I, «несмотря на свою неприязнь к либеральному и конституционному правлению... отдавал предпочтение сотрудничеству с Британией и добивался решения Восточного вопроса в согласии с нею» [6, р. 90, 92]. Действительно, проанглийские симпатии царя окрепли, когда, как ему представлялось, в Европе остались лишь два утеса «правопорядка»,— Британия и Россия, о которые разбилась революционная волна.

Другим поворотным в истории Балкан и всей Европы пунктом явилась Крымская война. Печально известная миссия А. С. Меншикова, предрекавшая конфликт, преподносится Елавиной в духе, традиционном для западной историографии: царский уполномоченный «предъявил Порте требование ясного признания османской стороной права России на покровительство православным христианам» [5, р. 107; 6, р. 117]. Тем самым был поставлен вопрос об установлении контроля над Турцией, о «господстве России над империей», что «совершенно нарушало дипломатическое равновесие в Восточном Средиземноморье» [10, р. 285].

Да, в идеале, в основе своей утопическом, самодержавие мечтало об этом. Поведение самого Меншикова в Стамбуле можно смело уподобить хозяйничанью слона в «дипломатической» посудной лавке.

Но все же форму надо отделить от содержания. Анализ, произведенный советскими балканистами в последние годы, приводит к выводу, что, прими турки хоть все царские требования, со всеми точками и запятыми, ничего бы реально не изменилось. Главным в них был следующий пункт навязываемой туркам конвенции: «Посланники императорского Российского двора, как и в прошлом, будут вправе делать представления в пользу церкви Константинополя и других мест, а также в пользу клира, и эти представления будут приниматься как исходящие от соседней и искренно дружественной державы» [21, т. 1, с. 384].

В тогдашней ситуации, при преобладающем влиянии Великобритании в Стамбуле, поддерживаемый могуществом ее флота [22], султан мог внять, а мог и пренебречь преподанными ему советами. Один из поджигателей войны, английский посол Ч. Стрэтфорд-Каннинг не без умысла сфальсифицировал эту основную формулу, придав ей смысл вызываю-

щий («давать распоряжения церквям» [23, с. 245]), с тем, чтобы легче было подвинуть общественность своей страны к согласию с принятием крутых решений. Наконец, никакие переговоры нельзя характеризовать только на основе первоначальных требований. Надо проследить их до конца. Меншиков же закончил тем, что просил (именно просил!) подтвердить зафиксированные в довольно туманной форме в предшествовавших договорах права России на покровительство христианам. Впрочем, и здесь Б. Елавич не вполне последовательна, утверждая, что у Николая «не было мысли уничтожить Оттоманскую империю; самое большее, что он хотел — так это вернуться к условиям 1840-х годов и к тому положению, которое, как он считал, обеспечивают прежние договоры» [6, р. 118]. Это соответствует истине, но ни в малой степени не равнозначно «господству России» над Турцией.

Война разразилась потому, что в первый и последний раз в XIX в. представилась возможность объединения, по сути, всей Европы против самодержавия, а последнее, допустив грубейший политический просчет, заняло своими войсками Дунайские княжества, что было расценено как провокация и дало союзникам желанный повод для вторжения. Проявляя вряд ли уместную в данном случае скромность в оценке, Б. Елавич шипит: «Большинство держав полагало необходимым сохранение Оттоманской империи и баланса сил на Ближнем Востоке» [10, р. 283]. Что общего с сохранением баланса сил имело разоружение на Черном море, отторжение от России Южной Бессарабии, лишение ее выхода к Дунаю? А ведь защитники Севастополя заставили союзников умерить аппетиты!

Можно согласиться с Б. Елавич, что причиной крымского поражения явилась «слабость внутренней системы» России [10, р. 124], автор даже слишком мягка в формулировке, ибо война выявила всю отсталость самодержавно-крепостнического строя. Но вот с ее утверждением, что «до 1854 г. российская политика на Востоке осуществлялась вполне успешно» [10, р. 123], согласиться нельзя. Какой же это успех, когда были утрачены прежде прочные позиции, когда основной проводник этой политики — Николай I сетовал на состояние «ничтожества, в которое приведена Оттоманская империя англо-французским всемогуществом» [24, л. 68].

В рассматриваемых трудах окончание Крымской войны правомерно оценивается как рубеж во внешнеполитическом курсе самодержавия: Россия, по словам Б. Елавич, перестала быть «белым рыцарем консерватизма» [1, р. 12—13]. Действительно, доктрины Священного союза были отброшены. «После Крыма» те самые немецкие либералы, что нарекли Россию жандармом Европы, поспешили перекрестить ее в «колосса на глиняных ногах». В самых разных кругах, от Зимнего дворца до славянофильских салонов, предавали анафеме принципы, скрывавшие внешнюю политику на протяжении сорока лет. Не какой-нибудь бунтарь, а лояльный верноподданный князь В. А. Черкасский проклинал времена, когда Россия «со всех сторон опутанная узами добровольно принятых на себя обязательств, добровольно покинув высокое положение защитницы народов», променяла его «на роль охранительницы каких-то безымянных и отвлеченных начал и покровительницы полдюжины чуждых ей династий» [25, 1858, № 4, с. 67—68]. Новый руководитель МИДа князь А. М. Горчаков инструктировал послов в одном из первых своих циркуляров: «Обстоятельства вернули нам полную свободу действий». России необходима свобода рук: «всякие союзы могут только вовлечь ее в сферу», в которой она станет «орудием притязаний, ничего общего не имеющих с ее национальной политикой» [26, с. 147].

Но прошлое было не только мрачной тенью, преследовавшей русскую дипломатию в «александровское время». Увлеченный своим красноречием, князь В. А. Черкасский именовал «безымянными и отвлеченными» охранительные начала, соединившие монархов в Петербурге, Вене и Берлине в союз против народов. А они были очень конкретны, эти начала; и совсем не «чуждыми» по духу Романовым были Габсбурги и Гогенцоллерны. Европейская реакция нуждалась в сплочении, и в разных формах ее со-

трудничество возрождалось вновь и вновь. В связи с этим немалый интерес представляют рассуждения Б. Елавиц о месте Габсбургской монархии в балансе сил держав. Пожалуй, она права, утверждая, что материальные выгоды от сотрудничества консервативных дворов извлекала прежде и больше всего Вена. Вдохновитель этой политики, князь К. Меттерних, получил возможность контролировать «пруссские действия в Германии и российские шаги на Балканах. Меттерниху всегда было свойственно понимание тесной связи интернациональной политической идеологии и внешней политики. Он мог использовать страх своих соседей перед революцией, который он разделял, чтобы заручиться их поддержкой в обеспечении преобладания Габсбургов в Германии и на Итальянском полуострове. Даже в Восточном вопросе, где ему было труднее сдерживать вторжение России, урегулирование серии кризисов не нанесло ущерба фундаментальным австрийским интересам в регионе» [7, р. 54].

Многое справедливо в этой оценке. Главное — что для Австрийской монархии в том виде, как она существовала после Венского конгресса 1815 г., Священный союз был необходим как воздух. Стоило преемникам Меттерниха выступить против России в годы Крымской войны — и начался кризис и развал державы, длительный, затянувшийся до 1918 г., но очевидный. Приоритет в этом процессе принадлежал внутренним факторам. Проявления национального движения расшатывали ее устои. Но и внешние со счетов сбрасывать не стоит: поражения в войнах с Францией и Сардинией (1859), Пруссией (1866) крайне обостряли внутренние дела и побуждали венскую реакцию лавировать и отступать. Все же в утверждении Б. Елавиц, относящееся ко временам «безоблачного» сотрудничества Габсбургов и Романовых, следует внести важную коррективу: Россия порой очень больно затрагивала балканские интересы Дунайской монархии (особенно по Адрианопольскому миру 1829 г.); Меттерних заламывал руки в отчаянии; но, по здравом размышлении, «высшие соображения» европейской реакции брали в его уме верх над региональными делами, и он раскрывал объятия царским сановникам, полагая, что это лучший способ воздействия на них.

В ситуации, в которой оказалась Россия «после Крыма» и которую хочется назвать отчаянно трудной, князь А. М. Горчаков определил ее задачи фразой, облетевшей весь мир: «Россия не дуется. Россия сосредотачивается» [27, с. 5]. Б. Елавиц так оценивает положение: «Россия была слишком слаба в данный момент, чтобы воспользоваться дальнейшим ослаблением или развалом Османской империи; в ее интересах было проводить политику оттяжек до тех пор, пока не появится возможность получения соответствующей компенсации» [1, р. 13—14].

Что в этом тезисе верно — так это утверждение о слабости внешнеполитической позиции России. Сказать точнее — в момент окончания войны самодержавие оказалось в состоянии полнейшей изоляции. Но, с другой стороны, никакой немедленной угрозы ослабления Османской империи, и тем более — ее распада — не существовало, ведь видимой, гласной целью войны со стороны союзников было сохранение султанских владений. Да, российская дипломатия на Балканах перешла к глубокой обороне; ее можно назвать политикой оттяжек; она была убеждена — и не без оснований, — что широкомасштабное выступление балканцев ничего, кроме неудачи, им не принесет.

Но в то же время в Петербурге существовало ясное понимание, что пассивность равнозначна отдаче Балкан в полное и безраздельное распоряжение союзников, что единственным средством для укрепления своих пошатнувшихся позиций в условиях, когда присущие николаевской дипломатии силовые приемы отошли в область предания, является поддержка требований общественности, направленных на расширение национальных прав. Поэтому дипломатическая оборона носила активный характер, хотя и была непоследовательной и колеблющейся. Поддержка оказывалась «от сих до сих», чтобы ни в коем случае не доводить дело до открытого взрыва, в пламени которого — в этом в Зимнем дворце были уверены, —

выкуются новые цепи для балканцев, а Россия, в случае ее вмешательства, потерпит поражение, в сравнении с которым поблекнет крымское.

В сложившейся обстановке необыкновенно ответственной становилась роль руководителя российского внешнеполитического ведомства, которое, как уже говорилось, возглавил князь А. М. Горчаков, лицейский одноклассник Пушкина, во всеоружии своего почти сорокалетнего опыта и личного знакомства с Англией, Германией, Италией, Австрией, куда бросала его карьера. Эту фигуру нельзя обойти ни в одном труде по истории международных отношений. Характеризует его и Б. Елавич. И тут с нею согласиться нельзя. «В век революционного национализма и реальной политики Горчаков не сумел использовать оружие новой эпохи»; «он остался, в сущности, придворным дипломатом, „кавалером старого режима“» [1, р. 24—25], оказавшимся «далеко позади своих великих современников» — О. Бисмарка, К. Б. Кавура и даже ... Наполеона III [1, р. 25]. Единственно, с чем можно согласиться в этой тираде, — так это с утверждением, что Горчаков не был дипломатом нового времени, буржуазной формации; и по личным, дворянско-консервативным воззрениям, и как представитель самодержавия он был скован реакционными догмами; он не мог пользоваться такими приемами, как экономическое вторжение, не мог извлекать выгоду из идеологической и политической привлекательности учреждений своей страны, что делали его соперники, наконец, был лишен возможности жонглировать популярным «принципом национальности». Но в деле защиты российских интересов, тяжко ущемленных Парижским миром 1856 г., укрепления ее позиций в Европе, восстановления влияния на Балканах он достиг многого.

К области фантастики следует отнести утверждение Б. Елавич, будто Горчаков «всегда должен был работать в полнейшем подчинении у своего суверена — Александра II, хотя и трудно определить, в какой степени министр являлся простым орудием своего повелителя» [1, р. 25]. И это говорится о государственном муже, который впервые посмел назвать себя российским (а не только императорским) министром. На протяжении всего XIX в. можно говорить лишь об одном руководителе МИДа, который выработывал внешнеполитический курс, и им был А. М. Горчаков; во все прочие времена бразды правления держали цари. Нельзя всерьез противопоставлять Горчакову Н. К. Гирса, как это делает Б. Елавич, сравнив просто несоизмеримые величины. Видимо, под влиянием знакомства с корреспондентией последнего, наш автор высоко ставит гирсовские «умеренность, взвешенные суждения и присущий ему в высшей степени такт» [1, р. 27]. Но ведь всех этих похвальных качеств недостаточно для формирования сколько-нибудь масштабного деятеля, — необходимы еще широта кругозора, концепционное мышление, политическое влияние и воля. А все это у Гирса, успешно преодолевшего ступени служебной лестницы с помощью того же Горчакова, отсутствовало. Именован Гирса «одним из основных государственных деятелей России XIX в.» [1, р. 28] — значит витать в облаках. Гирсовского периода в истории русской дипломатии не существует, а горчаковский наличествует. Гирс, употребляя пушкинское выражение, был самым «послушливым» из министров, поставив свою подпись под письмом о заключении союза с Францией, хотя всю жизнь был сторонником ориентации на Германию.

Рассматриваемая сквозь призму мнимой дипломатической посредственности Горчакова, «послекрымская» балканская политика России предстает в трудах Елавичей односторонне и, по большому счету, упербно, хотя и здесь имеется немало верных наблюдений. Так, Б. Елавич отмечает крутой поворот от союза с Австрией к поискам альянса с Францией, расценивая это как единственно мыслимый тогда выход из внешнеполитической изоляции. Однако в ее трактовке Россия заняла тогда подчиненную роль. Вот как рассматриваются совместные акции двух держав, способствовавшие объединению Дунайских княжеств и образованию единого Румынского государства: «Россия всегда поддерживала Францию, но оставалась на шаг позади», шла за Францией в ее тени [1, р. 14, 15]. Полагаю, что приводимых нами [23] и другими советскими исследовате-

лями данных достаточно для вывода о самостоятельности курса А. М. Горчакова и П. Д. Киселева, заключавшемся прежде всего в том, что российская дипломатия последовательно и достаточно искусно защищала автономные права Молдавии и Валахии, оберегала их от вмешательства извне. Можно и должно говорить о своекорыстных мотивах обоих, о стремлении не допустить роста в княжествах австрийского и турецкого влияния; но невозможно отрицать, что активность российских представителей способствовала победе в Молдавии и Валахии прогрессивных сил.

Да и сама Б. Елавич справедливо, на наш взгляд, утверждает: «Семь лет, последовавших за Крымской войной, явились свидетелями революционных изменений в балканских государствах. И в каждом случае русское правительство одобрило или поддержало вооруженные восстания против законных правителей и действия в нарушение международных соглашений. Самодержавная Россия ни в коем случае не являлась сторонником легальности, ...как то было в предшествовавшее правление» [6, р. 141].

Итак — не просто выход из изоляции, а активное воздействие на европейские дела, поощрение революционной (в смысле сокрушения status quo) перестройки полуострова, — и все это осуществлено «кавалером старого режима»! Парадокс!

Б. Елавич временами пытается проникнуть «на кухню» российской дипломатии, рассматривая взаимоотношения между различными ее звеньями. Справедливо ее замечание относительно сочувствия, питаемого многими консулами к национальному движению. Но, на наш взгляд, она покидает почву реальности, утверждая: «Российский дипломат на Балканах работал в условиях замечательной свободы и независимости»; «отдельные агенты часто вели персональную политику, противоречившую общей программе правительства» (!!) [1, р. 33]. Признаемся, нам подобное неизвестно. Гораздо ближе к истине был Г. Д. Пальмерстон, под руководством которого английские дипломаты тридцать лет боролись против русского влияния в Османской империи. Он ставил в пример своим подчиненным опыт, искусство и пыл их российских оппонентов, но считал их проводниками продиктованного из Петербурга курса, а не оппозицией.

Вполне правы Елавичи в своих утверждениях о зыбкости франко-русского альянса, нереальности надежд оторвать Наполеона III от союза с Великобританией, в котором он видел опору своей не очень прочной власти. Российским сановникам пришлось убедиться, что «маленький Наполеон» лишь манит призраком пересмотра Парижского мира. По свидетельству Б. Елавич, при содействии России произошло объединение Италии и Румынии, «в обмен же Россия получила мало что, кроме чувства удовлетворения от унижения Австрии» [6, р. 146]. Когда же Наполеон вздумал говорить (именно говорить, а не действовать) в пользу восставших в 1863 г. поляков, всяким попыткам наладить сотрудничество с Францией со стороны Петербурга пришел конец: поднимать перед самодержавием польский вопрос было все равно что размахивать красной тряпкой перед быком. Царизм занял позицию наблюдателя при разгроме Франции Пруссией в 1871 г. Б. Елавич сурово осуждает эту пассивную позицию, рассматривая ее как крупный стратегический провал: «Лишь отказ России от традиционной политики навязывания раздробленности Центральной Европы и активного вмешательства в дела малых государств сделал возможным последующие действия Пруссии» [6, р. 149].

Явно отдает волюнтаризмом и заявление, будто самодержавие держало в своих руках ключи от судеб Германии. Великие проблемы истории, — а объединение Германии относилось к их числу, — ведению кабинетов не подлежат. От последних зависели в какой-то степени лишь сроки и формы осуществления давно назревшего. Что царизм не стал вставлять палки в колеса процесса — свидетельствует об извлечении им урока из неудачного опыта Священного союза по части «держать и не пуцать». Да и ситуация представлялась архисложной и не поддавалась однозначной оценке: прогрессивное дело осуществлялось прусским юнкером; сохранялась надежда, что Германская империя продолжит традиционный

союз с Россией [28, л. 5]. Сама Елавич свидетельствует: «Воспитанный в прусских заветах, преисполненный сознания необходимости русско-германской дружбы, Бисмарк на протяжении всей своей карьеры стремился сохранить старую консервативную ориентацию» [6, р. 188].

И тут мы приближаемся к той комбинации, которая вошла в историю под громким названием Союз трех императоров (1874), а по существу являлась консультационным пактом между Петербургом, Берлином и Веной на случай возможных осложнений в Европе. Б. Елавич, употребляя выражение Козьмы Пруткова, «зрит в корень», говоря о его охранительной идеологической основе. Договор являлся «щитом» для русской, немецкой и австрийской автократии, которым они прикрывались от урагана революции. Расчлененная Польша толкала их в объятия друг друга [6, р. 291]. «Разрушение Австро-Венгрии или установление господства на Балканах ни в коей мере не было в ту эпоху непосредственной целью русской политики. Подлинные интересы России требовали сохранения мира, развития внутренних ресурсов, и ее государственные деятели это сознавали». Вопрос о Константинополе и Проливах потерял прежнее значение. «Конечно, — замечает она, — российское правительство с благодарностью приняло бы Константинополь, будь он преподнесен на тарелочке, но награда не стоила того, чтобы рисковать из-за нее русским национальным существованием» [6, р. 276]. Что верно, то верно.

Экспансионистская энергия даризма устремилась в Среднюю Азию, где наталкивалась на встречное продвижение Британии. Стрелка барометра отношений между двумя странами не сходила с отметки «напряженность». Нужен был щит в Европе, гарантия здесь от осложнений; Союз трех императоров ее давал. Бисмарк крепил отношения с Россией и дружбу с Австро-Венгрией в надежде на то, что уловит-таки благоприятный момент для нанесения нового, на сей раз решающего удара по Франции. Австрийское государство после поражений 1859 и 1866 гг., крайне обостривших внутреннее положение, нуждалось в передышке. Неурожай и эпидемия холеры обострили экономическую ситуацию. Межнациональные противоречия в многоплеменной империи достигли точки кипения. «Компромисс» 1867 г., превращение державы Габсбургов в дуалистическую Австро-Венгерскую монархию несколько успокоил венгров, но обострил недовольство чехов, словаков, румын, хорватов. Балансируя во имя сохранения трона, двор не мог пока что активизировать свой балканский курс (что в перспективе предполагалось). В отчете российского МИД за 1873 г. замечалось: двум империям — Романовых и Габсбургов — лучше «сосуществовать, нежели заниматься уничтожением друг друга». С помощью Союза трех императоров «фантомы панславизма, пангерманизма, полонизма и Дунайско-Венгерской монархии были сведены к своим истинным пропорциям» [28, л. 7].

Итак, Союз трех императоров означал отказ от каких-либо честолюбивых планов в Юго-Восточной Европе. Это была временная комбинация взаимно подозревавших друг друга. Она не разорвала кольца внешнеполитической изоляции России, что остро проявилось во время Восточного кризиса 1875—1878 гг. и развернувшейся в его рамках русско-турецкой войны. Объединенная Европа, ударной силой которой выступили открытая противница России (Великобритания) и ее коварная союзница (Австро-Венгрия), лишила Россию значительной части плодов ее победы, а балканские народы — итогов их национального движения. Недаром Берлинский конгресс 1878 г. во внутренней переписке МИД именовался трибуналом.

Б. Елавич, обрисовав одиночество России, приходит к выводу: «Сомнительно, чтобы было возможно в создавшихся условиях достичь большего, чем добилась российская дипломатия на конгрессе» [6, р. 185, 187], а русско-турецкую войну 1877—1878 гг. называет «авантюрной акцией». Вырисовывается знакомая формула: «Не надо было браться за оружие». Сбрасывается со счетов то, что составляло суть Восточного кризиса. Это было великое деяние балканских народов, осуществивших в ходе кризиса буржуазно-демократическую революцию; это был всенарод-

ный порыв солидарности с южными славянами в России. Подобные явления не поддаются измерению мерками кабинетной дипломатии. Да и сама Б. Елавич в противоречии (на наш взгляд — полнейшем) с вышесказанным, свидетельствует: «Конгресс в Берлине явился переломом исторического значения для развития Балкан и в известной мере — всей Европы. Достижение большинством балканских народов самостоятельного национального существования совпало с эпохой империалистической экспансии великих держав» [5, р. 196]. Приведем еще одно авторитетное высказывание. Видный тюрколог проф. К. Карпат считает 1878 г. водоразделом между историей османской и национально-турецкой, ибо от империи султанов в Европе мало что осталось [29, р. 2].

Так правомерно ли именовать авантюрой ту акцию, русско-турецкую войну, которая имела столь зримые общеевропейские последствия? В 1879 г., с заключением австро-германского союза, по балканским интересам самодержавия был нанесен сильный удар; договор подразумевал поддержку вторым рейхом экспансии двуединой монархии в Юго-Восточной Европе. Затем последовал разрыв Петербурга с Софией; последняя точка опоры в регионе была потеряна. «К 1887 г. русское влияние на Болгарию было устранено; с одобрения Габсбургов Россия фактически была удалена с полуострова». Лондон и Вена торжествовали: «основные преимущества, достигнутые Россией в 1878 г., были аннулированы» [7, р. 133—134].

Эта оценка подтверждает беспочвенность утверждений, будто над Балканами после 1878 г. нависла угроза вторжения самодержавия, если не военного, то политического, будто Румыния присоединилась к Тройственному союзу, руководствуясь страхом. Одним из направлений экономического, финансового и политического вторжения Германии и Австро-Венгрии являлась Юго-Восточная Европа. Крестный отец Тройственного союза, О. Бисмарк, изъясняясь в дружбе с Россией, создал систему комбинаций с тем, чтобы парализовать активность последней на Балканах. После этого, отмечает Б. Елавич, канцлер мог без всяких опасений «публично поддерживать Россию» [6, р. 210]. Что же касается самодержавия, то оно удовлетворилось заключением в 1897 г. соглашения с Австро-Венгрией на основе сохранения сложившегося положения. Его аппетиты теперь распространились на Дальний Восток, где, как казалось, их можно было удовлетворить с меньшим риском, нежели в спокойной Европе.

Возникает вопрос: а не перестарался ли «железный канцлер»? Своими действиями он поневоле подтолкнул Петербург к сближению с Парижем. То, чему он противился всю жизнь, произошло, хотя, замечает Б. Елавич, «у России не было предмета спора с Германией, и она не бросала вызова этому военному гиганту» [6, р. 204].

Обрисовав выгоды, которые сулил Дунайской монархии союз со вторым рейхом, Б. Елавич не проходит и мимо связанных с ним потерь. А они были велики. Вена оказалась вовлеченной в круг франко-германских, а позднее и англо-германских противоречий, хотя ее интересы не сталкивались ни с французскими, ни с британскими. Подобно тому как Вильгельм II предал забвению основной постулат бисмарковской политики — никогда не доводить дело до разрыва с Россией, — преемники Меттерниха нарушили его правило: не приносить европейские дела в жертву региональным, какими бы важными последние ни представлялись. Трудно поэтому согласиться с выводом Б. Елавич: «Если только договоры могли обеспечить Габсбургам безопасность, было достигнуто поистине идеальное положение» [7, р. 131].

И тут, нам представляется, пришло время вернуться к оценке роли Восточного вопроса в жизни Европы. Суть балканоцентристских взглядов Елавичей видна в их подходе к причинам, породившим первую мировую войну: «Франция вступила в войну ради защиты балканской политики России (! — В. В.) по вопросу, в котором прямо не была заинтересована и ради которого не стоило рисковать своим национальным существованием» (!! — В. В.) (См. [6, р. 219]). Германия оказалась

в политической зависимости от своего младшего партнера. Почему в горниле конфликта очутилась Великобритания, вообще умалчивается, а уж она-то не была связана никакими, даже бумажными обязательствами насчет балканских дел.

Сорок лет искала Германия повода для того, чтобы скрестить с Францией мечи; столько же лет вынашивали французы идею реванша; германо-британские противоречия достигли глобальных масштабов; выражением их в военной сфере явилась программа немецких морских вооружений, воспринимавшаяся в Лондоне как попытка выбить трезубец Нептуна из английских рук. Все это оказывается у Елавичей в тени.

Случаю угодно было, чтобы поводом к войне послужило убийство австрийского престолонаследника Франца-Фердинанда, о чем между прочим, не слишком жалели в Шеннбрунском дворце, ибо кайзер Франц-Иосиф находился с племянником в натянутых отношениях. Б. Елавич справедливо пишет, что за кулисами австро-сербского конфликта стояли Россия и Германия: «Без твердой поддержки Петербурга Белград был не в состоянии выстоять или вести наступление на дуалистическую монархию. Без Германии Австро-Венгрия не могла бы ни защитить собственные позиции, ни продвинуться на Балканах» [6, р. 263].

Вспыхнувший на юго-востоке Европы пожар не превратился бы в мировой, раскинувший свои фронты в Бельгии и Франции, в России и Турции, в Аравии, Африке и Китае, — не существовало империалистических противоречий мирового плана. Увлечение балканоцентристскими схемами ведет если не к забвению, то к умалению этой истины.

Широкомасштабный охват событий в длительной хронологической перспективе, соотнесение внешней политики России с курсом других держав и задачами освободительного движения на разных его этапах — все это определяет ценность исследований Елавичей. Они содержат немало верных наблюдений, интересных соображений, основанных на фактах выводов. Неопровержимо проходящее красной нитью через их труды утверждение: «Несомненно, благодаря русской помощи малые нации были освобождены из-под оттоманского контроля» [6, р. 294—295].

И все же цельной концепции внешней политики в этих исследованиях нет. Сошлемся на следующую формулировку: «Русская политика колебалась между принесением в жертву собственных интересов ради балканских народов и использованием этих же наций во имя достижений целей России» [6, р. 295]. Налицо нерасчлененность субъективного и объективного, царской политики и итогов русско-турецких войн и крупномасштабных дипломатических акций по расширению прав христианского населения, идентификация государственных интересов России и классовых устремлений ее дворянской, а затем и буржуазной верхушки, недооценка в большинстве случаев воздействия общественности на формирование и проведение внешнеполитического курса.

Так что же все таки было? В последние годы Б. Елавич склоняется к мнению, что Россия вообще напрасно ввязалась в балканские дела. Остановимся на ее чрезвычайно показательной статье под заголовком «Россия и балканское национальное движение: опыт исследования великодержавной мифологии» [30]. Что вкладывает автор в само понятие — великодержавная мифология? Оказывается, «великие державы, подобно малым народам, руководствовались романтическими представлениями относительно их места в истории и часто совершенно иррациональными концепциями относительно значения их вклада в развитие человечества» [30, р. 56].

Этим она объясняет «отзывчивость царской России к призывам балканских национальных лидеров». Общий же постулат таков: самодержавие руководствовалось «государственными интересами, а не идеологией» в своей внешней политике. Цари и министры стояли на страже европейского равновесия; «они не вынашивали далеко идущих империалистических планов или четко сформулированных национальных целей». «Российские акции часто предпринимались в ответ на более амбициозные британские инициативы в Китае, Индии, Афганистане, Персии». Повсюду

самодержавие (с чем вполне можно согласиться) действовало с позиций эгоизма. Везде, подчеркивает Б. Елавич, кроме Балкан (тут мы расходимся с ней во мнениях). Здесь, утверждает она, российское правительство «было готово приносить жертвы, непропорционально большие в сравнении с предметом спора» [30, р. 59].

Итак, балканская политика царизма питалась, по мнению Б. Елавич, соками чистейшего идеализма. Настроения общественности она представляет побудительными мотивами дипломатии. Россия в XIX в. оказалась вовлеченной в четыре войны с Турцией. «Эту парадоксальную ситуацию, — пишет она, — породило в основном огромное воздействие балканских проблем на русских как индивидуумов и параллельное развитие взглядов в России и на Балканах на их исторические судьбы. В пору гнета и кризисов в игру вступали иррациональные представления, основанные больше на воображении и сантиментах, нежели на национальном интересе» [30, р. 58]. Однако, подчеркивает автор, «всякий раз, когда российское правительство оказывалось не в состоянии предоставить ожидаемую помощь национальному продвижению, балканские народы, без исключения, проявляли способность выступить против своего прежнего покровителя и патрона. Они выражали готовность... сотрудничать с любым двором, склонным их поддержать, причем даже в тех случаях, когда подобная политика наносила ущерб интересам Санкт-Петербурга». И далее: «Лишь только достигались национальные цели, явственно проступали противоречия между царской автократией и новыми нациями» [30, р. 63].

Завершает свои размышления Б. Елавич на меланхолической и романтической ноте: она вспоминает легенду о рыцаре, освобождающем принцессу из лап дракона. Одолев чудовище, рыцарь, вместо ожидаемых проявлений благодарности и любви, видит, как дева устремляется к другому возлюбленному, освободителя же обвиняет в самых низких побуждениях [30, р. 66].

И все же Б. Елавич злоупотребляет черной краской, живописуя «неблагодарность балканцев». Наш собственный опыт многолетнего общения с архивными материалами по внешней политике приводит к выводу, что альтруизм никогда не толкал самодержцев и их сановников к действию. Лично они могли сочувствовать славянам и православным. Но когда начиналось «дело» — на сцену выступал государственный интерес в его узкоклассовой, дворянско-консервативной трактовке. Элементы национальные (такие, как обеспечение безопасности границ, создание условий для хозяйственного развития юга страны, обеспечение благоприятного режима Черноморских проливов) сочетались с неприкрытым стремлением установить в Юго-Восточной Европе свою гегемонию.

С другой стороны, сознание соседства и желание добрососедства на протяжении столетий, единые истоки культуры, общность веры, близость языка с южными славянами, — все это входило составной частью в народный менталитет, побуждало рассматривать русско-балканские связи не как занятие «высших сфер», а как кровное народное дело. Шарахались от России, искали благосклонности Запада правители, а не массы. Города и поля Юго-Восточной Европы усеяны монументами воинам-освободителям. И это ли не свидетельство благодарной памяти, и это ли не связующее звено между прошлым и настоящим народов нашей страны и Балкан?

Лишь размежевание объективного и субъективного в проблеме «Россия и Балканы», лишь проведение водораздела между целями самодержавия и итогами деяний России в регионе дает ту нить, с помощью которой можно выбраться из лабиринта противоречивых оценок, вроде следующей: российская дипломатия в XIX в. достигла «замечательных успехов» [6, р. 287]. Спрашивается, в чем? В том, что «балканское национальное движение одержало триумф в значительной мере благодаря русской помощи» — да! Ну, а царизм оказался у разбитого корыта своих честолюбивых надежд.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Jelavich B.* Russia and the Rumanian National Cause. Bloomington, 1959.
2. *Jelavich B., Jelavich Ch.* Education of a Russian Statesman: the Memoirs of Nicholas Karlovich Giers. Berkeley, 1962.
3. История СССР, 1961, № 1.
4. *Jelavich Ch.* Tsarist Russia and Balkan Nationalism. Berkeley, 1959.
5. *Jelavich B., Jelavich Ch.* The Establishment of the Balkan National States 1804—1920. Seattle, 1977.
6. *Jelavich B.* A Century of Russian Foreign Policy. Philadelphia and New-York, 1964.
7. *Jelavich B.* The Habsburg Empire in European Affairs. Chicago, 1969.
8. *Jelavich B.* The Ottoman Empire, the Great Powers and the Straits Question 1870—1877. Bloomington, 1973.
9. *Jelavich B.* St. Petersburg and Moscow. Tsarist and Soviet Foreign Policy 1814—1974. Bloomington, 1974.
10. *Jelavich B.* History of the Balkans. Eighteenth and Nineteenth Centuries. Cambridge (USA), 1983.
11. *Jelavich B.* History of the Balkans. Twentieth Century. Cambridge (USA), 1984.
12. *Jelavich B.* Russia and the Formation of the Romanian National State. Cambridge (USA), 1984.
13. *Достян И. С.* Россия и балканский вопрос. М., 1972.
14. Восточный вопрос во внешней политике России. Конец XVIII — начало XX в. М., 1978.
15. Международные отношения на Балканах 1815—1830. М., 1983.
16. Международные отношения на Балканах 1856—1878. М., 1986.
17. *Виноградов В. Н.* Великобритания и Балканы: от Венского конгресса до Крымской войны. М., 1985.
18. *Шеремет В. И.* Османская империя и Западная Европа, вторая треть XIX века. М., 1986.
19. Архив внешней политики России (АВПР), фонд Канцелярия.
20. *Достян И. С.* Россия и проблемы государственного устройства балканских народов в первой трети XIX в.— *Etudes balkaniques*, Sofia, 1976, № 3.
21. *Зайончковский А. М.* Восточная война 1853—1856 гг. в связи с современной политической обстановкой. СПб., 1913.
22. *Золотарев В. А., Козлов И. А.* Российский военный флот на Черном море и в Восточном Средиземноморье. М., 1988.
23. *Виноградов В. Н.* Россия и объединение румынских княжеств. М., 1961.
24. ЦГАДА, ф. 1292.
25. Русская беседа.
26. *Никитин С. А.* Очерки по истории южных славян и русско-балканских связей в 50—70-х гг. XIX в. М., 1970.
27. Сборник, изданный в память 25-летия управления Министерством иностранных дел князем А. М. Горчаковым. СПб., 1881.
28. АВПР, фонд Отчеты МИД, 1873.
29. Arizona State University. South-Eastern Europe, v. 5, № 1, 1978.
30. *Jelavich B.* Tsarist Russia and Balkan National Movement; a Study in Great Power Mythology.— *Culture and Nationalism in the Nineteenth Century Eastern Europe*, Columbus, 1985.

СВИРИДА И. И.

НАЦИОНАЛЬНОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ (к вопросу о типе культуры)

Проблема типологии культурных эпох — одна из широко дискутируемых в нашей научной литературе. Интерес к ней свидетельствует о стремлении осознать развитие культуры в ее «собственных» характеристиках, выявить общее и особенное в культурно-историческом процессе. В этой связи представляется важным еще раз обратиться к вопросу о сущности понятия «национальное возрождение».

«Сейчас мы знаем о Ренессансе во сто раз больше, чем Мишле и даже Буркхардт, — писал недавно исследователь той эпохи, — но в отличие от них мы не знаем, что такое Ренессанс» [1]. Эта казалась бы парадоксальная констатация не является выражением гносеологического пессимизма, а свидетельствует о противоречивости самого процесса познания. Она ясно ощущается и при знакомстве с новейшей литературой, посвященной национальному возрождению. С одной стороны, в многочисленных серьезных исследованиях во все большем разнообразии и сложности вырисовывается картина связанных с ним явлений, а с другой — возникло множество различных представлений об объеме этого понятия, о географических и временных координатах национального возрождения, о его соотношенности с западноевропейскими культурными процессами.

Несомненно, что как деятели той эпохи, так и ее первые исследователи относили это понятие к сфере культуры. В последние десятилетия советские и зарубежные историки, стремясь раскрыть общественно-исторические предпосылки национально-культурного подъема народов Центральной и Юго-Восточной Европы¹, важнейшее внимание уделили социально-экономическим, политическим, национальным, идеологическим основам этого процесса. В результате понятие «национальное возрождение» приобрело качественно иное наполнение и стало применяться для обозначения эпохи перехода народов ареала от феодализма к капитализму в целом. Условность такого его употребления уже отмечалась исследователями [2, с. 26]. Некоторые ученые, занимающиеся общесторическими проблемами, вообще склонны от него отказаться (подробнее об этом см. [3]).

Философы определяют понятия как «итог, результат обобщения явлений, их свойств, признаков, закономерных связей», понятия — это «опорные пункты для достижения новых знаний» [4]. Если понятие «национальное возрождение», отнесенное к экономике Чехии, Хорватии или Болгарии отнюдь не помогает лучше осмыслить общее и особенное в процессе их перехода от феодализма к капитализму, то в сфере культуры оно несомненно способно служить раскрытию типологии ее явлений, их сход-

Свирида Инесса Ильинична — д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения и балканистики АН СССР.

¹ Такое обозначение рассматриваемого ареала более точно отражает его местонахождение в Европе, чем традиционно применяемое «Центральная и Юго-Восточная Европа».

ства и различия у отдельных народов, здесь оно обнаруживает свою эвристическую перспективность; в этой области оно не только полезно, но и необходимо.

В трудах, посвященных культуре Центрально- и Юго-Восточной Европы, значительное место уделяется сопоставлению путей ее развития с западноевропейскими процессами. В поисках места для национального возрождения на карте мировой культуры раскрыто много точек его схождения с различными эпохами. Если одни исследователи сближают его прежде всего с Ренессансом, то другие — с современным ему Просвещением, реже — с романтизмом. В круг сравнений включено и итальянское Рисорджименто [2, с. 26—27]. Меньше внимания отведено эпохе барокко, которая сама, еще не вполне обретя «законный» статус, фигурирует в большинстве случаев в проводимых параллелях лишь как стиль, хотя, может быть, прежде всего в ней нужно искать истоки национального возрождения (не случайно сейчас ясно выступает тенденция опустить его нижнюю границу к рубежу XVII—XVIII вв.).

Видя отличие национального возрождения от западноевропейских процессов, исследователи ищут компромиссных формулировок, говорят о «национальном», «затянувшемся», «неполном», «отраженном», «славянском» Просвещении, о «симбиозе Просвещения и Романтизма», о «ренессансно-просветительских» явлениях.

Дело, в конечном итоге, не в том, как назвать ту или иную эпоху, найти ей собственные характеристики или описать ее опосредованно. Изучение культуры может вестись в рамках различных конвенций². При этом важно, однако, исходить из целостного представления о той или иной эпохе, видеть в Просвещении или Ренессансе определенный тип культуры³, рассматривать их как системы культуры, создавшие свою картину мира, воплотив ее в соответствующих идеологических, этических, эстетических, научных, религиозных представлениях. Они сформировали особую структуру и иерархию сфер культурной деятельности с присущими ей социальными, видовыми, функциональными и институциональными характеристиками. Культура каждого типа обладает также исторически определенным положением в системе породившего ее общества, в мировой культуре. Опираясь на имеющиеся исследования и не претендуя на исчерпание проблемы, попытаемся показать, что и национальное возрождение может быть рассмотрено как такое системное единство, как один из типов культуры, сложившихся при переходе к новому времени, как особая культурная формация⁴. Целесообразность типологического подхода уже отмечалась исследователями [7—10], раскрывшими в своих трудах многие важнейшие признаки национального возрождения.

Национальное возрождение выступило на большинстве земель рассматриваемого ареала, хотя и не ограничивалось им⁵. Исключением

² Отметим лишь, что перенесение западноевропейских понятий, их генерализация, ведет к универсализации критериев, что долгое время мешало, например, увидеть эстетическую ценность, своеобразие вклада народов ареала в мировую культуру. Их творчество, неразрывно связанное с образами фольклора, сопоставляемое с профессиональным искусством того времени, которое выросло на нормативной основе классицизма, неизбежно воспринималось как более «примитивное», как усеченный вариант западноевропейских процессов, а потому не заслуживало специального внимания. Это отчетливо видно в обобщающих, особенно более ранних, трудах по истории искусства. Преодоление этой тенденции в последнее время получило выражение, в частности, в книге, посвященной структурно-типологическому исследованию художественно-культурных процессов [5].

³ «Спор о ренессансах должен предшествовать... спор о модели, от которого не спасут никакие ссылки на историческое своеобразие» [6], — отмечалось в связи с дискуссией, был ли Ренессанс всемирноисторическим типом культуры.

⁴ Термин «формация» все чаще встречается в исследовании явлений культуры (в их разном объеме). Понятие «культурная формация», как представляется, может служить структурно-типологической характеристике локально-исторических типов культуры. Научные перспективы его применения нуждаются в обсуждении.

⁵ Вопрос «географии» национального возрождения требует особого исследования и освещения. Несомненно эта культурная формация имела место и за пределами рассматриваемого ареала, распространяясь, в частности, на восточных славян (кроме

являлась, польская, а в значительной мере, и венгерская культуры, развитие которых в силу исторических обстоятельств и культурных традиций шло иначе⁶. Оно было отмечено наличием Ренессанса. Эта эпоха оставила яркий след также в хорватской и чешской культуре. Однако полная и длительная потеря независимости решающим образом изменила здесь ситуацию. У хорватов в результате различного подчинения отдельных земель была резко ослаблена их общность, что углубило культурный регионализм (особенно сказавшийся в сфере языка), ограничило воздействие ренессансных традиций. Сохранение лишь небольшого слоя этнически «своего» господствующего класса затормозило развитие обслуживавшей его потребности «высокой» культуры. Что касается Чехии, то здесь барокко и Просвещение выявились с известной полнотой. Однако это произошло в недрах не столько собственно чешской культуры, сколько культуры Чешских земель [11], в которой существовал и слой господствующей австро-немецкой культуры⁷. Выдвижение на первый план национального аспекта, ярко обозначившегося в чешской культуре с последней трети XVIII в., позволяет говорить о национальном возрождении как новой и особой фазе в развитии чешской культуры. В то время она не могла развиваться, не решив языкового вопроса, не определив своего места в окружающем мире. Это привело к переориентировке общественно-культурной мысли, к появлению иной в социальном и этническом плане группы ее носителей и творцов, к изменению структуры культурной деятельности, к актуализации иных традиций, а в конечном итоге определило «национально-возрожденческий» тип культурных процессов, выразившийся, среди прочего, в соответствующих идеологических, нравственных, эстетических представлениях. При этом наличие у чехов ренессансных традиций, постоянное присутствие на землях чехов, как и других народов, входивших в состав Австрийской монархии, актуальных тенденций тогдашней европейской культурной жизни, более высокий цивилизационный уровень в целом, отличали национальное возрождение здесь от его другого варианта, свойственного прежде всего балканским народам. Он возник преимущественно на «безренессансной» основе и получил наиболее чистое выражение в болгарской культуре.

Эти народы, рано потерявшие независимость, или вообще не имевшие самостоятельных государств, как и словаки, а также лужицкие сербы, не смогли своевременно использовать возможности, предоставлявшиеся феодализмом как системой. Поэтому у них не получила развитие структура культуры, свойственная позднему средневековью. Она имела редуцированный характер — в ней отсутствовал или был резко ослаблен слой «высокой» профессиональной светской культуры, не имели самостоятельного облика и ее городские формы. И перед национальным возрождением в ареале стояла задача в одном случае «достроить» структуру культуры в другом, — всем ее сферам на всех социальных уровнях придать национальный характер.

Таким образом, и в пределах национального возрождения намечались две разновидности процессов, отличавшие не только отдельные культуры. Порой различия имели место и в пределах одной из них, как в формирующейся румынской культуре. Она складывалась на территории трех Дунайских княжеств — Молдовы, Валахии и Трансильвании, имевших

русских); типологически сходные черты отмечаются у ряда прибалтийских народов; близкие национальному возрождению проблемы решало провансальское возрождение, в котором также остро стояла проблема языка; исследователи проводят параллели с латиноамериканскими, закавказскими культурами. Относительно хронологических рамок национального возрождения отметим лишь противоречивость существующих точек зрения в типологическом отношении.

⁶ Поэтому, говоря далее об ареале, мы исключим их из поля зрения.

⁷ Длительное несовпадение в ареале явлений: «культура данного народа» и «культура на этнических землях данного народа» значительно затрудняет выяснение типологии процессов. При этом в интерпретации этого обстоятельства, характерного и за пределами ареала, не проявляется достаточной последовательности, часто происходит исторически неоправданное отождествление этих понятий, различно соотносившихся в равной исторической ситуации.

различную историческую ситуацию, иные культурные традиции, поэтому была в своем генезисе типологически неоднородной.

Четкости представлений о культурных процессах в ареале мешает часто встречающееся синонимическое употребление понятий «Просвещение» и «просветительство», о необходимости разделения которых уже писалось [11, с. 42; 12]⁸. Общей чертой ареала было наличие здесь именно просветительства, а не Просвещения как особого типа культуры.

Просветительство в широком смысле было свойственно всей эпохе национального возрождения, служило распространению национально-патриотических идей, цивилизационному подъему народов, искоренению феодального мышления, формированию национальной идеологии. Оно утратило свое значение с возникновением революционной демократии, с которой, как, например, в Болгарии, пришло в конфликт. В отличие от западноевропейского Просвещения, в котором уже произошла поляризация социальных позиций, просветительство в ареале служило не столько социальному, сколько «национальному самопознанию», было «национальным просветительством» [13], имело характер «национально-просветительского движения» [9, с. 112].

В отличие от Ренессанса и Просвещения, выступавших как «ученая» культура образованных, а тем самым для того времени элитарных слоев общества, национальное возрождение имело значительно более широкую демократическую социальную основу. В результате отсутствия, резкого сокращения этнически своего господствующего класса или его денационализации носителями возрожденческих идей в большинстве случаев стали выходцы из непривилегированных слоев общества (наиболее заметным исключением были греческие фанариоты). Инициаторами и покровителями культуры здесь становились сельские, городские и церковные общины. Коллективные формы ее поддержки были продиктованы патриотическими стремлениями. Но и индивидуальные меценаты, как греки братья Зосимы, рассматривались в качестве «благодетелей отечества». Адресатом культуры национального возрождения был весь народ. «Ты, болгарин», — обращался Паисий Хилендарский со страниц своей «Истории славяно-болгарской» — труда, который воспринимался современниками как Евангелие. Его аудитория социально была еще мало дифференцирована, как у народного проповедника, сказителя. Такой аудитории уже не имели французские просветители, которые, как Вольтер, резервировали либертинизм, вольнодумие для элиты, а для народа оставляли назидательные проповеди. Паисий адресовал свои труды «хотящим читати и послушати». «Внемлите вы, читатели и слышатели», — писал серб Й. Райч. В этих словах отмечена еще одна отличительная черта возрожденческой публики — ее составляли наряду с теми, кто умел читать, и все те, кто умел лишь слушать. Эта аудитория нуждалась как в повышении уровня ее грамотности, так и в подъеме ее общественного сознания, пробуждении ее социальной активности. Это определило важнейшую роль в национальном возрождении различных форм культурно-образовательной деятельности. Начальная школа, а не научное общество — учреждение, наиболее типичное для той эпохи, в отличие от Просвещения.

«То, что у прочих народов в книгах содержится, наш народ хранит в памяти, распевая на сельских сходках, ярмарках... песни о своих королях, банах, витязях, героях», — писал А. Качич-Миошич, зафиксировав и оральные формы передачи информации, и неспециализированный, «неформальный» характер центров общения, свойственных тогдашней хорватской культуре. «Поэзия сия живет не в книгах, не жизнью искусственной, но в самом народе и всею жизнью народа» [14, с. 208], — писал о греках Н. И. Гнедич. Национальное возрождение не снисходило в народ, а от фольклорного творчества восходило к учености, профессионализму.

⁸ В связи с этим, возможно, было бы бесполезно введение такого неологизма, как «просвещенческий», указывающего на конкретную принадлежность какого-либо явления Просвещению как культурной формации, в отличие от «просветительский», т. е. свойственный просветительству как общественно-культурному течению.

В наследии, на которое оно опиралось, в большинстве случаев не было резкого разделения на фольклорную и элитарную, профессиональную культуру, что было характерно для западноевропейского позднего средневековья, определив наличие там двух потоков в ее развитии, отличавшихся типом поэтики и функционирования. Годы османского гнета привели на Балканах к фольклоризации светской, а частично и церковной культуры.

Для исследователей собственно Просвещения народная культура, как правило, остается за пределами внимания⁹. В Национальном возрождении — это основа основ. В отсутствие развитых форм профессиональной светской культуры, она служит, наряду с церковной, его важнейшей исходной позицией, в значительной мере определяет тип мышления, средства художественной выразительности. Народная культура хранит здесь этническую идентичность народов, их самосознание. На местной устной традиции вырастают первые выдающиеся достижения в литературе [17]. Фольклор в значительной степени предопределил «народно-коллективистскую» ориентацию литературы и стал «важнейшим источником ее национальной индивидуализации» [18, с. 107].

В фольклорном слое здесь выработалась развернутая жанровая структура, он принял на себя многие общественно-культурные функции. Повышенная роль народного творчества, имеющего локальные каналы коммуникации, вместе с тем определила длительное сохранение регионализмов, диалектности в культуре национального возрождения.

Просвещение, хотя и заимствует из народной культуры, однако чуждается ее как носительницы суеверий и предрассудков. Романтизм культивирует ее в качестве выразительницы народного, национального духа. В национальном возрождении она активно присутствует не только в виде фольклоризмов, т. е. опосредованно [18], но и в своих изначальных формах и функциях, в естественной среде бытования [19]; в этой сфере еще продолжается активный творческий процесс, компенсируя ослабление культурной деятельности на других социальных уровнях. Его порождением в XVIII в. были, например, знаменитые греческие клефтские песни, о которых Н. И. Гнедич писал, что это лучшая история нынешней Греции и самая верная картина народных нравов [14, с. 210].

Для национального возрождения, в отличие от Просвещения, была характерна повышенная роль этнического начала, которое приобрело повышенную этнодифференцирующую и консолидационную функцию. В отсутствие собственного государства этническое сознание выступало как особо важный компонент формирующегося национального самосознания, чему способствовало то обстоятельство, что этот тип культуры сложился у народов, у которых формирование наций шло по моноэтническому пути как «внутриконсолидационный» процесс [20]. Именно это дало возможность для самого представления о «возрождении» данного этноса, хотя происходившие процессы, естественно, не сводились лишь к воскрешению прошлого, что осознавали и люди той эпохи.

Размышления о «возрождении» появились еще в сочинениях рубежа XVIII—XIX вв. Возникновение представления о национальном возрождении отражало определенную степень зрелости этого процесса, говорило об обретении им своей программы, о развитии самосознания той эпохи. Она также выработала самоназвание, очертила свои границы, отделив себя от предшествующего времени, которое трактовала как «сон невежества» (Неофит Рильский). Все это подтверждает «индивидуальность» характера той эпохи, говорит о несводимости ее к Просвещению или романтизму.

---

⁹ Е. Мацеевский, глубоко разработавший на польском материале проблему Просвещения как культурной формации, вообще не склонен включать в нее народную культуру [15]. Однако каждая эпоха, имеющая многоуровневую структуру культуры, порождает и свой тип взаимоотношений ее отдельных слоев. В этом плане плодотворна позиция Ю. М. Лстмана, предлагающего рассматривать устную и письменную традицию в культуре XVIII—XIX вв. как «некое культурное двуязычие» [16].

В литературе отмечалось, что основополагающие идеи Просвещения переводятся в ареале в национальные категории. Действительно, его универсалистские представления здесь сменяются национальными, служат не столько обоснованием идеально устроенного общества, в котором бы каждый себя чувствовал «гражданином мира», а ведут к утверждению прав своих народов на независимость, воспитывают гражданина-патриота. В моральный статус деятелей той эпохи запрограммирован «тенденциозный патриотизм» [7], связанный с высокими этическими требованиями к их личному поведению. В отличие от ренессансного антропоцентризма или утверждавшегося Просвещением культа разума, для национального возрождения, в котором также присутствовало гуманистическое, рационалистское начало, вытеснявшее провиденциализм, основополагающей, структурообразующей стала национальная идея. Она определила дух эпохи, ментальность людей. Для них в центре мироздания — образ по-правного отечества, они ощущают себя прежде всего членами национального коллектива (который в ряде случаев отождествляется не с отдельным этносом, а со славянством).

Иную, по сравнению с Просвещением, трактовку здесь получают основные категории, в которых осознается окружающий мир. Время в национальном возрождении, в отличие от Просвещения, научившегося ценить его материально-производительную силу, — это еще не товар и не деньги, а прежде всего национально-историческая категория, служащая познанию «связи времен» — тех, давних, когда народ был свободен, и будущих, когда он вновь станет свободным. Современное состояние ощущается как промежуточное между ними. Поэтому знания — это не столько преобразующая сила, направленная на общий прогресс человечества, сколько путь воскресить свой народ «из тьмы забвения», «из презрения», вернуть его «во свет исторический» (Й. Раич), средство «оживить прошедшие века» (Р. Попович).

Пространство для людей той эпохи — это не весь мир, любая точка которого ощущается как отечество. В отличие от космополита Просвещения, везде чувствующего себя дома, для серба или болгарина — дом, это только своя родина. Такое переосмысление идей Просвещения вело к изменению основных характеристик культуры, порождая особую картину мира, тип личности, иные представления о времени и пространстве. И было ли это действительно лишь переосмысление? Как пишет В. М. Полевой: «„Возрождение“ греческого искусства... происходило не путем увеличения доли западных влияний, которые создавали лишь иллюзию развития живописи. Здесь понадобился переворот, ... давший художественному творчеству новую основу». Этот переворот был следствием внутренних исторических процессов: «решающее воздействие ... было оказано освободительной антитурецкой и антифеодальной борьбой конца XVIII — начала XIX века» [21].

Сходные и отличные черты национального возрождения с западноевропейскими процессами неравномерно проявлялись в различных сферах культуры. Более того, и в пределах одной из них они получали неадекватное выражение, например, в искусстве — иначе на мировоззренческом, иначе на собственно эстетическом уровне. Так, портрет, появившийся в живописи национального возрождения, свидетельствовал, как и в Ренессансе или Просвещении, о гуманизации общественной мысли, об усилении личностного начала в культуре. Однако стилистика сербских или болгарских портретов того времени, как и их функция, были далеки от ренессансного или классицистического западноевропейского портрета. Поэтому для установления аналогий необходимо рассмотрение признаков в их единстве. Присутствие отдельных из них не является, как представляется, достаточным основанием для того, чтобы вычленять Просвещение как самостоятельную эпоху во всех культурах Центрально- и Юго-Восточной Европы. Тем более, что многие из часто называемых не всегда являются «собственными» для Просвещения, а в целом свойственны переходу от средневековья к новому времени (например, секуляризация творческой мысли, зарождение научного взгляда на мир, внимание к проблемам

национального языка, образования). Национальное возрождение испытало огромное воздействие Просвещения. Однако многое ему оказалось и чуждо, как антирелигиозные тенденции французского материализма. В связи с этим справедливо отмечалось, что «постижение сути и смысла идеалов Просвещения» происходило уже «за пределами этапа Просвещения» [22]. Действительно, этому были посвящены и многие годы XIX в., когда проблемы, сформулированные Просвещением, разрешались уже в духе романтизма.

Западноевропейское Просвещение, приходясь на переходные от феодализма к капитализму годы, по своей сущности уже в полной мере было культурой нового времени. Не случайно его основы сформировались прежде всего в Голландии и Англии как странах осуществившихся буржуазных революций. В этом отношении национальное возрождение ближе скорее Ренессансу [23], оба они были культурами переходного типа, оба «возрождения» соединяли черты культуры феодального и нового времени. Противостояние и взаимодействие этих двух начал придавали названным эпохам внутреннюю напряженность, динамизм и огромную творческую силу. И к национальному возрождению, как и к Ренессансу, в значительной мере применима формула, что это культура «уже не средневековая и еще не буржуазная» [24]. В качестве таковой она здесь еще формировалась и таковой была тенденция ее развития.

Национальное возрождение в пределах одной культурной формации синтезировало задачи, решавшиеся в других частях Европы от Ренессанса до романтизма. Оно имело исходной позицией во многих случаях еще средневековый тип организации культуры (к тому же не в наиболее развитом, частично деформированном виде)¹⁰, которая «на выходе» из этой формации стадильно оказалась включенной в общеевропейский культурный процесс второй половины XIX в.

Национальное возрождение имело специфическую, отличную от современной ему западноевропейской культуры морфологию и иерархию ее сфер. Главным полем теоретической и практической деятельности был языковой вопрос, который сконцентрировал не только лингвистическую, но и политическую, эстетическую, в целом мировоззренческую проблематику. Важнейшее место заняла также история. Открытие своего исторического наследия служило здесь обоснованием национальных прав, в отличие от Просвещения, занятого прежде всего утверждением личностной гражданской свободы и черпавшего для этого мотивировки в античности.

Что касается западноевропейского Ренессанса, то для его классической итальянской модели была характерна доминанция пластических искусств, в ренессансной системе культуры деятельность художника — не просто «одно из многих проявлений его культуры», а «почти ее итоговое выражение» [25]. Эпоха же Просвещения нашла себя прежде всего в науке, в философии, которые с наибольшей полнотой воплотили ее сущность, а соответственно занимали и более высокие позиции в иерархии сфер культуры, в сознании мыслителей той эпохи, оценивавших свое время как идейную революцию (Д'Аламбер). Не без их влияния Просвещение вплоть до последнего времени все еще рассматривается прежде всего как идейное течение, хотя недостаточность такого подхода давно очевидна. В философско-этической сфере программировались и основные задачи искусства, которому отводилась хотя и высокая, но все же прикладная утилитаристская роль морального воспитателя. Однако характерным образом, как бы вопреки этому, именно в эпоху Просвещения возникает новая классификация человеческой деятельности, согласно которой искусства оказались впервые объединены в особый класс (Ш. Баттё); в самостоятельную дисциплину конституируется и эстетика (А. Баумгартен). В целом в эпоху Просвещения в результате завершения процессов, начатых Ренессансом, художественная, как и научная, деятельность окончательно выделилась в качестве автономной сферы и осознала себя как таковую, она приобрела

¹⁰ Особой была ситуация в Чехии, где национальное возрождение наступает после Ренессанса, а его первая фаза совпадает с заключительным «национальным» этапом Просвещения [11, с. 51].

разветвленный специализированный характер, сеть особых институтов, служащих распространению и накоплению художественных ценностей, посредничающих между мастером и публикой, обеспечивающих подготовку профессионалов. Творчество той эпохи имело развернутую жанровую структуру, в которой происходило размывание закрепленных классицистической поэтикой границ высоких и низких жанров, утверждался разрушающий их роман.

В культуре национального возрождения дело обстоит иначе. Здесь полностью еще не произошло вычленение отдельных сфер культурной деятельности, еще во многом слитно выступали элементы научного, религиозного, художественного, фольклорно-эпического познания и отражения мира, в сфере общественного сознания лишь совершалось «разделение труда» [8]. Это способствовало появлению деятеля универсального плана, способного решать множество задач, которые одновременно возникали перед национальной культурой, сочетавшего в одном лице теоретика, практика культуры, непосредственного участника освободительного движения.

Художественное творчество, в особенности на Балканах, было еще очень тесно связано с религиозной и бытовой сферами, его отличал жанровый синкретизм; здесь лишь с конца XVIII в. начала вычленяться беллетристика, станковые виды изобразительного искусства, еще позднее инструментально-симфонические формы в музыке. Лишь XIX в. принес развитие профессиональных национальных театров, тогда же сформировалась художественная критика. Стилиевой облик творчества также имел синкретический характер. Здесь сочетался опыт как профессионального искусства различных эпох, так и народного, чрезвычайно сильны были традиции церковно-религиозного творчества. Показательно образование пограничных полуфольклорных-полупрофессиональных форм, соединение традиций религиозного и народного искусства.

Исследователи отмечают наличие даже в пределах одного произведения не только разностилевых, но и разностадиальных тенденций. Но они вовлечены в процесс, который С. В. Никольский называет «центростремительный национальный синтез», в котором «преломляются явления просветительства, классицизма, сентиментализма, романтизма» [19, с. 103]. Для национального возрождения была характерна также особая роль барокко. Однако границы всех стилей здесь были размыты, в связи с чем В. М. Полевой говорит о «внестилевом» развитии, переходной манере [26].

Среди признаков, служащих доказательством наличия эпохи Просвещения в ареале, в ряде случаев называется распространение здесь классицизма. В связи с этим можно заметить, что классицизм ведет свою родословную еще с XVI в. и является составной частью нескольких культурных эпох. Понятие «Просвещение» в целом не вызывает ассоциаций с категорией конкретного стиля, не несет в себе непосредственно эстетической нагрузки. В этом отношении для искусствоведения, литературоведения оно неспецифическое.

Исходя из этого, многие исследователи неудовлетворительными считают сами понятия «искусство века Просвещения», «искусство Просвещения» [27]. Действительно, если под ними подразумевать искусство определенного стиля (по аналогии, например, с «искусством барокко»), то их непродуктивность выступит со всей очевидностью.

Просвещение было культурной эпохой, которая выразила себя в многообразии стилей. Ее универсализм проявлялся не только в предпочтении сохранявшему нормативные основы классицизму. Она нашла себя, начав открывать «невиданный плюрализм одновременно воспринимаемых эстетических миров» [28]. Это служило самопознанию все более широко утверждавшей и реализовывавшей себя личности, открывало дорогу индивидуальным стилям XIX в. Именно в этом плане представляется правомерным говорить и об «искусстве Просвещения». Это не препятствует видеть стилевое многообразие произведений XVIII в., а, наоборот, обязывает к этому, помогает осознать Просвещение во всей противоречивой целостности, в контексте тех антиномий, которые были ему свойственны как типу культуры. Стилиевой синкретизм национального возрождения по

своей природе отличался от полистилистики Просвещения, творчество которого, как говорилось, уже утратило стилевое единство.

Для национального возрождения характерна повышенная роль культуры в системе общества. Это свойственно и Просвещению, полагавшему достаточным для достижения всеобщего счастья воспитание «искренних, добродетельных, отважных и мудрых людей», как писал один из журналов того времени. Подобные утопические идеи распространились и в ареале, где, однако, иначе соотносились с исторической практикой. В отсутствие собственного государства, территориальной целостности культура реально выступила здесь важнейшим нациообразующим фактором. В условиях политической и экономической инкорпорации угнетенных народов в систему многонациональных государств именно культура оказалась единственной относительно самостоятельной в ряде своих важнейших элементов областью национальной жизни. Это касалось в особенности ее фольклорного слоя, неинституционализованного, а потому лишь в незначительной степени поддававшегося целенаправленному (в данном случае денационализирующему) воздействию. В меньшей, очень различной у отдельных народов мере это относилось и к сфере религии.

Повышенную роль культуры в национальном возрождении определяло также ее развитие темпами, опережавшими появление признаков нового времени в социально-экономической области. Еще в условиях национального угнетения здесь были достигнуты вершины национальной классики. В категориях культуры, прежде всего как языковые, профессиональные конфликты осознавались социальные и национальные противоречия [29]. Небезразличной оказывалась и эстетическая сторона. Художественные проблемы интерпретировались прежде всего как идеологические, национальные. Это свидетельствовало о запоздалом вычленении художественно-эстетического сознания и вместе с тем о повышенных внеэстетических функциях произведений искусства, в условиях национального угнетения принимавших на себя и непосредственную политическую и идеологическую роль, в некоторой мере компенсируя отсутствие свободной политической деятельности. В целом, в эпоху национального возрождения для каждой сферы культуры было характерно преобладание неспецифических функций. Стержневой среди них стала национально-патриотическая. Она определяла все ценностные критерии, с точки зрения соответствия национальным задачам формировались модели поведения. Степенью насыщенности национальными идеями определялись и достоинства произведений искусства. Ею диктовался и выбор тематики, в которой важное место заняли исторические сюжеты, часто выступавшие еще под религиозным покровом.

Особое значение в национальном возрождении, в отличие от Просвещения, приобрела национально-дифференцирующая функция, ибо здесь формирование национальной культуры происходило в условиях не только активного взаимодействия с другими культурами, но и отталкивания. Отсюда не только отмеченная выше особая роль этнического начала, но в ряде случаев и религиозного фактора, в целом отступивших в культуре Просвещения на второй план.

Отражая интеграционные тенденции нового времени, путем национального возрождения шли народы различного вероисповедания — православные, католики, магометане (конфессиональные различия существовали и внутри этносов, как например, болгарского, словацкого, албанского). Тем самым национальное возрождение как тип культуры, с одной стороны, нейтрализовало конфессиональный принцип, но с другой — оно оставило значительные позиции за религией, при этом акцент ставился на ее основную функцию — этнодифференцирующую. Религия служила средством выделиться из инонационального окружения, была одной из форм самосознания народов; церковная культура, наряду с народной, выступала и хранительницей отечественной традиции. При этом идеи веротерпимости, широко популяризовавшиеся европейским Просвещением, здесь прежде всего служили преодолению внутриэтносовых религиозных разногласий. Однако некоторым народам, как болгарам, было важно отстоять свою са-

мостоятельность в пределах самого православия — отсюда, в процессе противодействия эллинизации в целом, их борьба и с греческой Патриархией.

Национальное возрождение от Ренессанса и Просвещения отличало и положение в системе мировой культуры. Если те формации складываются на авансцене европейского культурного процесса, то оно возникает в условиях более развитого соседства. Его наличие стало одним из катализаторов культурного подъема народов ареала, фактором, стимулирующим их стадийное сближение с другими европейскими народами. Активные культурные взаимодействия, целенаправленное осознанное восприятие их опыта как и взрывчатая сила «переходности» создали возможность для становления здесь культуры нового времени, хотя и с опозданием, но в исторически относительно краткие сроки — процесс, который Г. Д. Гачев назвал «ускоренным», имея в виду не только особенности его динамики, но и его синкретический тип в целом [8].

Ситуацию пробуждавшихся народов в мировой культуре отличали не только взаимодействия с более развитым окружением, но и необходимость борьбы с давлением официальных инонациональных культур, чего не знали ни Ренессанс, ни Просвещение.

Иные взаимоотношения у них были и с Востоком. Для западноевропейской культуры вплоть до XIX в. он в известной мере оставался экзотикой, входившей в творчество писателей, художников, философов как увлекательный мотив, иносказание; он питал садово-парковое, декоративное искусство, служил и предметом научного изучения, философского осмысления, был также объектом «большой политики». Для народов Юго-Восточной Европы Восток, ограничивавшийся практически Османской империей, был непосредственной и тяжелой реальностью, изолировавшей их от европейского процесса. Однако противостояние не снимало взаимодействий культур.

В целом для Юго-Восточной Европы было характерно необычайно сложное взаимопроникновение византизма, восточно-турецких, западноевропейских черт. Попадая на местную почву, они порождали синтез, обеспечивавший культуре (в особенности художественному творчеству) облик вполне самостоятельный по отношению к собственно ренессансным, барочным, просвещенческим (полистилевым в сфере искусства), а позднее и романтическим формам, хотя те могли выступать и в роли необходимых прототипов.

Таким образом, национальное возрождение стало особым путем, которым пришла в новое время культура большинства народов Центрально- и Юго-Восточной Европы. На этом пути они выработали синкретические полифункциональные формы мышления и культурной деятельности, которые отвечали их задачам, возможностям и традициям. Пронизанная национальными идеями, их культура обрела особую социальную и видовую структуру, породила особый тип деятеля и культурной аудитории, создала свою систему культурных институтов.

Национальное возрождение определило взаимоотношения человека и общества, которые оказались проникнуты патриотическим сознанием борющихся за независимость народов и в которых индивидуальное уступило место национальному началу. В созданном национальным возрождением образе мира в национальных категориях отражалось время, как национальное виделось и пространство.

Эта эпоха освободила людей от феодальной ментальности; сковывающему иноземному гнету психологически и практически она противопоставила деятельное начало, тем самым сформировав новый тип личности, которая оказалась способной бороться и победить, утвердить свое место в окружающем мире. Национальное возрождение нашло и особые художественные средства воплотить свои идеи и образы.

Все это позволило народам ареала включиться в течение европейского культурного процесса. Это стало возможным также благодаря активной адаптивной способности «открытой» по характеру культуры национального возрождения, широкому использованию опыта предшествовавших и современных ему эпох, в особенности Просвещения [30; 31] и романтизма [32].

Тем самым эти народы сделали необходимый шаг для становления общности культурной жизни в европейском масштабе, утвердив одновременно и самоценность своих культур. Вместе с тем они обогатили мировую культуру, сформировав ее особый тип — национальное возрождение. И это понятие как культурно-типологическое и историко-культурное, аналогично понятиям Ренессанс или Просвещение, может служить для обозначения как целостного типа культуры, так и эпохи, в которую он сформировался и облик которой определял¹¹. Национальное возрождение, получившее развитие у большой группы народов, свидетельствовало о том, что путь, который вел в новое время, в культуре, как и в экономико-политической жизни, был не один. Правда, границы исторических и культурных ареалов не совпадали. Однако это уже другая проблема.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баткин Л. М. Тип культуры как историческая целостность.— Вопросы философии, 1969, № 9, с. 104.
2. Дьяков В. А. Эпоха «национального возрождения» в Центральной и Юго-Восточной Европе (социальное содержание, периодизация, пути исследования).— В кн.: Формирование национальных культур в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1977.
3. Удадьцов И. И. Историография чешского национального возрождения. Новейшие чехословацкие и советские исследования (1950—1980). М., 1984. с. 48—53.
4. Розенталь М. М. Принципы диалектической логики. М., 1960, с. 205, 303.
5. Художественная культура в капиталистическом обществе. Структурно-типологическое исследование. Л., 1986.
6. Бернштейн Б. М. Искусствознание и типология.— Советское искусствознание. Т. 21. М., 1986, с. 319.
7. Робинсон А. Н. Историография славянского возрождения и Паисий Хилендарский. М., 1963.
8. Гачев Г. Д. Ускоренное развитие литературы (на материале болгарской литературы первой половины XIX в.). М., 1964.
9. Никольский С. В. Художественное сознание эпохи национального возрождения (на материале чешской, словацкой и болгарской литератур).— В кн.: Формирование национальных культур в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1977.
10. Масига V. Znamení zrodu. České obrození jako kulturní typ. Praha, 1983.
11. Мильников А. С. Эпоха Просвещения в Чешских землях. Идеология, национальное самосознание, культура. М., 1977.
12. Берков П. Н. Основные вопросы изучения русского просветительства. В кн.: Проблемы русского Просвещения в литературе XVIII в. М.—Л., 1961.
13. Кожевников Ю. А. Литература Дунайских княжеств, трансильванской школы и проблема просветительства.— В кн.: Литература эпохи формирования наций в Центральной и Юго-Восточной Европе. Просвещение. Национальное возрождение. М., 1982, с. 214.
14. Гнедич Н. И. Стихотворения. М., 1956.
15. Maciejewski J. Oświecenie polskie. Początek formacji, jej stratyfikacja i przebieg procesu historycznoliterackiego.— In: Problemy literatury polskiej okresu Oświecenia. Wrocław etc., 1977, s. 21.
16. Лотман Ю. М. Статьи по типологии культуры. Тарту, 1973, с. 8.
17. Яковсон Р. Работы по поэтике. М., 1987.
18. Гусев В. Е. Фольклоризм как фактор становления национальных культур славянских народов.— В кн.: Формирование национальных культур. М., 1977.
19. Никольский С. В. Чешская литература в контексте славянских литератур эпохи национального возрождения.— В кн.: Литература эпохи формирования наций в Центральной и Юго-Восточной Европе. Просвещение. Национальное возрождение. М., 1982, с. 108.
20. Бромлей Ю. В. Современные проблемы этнографии. М., 1981, с. 287.
21. Полевой В. М. Искусство Греции. Т. I. М., 1984, с. 352.
22. Богданова И. А. Просвещение как начальный этап формирования национальных культур.— В кн.: Формирование национальных культур в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1977, с. 68.
23. Vidan G. La littérature nationale en Europe et les Lumières. In: Septième congrès international des Lumières: rapports préliminaires. Oxford, 1987.
24. Баткин Л. М. Замечания о границах Возрождения.— Советское искусствознание. 78. М., 1979, с. 96.
25. Гаран Э. Проблемы итальянского Возрождения. М., 1983, с. 287.
26. Полевой В. М. О некоторых вопросах развития национального искусства нового

¹¹ По аналогии с ними оно заслуживает писаться с большой буквы — Национальное возрождение, что также подчеркнет специфику его содержания, акцентирует его национальную проблематику.

времени в странах балканского региона. В кн.: Культура народов Балкан в новое время. М., 1980, с. 17.

27. *Garas K.* Les beaux-arts au XVIIIe siècle: état actuel de la question le point sur les recherches.— In: Septième congrès international des Lumières: rapports préliminaires. Oxford, 1987, s. 223.
28. *Аверинцев С. С.* Древнегреческая поэтика и мировая литература.— В кн.: Поэтика древнегреческой литературы. М., 1981, с. 7.
29. *Достял И. С.* О некоторых особенностях складывания национального самосознания у балканских народов. В кн.: Формирование национальных культур в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1977, с. 224.
30. Культура народов Центральной и Юго-Восточной Европы в эпоху Просвещения. М., 1988.
31. Литература эпохи формирования наций в Центральной и Юго-Восточной Европе. Просвещение. Национальное возрождение. М., 1982.
32. Развитие литературы в эпоху формирования наций в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. Романтизм. М., 1983.

ВЕРЕЩАГИН Е. М., ЮРЧЕНКО А. И.

ГРЕЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК «НАПИСАНИЯ О ПРАВОЙ ВЕРЕ» КОНСТАНТИНА-КИРИЛЛА ФИЛОСОФА

В 1824 г. К. Калайдович напечатал (фрагментарно) «Написание о правѣи вѣрѣ. изоущеное константиномъ блаженымъ философомъ. оучителемъ о бѣзъ словѣнскому ѡзыкоу» — важнейший кирилло-мефодиевский памятник, и с тех пор «Написание» издавалось не раз и не два. Накопилась целая библиотека исследований, посвященных «Написанию».

К. Куев, осуществивший последнюю публикацию памятника, полагает, что по крайней мере некоторые выводы исследователей являются вполне надежными, не подлежащими пересмотру: «...редица въпроси около него вече са разрешени: въпросът за авторството, въпросът за стариността и езика на паметника, за съдържанието му, за изворите, от които авторът се е ползувал, и др.» [1, с. 141]. По мнению заслуженного ученого, — а он суммирует позиции многих (ср., например, точку зрения Ф. Гривца [2]), — Кирилл и Мефодий были вызваны в Рим прежде всего для испытания их правоверия, и там перед папой Адрианом II они и изложили свое «Верую». К. Куев указывает даже на вполне конкретные обстоятельства, при которых было создано «Написание», а именно: заболевший Константин предчувствовал свою близкую смерть и пожелал принять схиму; от постригаемого в схиму требовалось пространное исповедание веры; Константин в тексте, известном теперь под названием «Написание о правой вере», ответил на это требование, так что интересующий нас памятник возник непосредственно перед тем, как имя младшего члена солунской двойцы переменилось на Кирилла. Поскольку мы знаем, сколько дней оставалось жить Кириллу по принятии схимы, и поскольку нам известна дата его кончины, оказывается возможным точно определить время возникновения знаменитого текста: К. Куев закономерно указывает на «конец 868 года» [1, с. 145].

Для Куева «въпросът за авторството» памятника окончательно решен: перед нами подлинный и оригинальный труд Кирилла. Так же высказывается С. Б. Бернштейн: принимая аргументы Г. Ильинского и Ю. Трифонова, он считает их доводами, «которые, как мне кажется, окончательно решают вопрос в пользу Константина Философа» [3, с. 102]. Голоса исследователей, сомневавшихся в принадлежности «Написания» Кириллу, постепенно затихли. Даже В. Ткадльчик, современный ученый, которого Куев указывает в числе противников авторства Кирилла, на практике этого авторства не отрицает, полагая лишь, что первоначально текст был составлен на греческом языке, а не на славянском и что в него были инкорпорированы выписки из сочинений патриарха Фотия и его ученика Никиты [4]. В том, что компиляция выполнена Кириллом, Ткадльчик, как

Верещагин Евгений Михайлович — д-р филол. наук, проф., ведущий научный сотрудник Института русского языка АН СССР.

Юрченко Андрей Иванович — переводчик по договорам.

кажется,¹ не выражает сомнений. Вероятно, и С. Б. Бернштейн полагает первоначальный текст написанным по-гречески [3, с. 103], — он отклоняет точку зрения Ю. Трифонова, который безоговорочно считает «Написание» с самого начала изложенным «по-древнеболгарски». Разыскания Ткадльчика [4] заслуживают внимания: субъективно при чтении «Написания» возникает чувство, что сквозь славянский разноцветный узор просвечивает явственная греческая канва, особенно, конечно, в области терминологии.

Сейчас это субъективное чувство получает объективное основание. Найден точный греческий источник «Написания о правой вере». Одному из авторов настоящей статьи (А. И. Юрченко) удалось разыскать в творениях Никифора, патриарха Константинопольского (ок. 758—829), исповедание веры, которое настолько соответствует «Написанию», что переводной характер последнего стал вполне очевидным. Деятельность Никифора в первую очередь замечательна и соответственно известна в связи с иконоборческими спорами — в них патриарх проявил себя неколебимым сторонником иконопочитания — однако, не без связи с обстоятельствами бурной эпохи, ему приходилось составлять и изложения своей общей догматической позиции, за что он и получил посмертно атрибут Исповедника (*ὁμολογητής*). Прославление Никифора (в 847 г.) имело место уже во время деятельности славянских первоучителей, не зная о Никифоре они не могли, причем он был известен им как раз с этим атрибутом, — мы говорим об этом, чтобы психологически прояснить, почему Кирилл мог обратиться к трудам именно Никифора, а не кого-либо другого. Когда от Кирилла потребовалось исповедание — *ὁμολογία*, в поисках надежного и одновременно современного авторитета он логично обратился к святому-исповеднику, *τοῦ ὁμολογητοῦ*. Впрочем, сейчас пока рано заниматься многочисленными проблемами, к постановке которых, несомненно, приведет отождествление Кириллова «Написания» с «Верую» Никифора; необходимо в первую очередь продемонстрировать связь источника перевода с переведенным текстом. Что же касается личности и литературного наследия Никифора Исповедника, то см. [5; 6] и особенно монографию П. Александера [7]; специально о символе веры Никифора см. [8].

В журнальной статье нет возможности полностью поместить греческий и славянский тексты: «Написание» — довольно пространный памятник (в сборнике 1348 г. он занимает л. 936—1016; всего по изданию Куева 373 строки),¹ и его греческий источник по размерам такой же (в греческой Патрологии Миня [9] — 9 страниц по 4 колонки в каждой). Чтобы избежать подозрения в неуместной избирательности, мы решили выбрать фрагменты чисто механически. В «Написании» первые строки заняты атрибуцией статьи сборника, а само исповедание открывается словом *вѣ*—роуж, две начальные буквы которого заключают 8-ю строку. Следовательно, само исповедание начинается практически с 9-й строки; поэтому первый фрагмент мы и начинаем с указанного места. При выборе второго фрагмента мы просто прибавили 100 строк, т. е. он начинается со 109-й строки, соответственно третий — с 209-й и последний, четвертый, с 309-й. Фрагменты помещаем пространные — они вполне достаточны, чтобы судить, во-первых, о том, что перед нами перевод, и, во-вторых, о том, что этот перевод был выполнен по руководящим принципам Кирилло-Мефодиевской переводческой школы (см. [10; 11; 12]). Воспроизводя «Написание», сохраняем строки сборника Ивана Александра, причем для облегчения набора славянский текст передается с несущественными (для интересующего нас дела) упрощениями²; греческий текст, взятый у Миня, подписывается под славянской строкой в той мере, в какой он соответствует ей (если слова переставлены, то пословная связь источника и перевода устанавливается в пределах двух-трех строк, не больше). Фрагменты «Написания» см. ниже.

Ясно, что в «Написании» Кирилла мы имеем не оригинальное произведение, не компиляцию, не перевод с греческого оригинала, составленного первоучителем, а «обычный» перевод. Не станем пока вдаваться в проб-

¹ Устранены дублетные буквы и не выписывается диакритика. Титла сохранены, равно как пунктуация и употребление строчных и прописных букв.

Фрагменты «Написания о правой вере» (строки славянского] текста с 1 по 31 соответствуют строкам 9—39, строки с 32 по 62 — строкам 109—139, строки с 63 по 93 — строкам 209—239 и строки с 94 по 114 соответствуют строкам 309—329 по изданию Куева).

(ѢѢ)РОУЖ БО ОУВО КЪ ЕДИННОГО БѢ ОЦА КЪ
 πιστεύομεν εἰς ἕνα θεόν πατέρα
 СЕДРАЖИТЕЛѢ. ВѢТМА ВИДИМЫМЪ
 παντοκράτορα, πάντων ὀρωμένων
 И НЕВИДИМЫМЪ. ТВОРЦА ЖЕ И ГѢ. БЕ
 καὶ ἀοράτων ποιητὴν τε καὶ κύριον.
 ЗНАЧАЛНА. НЕКИДИМА. НЕОДРЪЖИ
 ἀναρχον, ἀόρατον, ἀκατάληπτον,
 МА. НЕИЗМѢННА. БЕКОНЕЧНА. И КЪ
 ἀναλλοίωτον, ἀτελεύτητον. Καὶ εἰς
 ЕДИННОГО ГѢ ИОУ ХА ЕНА ЕДИННОРОДНА.
 ἕνα κύριον Ἰησοῦν Χριστόν, τὸν υἱὸν αὐτοῦ τὸν μονογενῆ,
 БЕЗНАЧАЛНО И БЕЗВРѢМЕННО. И ПРѢЖДЕ
 ἀνάρχως καὶ ἀχρόνως καὶ πρὸ
 КЪСѢХЪ КѢКЪ. ОГЪ ОЦА СЖЦИАСТВА КЪСМА
 πάντων τῶν αἰώνων τῆς πατρικῆς οὐσίας ἐκλάμψαντα
 КША. И КЪ ЕДИНЪ АХЪ СЪИИ. НЕХОДА
 καὶ εἰς ἕν πνεῦμα ἄγιον, ἐκ
 ЦИЪ ОГЪ ОЦА ЕДИННОГО И СЪ ОЦЕМА И ЕНО
 τοῦ θεοῦ καὶ πατρὸς προῖόν, καὶ πατρὶ καὶ υἱῷ
 МЪ БГОСЛОВИМЪ ИИ ЖЕ И СЛЪВИМЪ. ЈАКО
 συνθεολογούμενον τε καὶ συνδοξαζόμενον, ὡς
 СЪ СЪГЪСѢТЪИМЪ И СЪ НИМА ПРѢВЪКЪЖ.
 συμφυῆς καὶ συναἰδιον.
 ГРОУЖ ОУВО СЛАВЛА ИНОСТАЛМИ. СИРѢ
 Τριάδα μὲν δοξάζοντες ὑποστάσειν ἦτοι
 ЧА ЛИЦА. И КОТОРОГОЖДЕ ОГЪ РЕЧЕНЫХЪ.
 προσωποῖς, καὶ ἐκάστῳ τῶν εἰρημένων
 НЕСМѢНА. НИ РЪЗМѢГНА. ВАНДЪИИ РА
 ἀμιγῆς καὶ ἀσυχύσους τηροῦντες
 ЗМѢНА СЪОНЕЧВА. ЈАКО НИКАКОЖЕ
 τὰς ἀφωριστικὰς ιδιότητας, ὡς οὐδαμῶς
 ПРѢЛЪГЪЕМЪ И ДВИЖЕМЪ. ОЧЕЕ ОУВО
 μεταπιπτούσας ἢ κινουμένας. Πατρὶ μὲν
 СЪГЪ НЕРОЖДЕНИЕ. И КИИЖ СЖЦИМА
 τὴν ἀγεννησίαν καὶ τὸ αἴτιον τῶν ἐξ αὐτοῦ
 ОГЪ НЕГО. ЕНОБЕНЕЕ СЪГЪ РОЖДЕНИЕ.
 νέμοντες. Τίῳ δὲ τὴν γέννησιν
 АХЪ ЖЕ НЕХОЖДЕНИЕ. И ЈАКО ОГЪ ОЦА
 πνεύματι δὲ τὴν ἐκπόρευσιν· καὶ ὡς ἐξ αἰτίου
 ЕДИНО. РЪЖДАЕМОЕ ЖЕ И НЕХОДИМОЕ.
 τοῦ πατρὸς, τὸ τε γεννώμενον καὶ τὸ ἐκπορευόμενον
 ОГЪ ТОГО КЪСНАКА И ЈАКО СЪТЪ КОТОРО
 νοοῦντες ἀπαύσαντα, καὶ ὡς φῶς ἐκάτερον
 ЕЖДО ОГЪ СЪГЪГЪ ПРОШЕДА: ЕДИНЪ СЪТ
 ἐκ φωτός προελθόν, ἐν
 ГЪ НАДЪ ВѢТМА МИРОМЪ. ТРАВЪСА
 ὑπερκόσμιον τρισοφείε
 ЧЕНЪ И ТРЪСЪЗНЕЧЕНЪ. ЕДИНСТВОУ

ΡΕΝΗΕ ΚΟΛΝΟΕ. Η ΚΑΠΛΑΪΜΙΑ ΕΑ ΟΤ'Α ΕΠΤΟ
χένωσιν ἔχο'σιον. Καί σαρκώθεις ἐκ

ΑΧΑ. Η ΟΤ'Α ΠΡΕΤ'ΓΥΙΖ Η ΣΛΑΒΗΛΙΑ ΕΣ ΗΕΤΙ
πνεύματος ἁγίου, καί ἐκ τῆς παναχίας ἐνδόξου καί ἀληθῶς

ΗΚ ΕΙΜΖ Η ΠΡΙΕΝΟ ΔΒΔΙ ΜΑΡΙΑ. Η ΔΣΗΖ
θεοτόκου ἀειπαρθένου Μαρίας, καί ψυχὴν

Η ΠΛΑΤ'Α ΠΡΕΤ'ΑΖ ΟΥΗΜΔΣΗΖ ΔΧΟΜΖ.
καί σάρκα προκαθαρθείσης τῷ πνεύματι

Η ΨΑΚΖ ΠΟ ΚΕΕΜΟΥ ΚΡΟΜΤ' ΓΡΕΤ'Α ΕΒΙΚΖ.

καί ἄνθρωπος κατὰ πάντα χωρὶς ἁμαρτίας πεφηνῶς,

ΕΣ ΜΡΖ'ΓΑΚΝΟΕ ΕΣΤ'ΑΤΒΟ Η ΗΣΤ'ΑΤΕΔΕ

τὴν θνητὴν ταύτην δὴ καί φθαρτὴν,

ΜΟΕ Η ΗΣΠΙΣΕΜΟΕ ΟΒΛΑΚΑ ΕΑ. ΕΔΗΗ

ἀπτὴν τὴ καί περιγραπτὴν φύσιν περιβαλλόμενος, εἰς

ΟΤ'Α ΟΒΟΕΓΟ ΕΣΗΕΔΖ. Τ'ΑΖΚΔ ΟΤ'Α ΕΚΣΤ'ΕΒΑ

τε εἰς ἀμφοῖν προελθὼν ὁ αὐτός, ἐκ τε θεότητος

Η ΨΑΚΣΤ'ΕΒΑ. Η ΕΣΒΡΖΣΗΕΝΖ ΠΟ ΚΕΕΜΟΥ

καί ἀνθρωπότητος· καί τέλειος κατὰ πάντα

ΗΝΕΖΜΤ'ΗΝΕΝΖ ΠΡΕΤ'ΕΒΙΚΖ ΕΚΣΤ'ΕΒΟΜΖ.

καί ἀναλλοίωτος μεμενηκῶς θεότητι,

Η ΕΣΒΡΖΣΗΕΝΖ Τ'ΑΚΖΚΔ Η ΝΕΠΡΕΤ'ΛΟΖΗΕΝΖ (ΨΑΚΣΤ'ΕΒΟΜΖ.)
καί τέλειος ὡσαύτως καί ἀτρέπτος (ἀνθρωπότητι.)

... ΕΣΤ'Α ΧΕ. ΠΟ ΡΑΖΟΥΜΤ'ΕΔΕΜΟ

... Χριστός, κατὰ τε τὸ νοούμενον

ΜΟΥ Η ΠΟ ΚΗΔΗΜΟΜΟΥ. ΤΑΚΟΖΚΕ ΕΣΒΡΖ

καί τὸ φαινόμενον· τέλειος ὡσπερ

ΣΗΕΝΖ Η ΝΕΝΕΖΜΤ'ΗΝΕΝΖ ΠΡΕΤ'ΕΒΙΚΖ ΕΚΣΤ'

καί ἀναλλοίωτος μεμενηκῶς θεότητι,

ΕΒΟΜΖ. ΤΑΚΟΖΚΔ Η ΕΣΒΡΖΣΗΕΝΖ Η ΝΕΠΡΕΤ'

οὕτω καί τέλειος καί ἀτρέπτος

ΛΟΖΗΕΝΖ ΕΒΙΚΖ ΠΟ ΨΑΚΣΤ'ΕΒΟΥ. ΝΕ ΠΡΙΕ

χρηματίσας κατὰ τὴν ἀνθρωπότητα· ἀπαθίς

ΜΛΑ ΕΤ'ΡΕΤ'Η ΠΟ ΕΚΣΤ'ΕΒΟΥ. ΠΟ ΝΕΜΟΥ ΖΕ

μὲν ὁ αὐτός κατὰ τὴν θεότητα, (ὅτι καί ἀσώματος,) καθ' ἣν

ΠΑΥΕ ΕΣΤ'ΑΤ'ΕΒΑ ΨΑΚΑ ΨΚΟΡΚ'ΗΣΕ ΨΗΔΕΣΑ.

ὑπερφωῶς ἑτερατούργει τὰ θαύματα.

ΤΑΚΟ ΒΕΣΠΛΑΤ'ΕΝΖ ΝΕΝΕΤ'ΑΤ'ΗΝΕΝΖ ΖΕ. Τ'Α

ἄφθαρτός τε ὡσαύτως,

ΚΟΖΚΔ Η ΝΕΟΠΙΣΑΝΖ Η ΒΕΣΖΜΡΖΤ'ΕΝΖ.

ἀπερίγραπτός τε καί ἀθάνατος·

ΠΡΙΕΜΛΑ ΕΤ'ΡΕΤ'Η ΠΟ ΨΑΚΣΤ'ΕΒΟΥ ΕΣΠΛΑ
παθιτός δὲ κατὰ τὴν ἀνθρωπότητα·

Τ'Η ΕΟ ΕΑ. ΠΟ ΝΕΜΟΥ ΖΕ ΨΑΚΑ ΕΤ'ΡΕΤ'Η

σεσωμάτῳται γάρ, καθ' ἣν φυσικῶς τὰ πάθη

ΠΡΙΗΛΑΪΣΗ. Η ΜΡΖ'Τ'ΚΕΝΖ Τ'ΑΚΖΚΔ Η ΕΠΣΕ

διέφερε. καί θνητός ὁ αὐτός, γραπτός

ΝΖ ΖΕ Η ΟΠΙΣΑΝΖ. ΤΑΚΟΖΚΕ ΕΒΙΣ ΨΑΚΖ ΟΤ'Α

τε καί περιγραπτός, καθ' ὃ πέφηνεν ἐκ

ΕΤ'ΜΕΝΕ ΔΒΔΑ. ΕΚΟΑ ΖΕ ΕΣΤ'ΚΟΡΗΤ'Α ΕΚΟΕΓΟ

σπέρματος Δαβὶδ ἄνθρωπος· οἰκιοῦται δε τὰ τοῦ ἰδίου

Τ'ΕΛΕΣΕ ΕΚΟΚΟ ΕΤ'ΡΕΤ'Η, ΡΑΣΠΑΤ'Η ΖΕ Η ΕΣ

ναοῦ πάθη ὁ λόγος, σταυρόν τε καί

ΜΡΤ'Α. Η ΠΡΟΧΑΔ ΕΛΗΚΟ ΕΣΜΟΙ ΡΑΛΗΚΝΟ

θάνατον καί τὰλλα ὅσα οἰκονομικῶς

ΗΑΓΑ ΡΑΔΗ ΠΟΣΤΡΑΔΑΤΗ ΗΒΚΟΛΗ. ΥΔΣΤΝΟ
 δι' ἡμᾶς παθεῖν κατηξίωσε· τῷ γὰρ αἵματι
 Ж ВО ЕГО КРЪКИЖ ΗΣΚΟΥΠΛΕΝΗ ΒΔΙΧΟΜ
 αὐτοῦ τῷ τιμίῳ ἔτηγοράσθημεν
 ΠΡΟΔΑΝΗ ΓΡΕΧΟΜΔ. ΕЖ ЖЕ ΠΡΕΓΡΑЖΔΕ
 οἱ πεπραμένοι τῇ ἁμαρτία, δι' οὐ τὸ μεσότοιχον
 ΗΝΕ ΟΠΛΟΤНОε ΡΑΖΟРИ ΚΡΑЖΔΗ ΕΒΟΕЖ ΠΛΔ
 τοῦ φραγμοῦ ἔλυσε τὴν ἔχθραν ἐν τῇ
 ΤΗЖ. Η ΕΖΜΗΡΔ ΝΕΒΕΝΔΔ ΕΖ ΖΕΜΝΗ
 σαρκὶ αὐτοῦ, ἀποκαταλλάξας τὰ ἐπουράνια τοῖς ἐπιείοις,
 ΜΗ. Η ΕΔΗΝЖ ЦРΚΚΔ. Η ΕΖΒΟΡΔ ΜΓΕ
 καὶ μίαν ἐκκλησίαν καὶ πανήγυριν ἀγγέλων
 ΛΟΜΔ Η ΥΛКОМΔ ΝΔ ΝΕСИ Η ΝΔ ΖΕΜН
 καὶ ἀνθρώπων ἐν οὐρανῷ καὶ ἐπὶ γῆς
 ΟΥСГРОН. ΕΔΗΝΔ ΟΥΒΟ ΕΣΓΔ ΟΒΟΕ.
 καταστροφάμενος· Εἰς τοιγαροῦν ἐστὶ συναμψότερον·
 ΗΒΟ Η ΕΤΡΑЖΔЖ. ΗΗСЕГОЖЕ ΠΟСТРАДА
 καίτοι πάσχων οὐδὲν εἰς ἰδίαν φύσιν
 ЗΔ ΝΔΙ ΕΚΟИМΔ ΕΣΓΑΣТКО. ΕΖΓΛΑТΗ ΕΔ
 αὐτὸς λέγεται παθεῖν ὑπὲρ ἡμῶν,
 ΝΕΒЖСГКНΔИМΔ НЖ ПРЪСГТНΔИМΔ ΕСГ
 οὐ θεότῃ, ἀλλὰ τῇ χοϊκῇ φύσει·
 ΕΓΚΟМΔ. ΕΒΟΕ ВО ΕМОУ ΕСГΔ ΠΟСТРАДАК
 ἴδιον γὰρ αὐτοῦ τὸ πεπονθός
 ШЕЕ ἴτιλο ΕΖСЕМИЧАСКΔ. ΕΛΔКЖ ΕЖИΔ
 σῶμα· διὰ πάντων τὸ τῆς θείας
 ГО ΕСГΑΣТКА. Η ΥΛЧА ΗИМЕГΔ ПЖЛТЖ
 φύσεως ἀξίωμα, καὶ τῆς ἀνθρωπίνης πτωχείας
 ΔΔ ΗΕΠΗРКИДТННЕ СМОТРЕНИЕ ΕЖИЕ (ΚΑΖНЕИЩЕВАНΟ ВІЖДЕТ.)
 τὸ ταπεινὸν πιστούμενος, ἵνα μὴ φαντασία ἢ οἰκονομία νομισθῇ·
 ΡΑΖНАСГКІОЕ СЛОБО ΕΖ СЕВТ ИМАТΔ ΕΖЕРΔ
 ... τὸν τῆς διαφορᾶς λόγον ἐν ἑαυτῷ ἔχει

ШЕНО. СЕМОУ ВО ДАСТΔ КТО Η ΔΕΛΑТΗ.
 σοφόμενον· αὐτῇ γὰρ ἂν δοίη τις καὶ ἐνεργεῖν
 КОТОРΔИЖΔΟ ОВРАЗΔ. ΕΖ КОТОРΔИМ
 ἑκατέραν μορφήν μετὰ τῆς θατέρου
 ЖΔΟ ОБЩЕНИЕМΔ. НЕ ПРОПОВЕДАЖ
 κοινωνίας· οὐ τοίνυν μίαν
 ΟΥВО ΕΔИНОГО ХОТѢННА Η ΔѢТѢМН О
 θέλησιν καὶ ἐνέργειαν ἐπὶ
 ΕЖИЕМΔ СМОТРЕНИИ. ΟΤЕМΔ ΕΤΕΡΩ
 τῆς θείας οἰκονομίας κηρύσσομεν, ἀποστεροῦντες τὰ θατέρα
 ΠΡΕВЪКШИХΔ ΕΖ СЖИЦАСТКОМΔ, ΔЦЕ
 τῶν οὐσιῶν προσπεφυκότα· εἰ
 НЕ ΕΖΕХОЦИЖ Η СМОГО ΕСГАСТКА ΡΑΖΑΡΔ
 μὴ μέλλοιμεν καὶ τὴν φύσιν αὐτὴν τέλει ἀποσκυάζεσθαι,
 ТИ. ТΑΚΟ ΔΔ НЕ ΕΖΠΑДЖ ΕΖ ΝΕСЗМЫСЛΔ
 ὡς ἂν μὴ τὰ τοῦ ἀνοήτου
 ΗΛГО Η ΝЕНСГТОВАГО ΑΠΟΛΙΝΔΡΗΔ ΝΕДЖ
 καὶ ἔμμανοῦς Ἀπολιναρίου νοσήσωμεν·
 ΓΔ. ΡΑΖΟРА ЖЕ ΗИМΔ СЕΚИРОКО Η
 συγκαθαιρήσωμεν δὲ αὐτῷ καὶ τὴν ἀμφὶ Σέργιον καὶ

ΠΙΡΟΚΟ ΒΕΖΟΥΜΝΕ. ΕΚΕ ΕΑ ΠΑΚΙ Ο ΕΚΚΙΝ

Πύρρον περί την

πρακτικὰ σλοκεσι. βεζα χοτίνια и

του ὀρθοῦ λόγου ἀνανεργητον και ἀναθελητον

дѣтѣли. по сема нами чаетида и спа

ἀφθεισαν συμμοριαν. Κατὰ ταῦτα ἡμῖν τὸ τῆς σεπτῆς και

εηλα τ'αίνα εκκίνα εζμοгрениа ελακн

σωτηριοῦ οἰκονομίας δοξάζεται μυστήριον,

μα εστ'α. паке и ρεζοумѣдема и не

ὁ και νοοῦμενον (κατὰ τὸν εἰρηκότα θεοφόρον,)

изгладѣнна прѣвѣдеага. и глеме не

ἐρρητον μένει, και λεγόμενον

извѣдома. по рекшему ет'моу его

ἐγνωστον. δι' αὐτῆς

ногмоу т'ема оубо пост'циениема

τοίγυν ἐπισκεφθέντες

επιגי εα испок'адемз. и εз вѣтми

σεῶσθαι ὁμολογοῦμεν. και μετὰ πάντων

εжцими и чаетыми молитвици

των ἐν ἡμῖν ἱερῶν σεβασμάτων

и еиж образы ет'ага и знаменна ча

και τὰ ταύτης ἅγια και σεβάσμα σύμβολα και γνωρίσματα

темз и облобыздемз. ими же на

τιμῶμεν και κατασπαζόμεθα, δι' ὧν ἡμῖν

μα по образоу вдеа еугладекия повѣ

каθ' ὁμοίότητα τῆς εὐαγγελικῆς ἱστορίας

εστι εκλαзны вѣшж. диме нж и вэ па

και ἀνιστόρηται και σημαίνεται, εἰ γε εἰς

ματα вдеагагага вѣвѣжжа епо

μνήμην ἡμᾶς τῆς πεπραγματευμένης

ма нас ραди εκкίна σλοκεсе. пакоже εа

τῷ σωτηρι ὑπὲρ ἡμῶν οὐχαταβάσεως διανίστησι, καθάπερ

вѣше испрѣка влогот'рнн прѣж

ἀνωθέν τε και ἐξ ἀρχῆς

χοма. ени оца си хранацне почаети го

παῖδες παρὰ πατέρων διαδεξάμενοι,

εκ'ние εзтворимз. а не вжскыж имз

εὐσεβῶς παρειλήφαμεν./... οὐ μὴν τὴν γε

сложбы творимз и кланѣнна.

κατὰ λατρείαν προσκύνησιν προσφέρομεν...

лематику авторства перевода, однако вполне и даже с большой долей вероятности можно допустить, что в качестве переводчика выступил сам просветитель славянства. Можно априорно принять и догадку Куева об обстоятельстве возникновения «Написания» — перед принятием схимы, в ответ на требование подтвердить свое правоверие. Как византиец, Кирилл закономерно выбрал в качестве непререкаемого авторитета не латинского, а греческого исповедника. Впрочем, он дипломатично избежал и конфликтного противопоставления Востока и Запада: Никифор Исповедник римской церковью признается святым, причем с тем же атрибутом (хотя дни памяти Никифора в Риме и Константинополе расходятся). Есть и другие аргументы, чтобы включить «Написание» в литературное наследство Кирилла, в том числе и вытекающие из ставшего теперь возможным сопоставительного изучения греческого источника и славянского перевода.

Что можно сказать о качествах этого перевода?

Прежде всего, это перевод — п о с л о в н ы й. Переводчик, правда, переменял (но непоследовательно) множественное число некоторых глаголов на единственное, чтобы текст имел характер личного исповедания веры, а также устранил (в редких случаях) отдельные слова, сочетания слов и фрагменты фраз. Пословность (т. е. точное соответствие греческому слову источника славянского слова перевода) — это переводческий прием, реализованный, за редкими исключениями, на всем пространстве «Написания». Ср. первую фразу:

Πιστεύομεν -- вѣроуѣж -- εις -- въ --- ενα --- единого -- θεον --- ба -- πατέρα -- оца -- παντοκράτορα -- всѣдъръжителѣ -- πάντων - всѣмъ -- ὁρομένον -- видимымъ -- και -- и -- ἀόρατων -- невидимымъ -- ποιητήν - творца -- τε -- же -- και -- и -- χύριον -- га -- ἀναρχον -- безначална -- ἀόρατον -- невидима -- ἀκατάληπτον -- неодръжима -- ἀναλλοίωτον -- неизмѣнна -- ἀτελεύτητον -- бесконечна. Читайте подобным образом все фразы перевода, и пословный принцип будет выдерживаться.

Есть от него и отклонения, допускающие различную интерпретацию. Так, в первом фрагменте о третьей ипостаси у Никифора сказано: ἐκ τοῦ θεοῦ και πατρος προῖόν, а в переводе, казалось бы, добавлено лишнее слово: исходящъ отъ оца единого. Скорее всего, перед нами вставка ключевого слова в ходе бытования переписывания авторитетного текста, вызванная остро развернувшейся по разделении церкви полемикой вокруг filioque. Одному из переписчиков-справщиков «благочество» показало, что следует, пусть задним числом, и первоучителя включить в ряд противников filioque. Чаше встречаются, однако не добавления слов, а, напротив, устраниения, так что двум греческим словам соответствует лишь одно славянское, причем не обобщающее по смыслу, а переводящее лишь один элемент из пары, — второй остается непереуведенным. Подобная тенденция к сокращению источника — характерная черта любых переводов, не исключая и самых современных. В тех редких случаях, когда греческий текст остался непереуведенным, мы заключили его в круглые скобки. (Впрочем, всегда остается текстологическое сомнение: хотя Минь, безусловно, представляет собой надежную книгу, все же мы не можем знать, какая именно редакция Никифора лежит в основе перевода.)

Наряду с пословностью, для славянского текста характерен и второй принцип — правило воспроизводства синтаксической структуры греческой фразы. Если вернуться к первому предложению «Написания», приведенному выше, то нельзя не заметить, что синтаксическая схема греческой фразы одновременно оказывается синтаксической схемой славянской. Переводчик постоянно сохраняет или стремится сохранить греческий синтаксис, и замена греческой лексики на славянскую не сопровождается одновременными синтаксическими перестройками (а такое является непреложным правилом современных переводов). В силу развитости флексии в обоих языках славянорасположение отличается не просто свободой, а даже причудливостью: разветвленной греческой фразе с цепью подчиненных предложений и обособляемых причастных конструкций как правило соответствует точно такая же славянская. В процессе бытования и многократного переписывания в «Написании» некоторые сложные синтаксические схемы затемнились, и в литературе вопроса встречаются мнения о пропусках фрагментов, перестановках, даже бессмысленном, неосмысленном переводе (традиция подобных суждений восходит к А. Воронову [13]). Против подобных мнений с лингвистическими доводами в руках выступали Г. А. Ильинский, П. А. Лавров [14; 15]; теперь же мы получили возможность надежно восстанавливать поврежденные славянские фразы в их исходном синтаксисе на базе привлечения греческого источника. В целом, по нашим наблюдениям, в «Написании» нет по сравнению с источником таких пропусков и перестановок, которые разрушали бы смысл.

Правило воспроизводства синтаксической структуры выдерживается не столь строго, как принцип пословности. Так, в некоторых случаях на месте греческих причастий мы видим личные формы глагола. Для византино-греческого языка характерна постановка причастий в конец обособ-

ленной конструкции, — так что зависимые ее члены оказываются перед причастием, — а переводчик иногда (видимо, для лучшего понимания), напротив, начинает конструкцию с причастия, производя таким образом многочленные перестановки. Ср. в конце первого фрагмента εἰς ἐν ὑπερούσιον καὶ ὑπερφῶς θεότητος ὕψος συνιούσαν (причастие в конце) — съвькоуплѣщѣмоу сѧ в единѣ высотѣ бжѣства прѣсѣщнѣ прѣсестествнѣ (причастие в начале). В рассматриваемом примере переводчик переставил еще и атрибуты бжѣства, так что взаимное соответствие источника и перевода на пословно-синтаксическом уровне уже не отмечается (но, конечно, вполне устанавливается в рамках обеих конструкций).

Хотя «Написание» действительно сильно зависит от греческого источника, все же в нем славянский язык заявляет о себе довольно отчетливо. Например, в греческом языке сочетательность может быть выражена приглагольной приставкой: πατρὶ καὶ υἱῷ συνθεολογούμενον τε καὶ συνδοξαζόμενον; для славянского предпочтительнее употребление приименного предлога, что и видим в переводе (1-й фрагм.): съ оцемъ и сномъ бгословимъи же и с славимы. (В эпоху второго южнославянского влияния распространится точная морфологическая калька: *отцоу и сыноу собгословимыи и со славимыи*.) Встречаются и вообще описательные переводы: вместо прилагательного ὑπερλόσιμος словосочетание надъ всѣмъ миромъ; вместо сложного слова ταυτοβουλία — номинативное словосочетание единъ съвѣтъ; наречие ἀλλήθως передается как падежно-предложная именная конструкция въ и чинѣ; аналогично на месте ὑπερφῶς два слова паче ествѣства; вместо греческой именной конструкции с генетивом τὸ μεσότοιχον τοῦ φραγμοῦ пр дставлена славянская с атрибутом-прилагательным прѣбращѣние оп отное, прилагательные ἀνερέργητος καὶ ἀναθέλητος преобразованы в существительные с предлогом безъ хотѣнѣи и дѣтѣли; с другой стороны, напротив, греческому имени с предлогом ἐξ ἀρχῆς соответствует славянское наречие (правда, отыменного происхождения) испрѣва. Примеры описательных переводов могут быть значительно умножены: часть из них потребовала бы пространного комментария, а часть еще не расшифрована нами (тем более что мы не знаем текстологической истории исповедания Никифора, и нам неизвестно, имеется ли греческая версия текста, более близкая к славянскому переводу, чем та, которая напечатана у Мпня). Как бы то ни было, «Написание» не обнаруживает такого насилия над славянским языком, какого можно было бы ожидать, если принять во внимание, что предметом перевода является сложнейший трактат, а только возникающий первый литературный язык славян еще не располагает употребляемыми средствами выражения весьма отвлеченных понятий. Переводчик преодолел трудности передачи по-славянски сложного смысла, и он достиг этого не порабощенем языка, а максимальным использованием его возможностей.

В памятнике отчетливо отразился тот этап роста древнеславянского литературного языка, когда еще только подыскивались славянские эквиваленты ключевым философско-теологическим греческим терминам, определявшим лицо эпохи. Многие из найденных соответствий закрепились надолго и потом перешли в новые литературные славянские языки (например, в русский), часть же была заменена другими. Ниже мы приводим небольшой список греческих философских (онтологических, гносеологических, этических и эстетических) терминов и сопровождаем его списком представленных в «Написании» славянских эквивалентов (в нормализованных написаниях). Αἰτία -- вина, εἰκόων -- образъ, ἔλεος -- милость, βέλησις -- хотѣнѣи, ἱστορία -- повѣсть, μονάς -- единѣство, μονογενής -- единороднѣи, μορφή -- образъ, μυστήριον -- тайна, οἰκονομία -- сьмотрѣнѣи, οἰκτιρμοί -- щедростѣи, ὁμολογέω -- исповѣдати, ὁμοούσιος -- единосъщнѣи, οὐσία -- сщѣство, πάθος -- страсть, παντοκράτωρ -- вседръжителъ, πνεῦμα -- доухъ ποιητής -- творьць, σάρξ -- плѣть, σύμβολον -- образъ, τέλειος -- сьвршенъ, τριάς -- троица, τύραννος -- мѣчителъ, ὑπόστασις -- сщѣство, φιλανθρωπία -- чловѣколюбѣи, φύσις -- кѣство, χαρακτήρ -- образъ и др. Легко заметить, насколько существен наш источник для изучения становления славянской философско-теологической, вообще отвлеченной терминологии.

Похоже, правда, что «Написание» в ходе длительной истории бытования к XIV в. претерпело обновление терминологии, но все же отдельные древние (явно кирилло-мефодиевские) термины сохранились. Так, ἀχωρίστος и ἀδιάσπαστος (атрибуты-синонимы Троицы) первоначально переводились как *нерастѣпнь* или *нерастѣпомстѣнь*, но довольно рано были вытеснены другим словом — *нераздѣльнь* (см. об этом [16]). В «Написании» же представлено начальное слово *нерастѣпнь*!

Если на время оставить в стороне анализ лексики, то те принципы перевода, о которых мы говорили раньше, — пословность, повторение синтаксической структуры, реализация идиоматичных ресурсов славянского языка, — не препятствуют заключению, что перевод мог быть выполнен в кирилло-мефодиевскую эпоху. Терминологические архаизмы и определенная неустойчивость славянской терминологии свидетельствуют о том же.

В палеославистике известно немало случаев, когда для памятника, считавшегося оригинальным, отыскивался прямой иноязычный источник². Что ж, патристическое наследие Византии настолько обширно, что заметить в нем параллель славянскому тексту — все равно что найти иголку в стоге сена. Не обходится обычно без помощи случая: параллель была замечена А. И. Юрченко во время чтения творений Никифора в русском переводе [18]. Надеемся, что введение в научный оборот греческого источника «Написания о правой вере» станет стимулом для дальнейших разысканий³.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Kyue K.* Иван Александрович от 1348 г. София, 1981.
2. *Grives F.* Konstantin und Method, Lehrer der Slaven. Wiesbaden, 1960, S. 225—227.
3. *Бернштейн С. Б.* Константин-Философ и Мефодий. Начальные главы из истории славянской письменности. М., 1984.
4. *Tkadlčik V.* Das Napisanije o pravěj věřě, seine ursprüngliche Fassung und sein Autor.— Das östliche Christentum, N. F., H. 22. Würzburg, 1969.
5. The Oxford Dictionary of the Christian Church/Ed. by F. L. Cross and E. A. Livingstone. London, p. 968—969.
6. *Beck H.-G.* Kirche und theologische Literatur im byzantinischen Reich. München, 1977, S. 489—491.
7. *Alexander P. J.* The Patriarch Nicephorus of Constantinople. Ecclesiastical Policy and Image Worship in the Byzantine Empire. Oxford, 1958.
8. *Παναδοπουλο-Κεραμεως Α. Ι.* Ἀνάλεκτα Ἱεροσολυμιτικῆς Σταχυολογίας, I. Ἐν Πετροῦπόλει, 1891.
9. *Migne J. P.* Patrologia Graeca. Paris, 1860, vol 100, p. 580с—589с.
10. *Верещагин Е. М.* Из истории возникновения первого литературного языка славян. Переводческая техника Кирилла и Мефодия. М., 1971.
11. *Верещагин Е. М.* Из истории возникновения первого литературного языка славян. Варьирование средств выражения в переводческой технике Кирилла и Мефодия. М., 1972.
12. *Верещагин Е. М.* Из истории возникновения первого литературного языка славян. К проблеме греческо-славянских лексических и грамматических вариантов в древнейших славянских переводах. Доклад на VII Международном съезде славистов. М., 1972.
13. *Воронов А.* Главнейшие источники для истории Кирилла и Мефодия. Киев, 1877.
14. *Ильинский Г. А.* Написание о правой вере Константина Философа.— В кн.: Сборник в чест на В. Н. Златарски. София, 1925.
15. *Лавров П. А.* Материалы по истории возникновения древнейшей славянской письменности. Л., 1930.
16. *Верещагин Е. М.* К дальнейшему изучению переводческого искусства Кирилла и Мефодия и их последователей. М., 1982, с. 82.
17. *Верещагин Е. М.* К интерпретации одного темного места в переводческом наследии Иоанна Экзарха Болгарского.— Советское славяноведение, 1981, № 5.
18. Никифора Исповедника творения. Ч. 1.— В кн.: Творения . . . отцов в русском переводе. Т. 65. Сергиев Посад, 1904.
19. *Юрченко А. И.* К проблеме идентификации «Написания о правой вере».— В кн.: Балто-славянские исследования. 1985. М., 1987.
20. *Верещагин Е. М.* Терминотворчество Кирилла и Мефодия.— Вопросы языковедения, 1988, № 2.

² Сравнительно недавний пример: Похвальное слово Иоанну Богослову, находящееся в Германовом сборнике, его исследователи И. Юфу и Д. Иванова-Мирчева отнесли к (хотя бы компилятивному) творчеству Иоанна Экзарха, потому что в известных им редакциях Похвального слова (Климентя Александрийского и Симеона Метафраста) не было точного греческого соответствия. Г. Кейперт указал на редакцию Слова Анастасия Синаита, которая настолько близка славянскому тексту, что его переводной характер стал очевидным. См. подробнее [17] (с литературой).

³ См. также: [19; 20].

БУЛАХОВСКИЙ Л. А.

14 апреля 1988 г. исполнилось 100 лет со дня рождения чл.-корр. АН СССР, акад. АН УССР, проф. Леонида Арсеньевича Булаховского. Его имя хорошо известно филологам не только в нашей стране, но и за ее пределами. Известность ему принесла многолетняя плодотворная деятельность исследователя, педагога, организатора науки.

Л. А. Булаховский принадлежал к тому поколению ученых, которое сформировалось еще в дореволюционные годы, восприняв лучшие традиции отечественной науки и культуры, и после Октября без колебаний поставило свои знания на службу новому обществу, составив интеллектуальный потенциал молодого советского государства.

Родился Л. А. Булаховский в Харькове, в многодетной семье мастера-механика. После окончания в 1906 г. классической гимназии поступил на славянорусское отделение филологического факультета Харьковского университета. Здесь еще жива была память о великом мыслителе А. А. Потебне, в конце XIX — начале XX в. читали лекции такие выдающиеся филологи, как Д. Н. Овсянико-Куликовский, Н. Ф. Сумцов, М. С. Дринов; непосредственными учителями Л. А. Булаховского были С. М. Кульбакин, Г. А. Ильинский, Я. М. Эндзелин.

Передовая часть профессуры университета не только давала широкую лингвистическую подготовку и глубокие знания, но и воспитывала студенческую молодежь в духе гуманизма, интереса и уважения ко всем славянским народам и их культурам. Пиетет к личности А. А. Потебни, благодарность своим учителям и alma mater, верность воспринятым там высоким гуманистическим идеалам Л. А. Булаховский пронес через всю жизнь и старался передать ученикам. А. А. Потебне он посвятил более 10 работ, в том числе небольшую книгу [1]; по инициативе Л. А. Булаховского имя ученого в 1945 г. было присвоено Институту языковедения АН УССР.

Учился Л. А. Булаховский блестяще. Еще студентом он проявляет способности к научным исследованиям: на третьем курсе за работу «Вопрос о Зеленогорской и Краледворской рукописях» получил золотую медаль. После окончания университета в 1910 г. по представлению проф. С. М. Кульбакина Л. А. Булаховский был оставлен при кафедре славянской филологии для подготовки к профессорскому званию. В этом же году увидела свет его первая печатная работа [2] (рецензия на исследование П. Дильса о славянском ударении).

В 1911—1914 гг. Л. А. Булаховский проходил подготовку к профессорскому званию при кафедре славянской филологии Харьковского университета и одновременно (до 1917 г.) был учителем русского языка и словесности в гимназиях, а в 1916—1917 гг. также лектором Харьковских

Лукинова Татьяна Борисовна — канд. филол. наук, старший научный сотрудник Института языковедения им. А. А. Потебни АН УССР.

высших женских курсов. Магистерские экзамены он сдал в 1916 г. при Петроградском университете комиссии, в состав которой входили А. А. Шахматов, П. А. Лавров и др. А. А. Шахматов со свойственной ему доброжелательностью сердечно отнесся к молодому ученому, высоко оценил его знания, и Л. А. Булаховский до конца жизни хранил о нем благодарную память. «Среди филологов и историков нашего Союза, начинавших или продолжавших свой научный путь во времена Шахматова,—писал он впоследствии,— можно смело сказать, не было людей, которые не испытали бы на себе в той или иной мере его благотворного влияния, его доброго поощрения и твердой поддержки на далеко не легких путях научной работы старого времени» [3].

С 1916 г. Л. А. Булаховский занимает должность приват-доцента кафедры славянской филологии Харьковского университета, а затем профессора сначала Пермского (1917—1921) и снова родного Харьковского университета, где он заведовал кафедрами языкознания (1921—1933) и общего языкознания (1933—1942). В 1930—1935 гг. Л. А. Булаховский руководит также секцией славянских языков Харьковского филиала Института языковедения АН УССР. В 1936 г. ему присвоена ученая степень д-ра лингвистических наук; в 1939 г. он избирается действительным членом АН УССР, а в 1946 г.— чл.-корр. АН СССР.

После нескольких лет эвакуации, проведенных в Уфе и Москве (в 1943 г. Л. А. Булаховский был профессором Московского университета), он переезжает в Киев и возглавляет Институт языковедения АН УССР, а также работает в Киевском университете, руководя кафедрами украинского языка (1946—1947) и славянской филологии (1947—1960).

Умер Л. А. Булаховский 4 апреля 1961 г.

Небогатая внешними событиями жизнь ученого тем не менее отразила основные черты своего бурного времени. Он жил с полной самоотдачей, находя в напряженном каждодневном труде моральное удовлетворение. Более 50 лет отдал он науке, преподаванию лингвистических дисциплин, созданию пособий для учащихся средней и высшей школы. Преподавание и наука в равной степени были его призванием; исследовательская работа органически переплеталась с чтением лекций: в учебниках, лекциях Л. А. Булаховского можно найти как бы в зародыше немало из того, что затем составило основу фундаментальных монографий. Перу Л. А. Булаховского принадлежит более 400 книг, брошюр, учебных пособий, статей, рецензий, обзоров, методических разработок, посвященных самым различным вопросам теории языкознания и практики языкового строительства.

Немало сил и энергии отдал Л. А. Булаховский непосредственно народному просвещению. В 20-е годы, наряду с работой в Харьковском университете, он преподает на рабфаке, на различных курсах, обучая грамоте рабочих, крестьян, вчерашних красноармейцев, пишет учебники по русскому и украинскому языкам, создает программы и т. п. За десять лет им напечатано около 70-и работ, сыгравших важную роль в ликвидации неграмотности, решении многочисленных вопросов образования широких масс на Украине.

Одновременно Л. А. Булаховский ведет интенсивную исследовательскую работу. Ученый сильной творческой мысли, широких интересов и удивительной работоспособности, он оставил глубокий след и в решении теоретических вопросов, и в русистике, и в украинистике. В проблематике общетеоретического характера его особенно интересовали многочисленные вопросы, касающиеся жизни и функционирования языка в обществе, в первую очередь, возникновения и закономерностей развития литературных языков, языковых взаимодействий и взаимовлияний.

Среди работ этой проблематики наиболее важной является монография [4], печатавшаяся в 40-х годах отдельными статьями на украинском языке. В ней впервые в научной литературе на широком историко-культурном и лингвистическом материале, в том числе славянском, представлены закономерности появления и совершенствования литературного языка как важнейшего фактора культурного развития народа, определены наиболее типичные социально-исторические условия и хронологические рамки возник-

новения литературного языка, его отношение к устной речи, к диалектам, роль внешних влияний, основные стороны развития (обогащение словаря, установление норм, стилистическое совершенствование, очищение от нежелательных элементов и т. п.). Высоко оценивая это оригинальное исследование, В. В. Виноградов писал: «В изложенном труде Л. А. Булаховского ярче всего отразился синтез лучших достижений досоветской науки, касающейся проблем литературного языка, с новыми социологическими идеями и веяниями в этой области в 40-е годы XX в. В этом исследовании рельефно выступили характерные черты общих филологических устремлений советского времени» [5]. Вместе с развернутым изложением основного содержания труда эта оценка была повторена в редакционной статье журнала «Вопросы языкознания», посвященной развитию советской науки о языке за 50 лет [6]¹.

В русистике Л. А. Булаховский известен прежде всего как автор «Курса русского литературного языка» [8] и «Исторического комментария к русскому литературному языку» [9]. Высокий научный уровень этих книг, богатство фактического материала из произведений художественной литературы и из памятников, соответствие учебным программам обеспечили им долгую жизнь как вузовским пособиям. Справедливо отмечался новаторский характер «Исторического комментария» [10]. Задумывалось автором также как пособие, но вышло далеко за его рамки фундаментальное двухтомное исследование «Русский литературный язык первой половины XIX в.» [11], в котором дана широкая панорама языка преимущественно художественной литературы на важнейшем этапе его развития (эпоха Пушкина).

На материале русского языка написана работа «Дестимологизация в русском языке» [12]², оригинальная и по содержанию, и по примененному в ней методу интроспекции — самонаблюдения.

Цикл статей посвятил Л. А. Булаховский «Слову о полку Игореве» [13, т. 1]. Его наблюдения над языком «Слова», в частности, его лексикой — серьезный вклад в объективное, строго научное решение сложных вопросов, которые ставит перед филологией этот памятник.

Важной частью научного наследия Л. А. Булаховского являются его труды, посвященные украинскому языку. Еще в 20-е годы он был в первых рядах среди тех, кто создавал практическую и научную грамматику украинского языка: был автором, соавтором и редактором нескольких учебников и курсов украинского языка. В 1951 г. под редакцией Л. А. Булаховского и при его авторском участии вышел двухтомный «Курс сучасної української літературної мови» [14], где впервые были представлены все грани структуры языка — его лексика, фонетика, морфология, ударение, синтаксис; почти два десятилетия этот курс был основным пособием для студентов-филологов республики.

Во многих областях науки об украинском языке Л. А. Булаховскому приходилось быть первопроходцем. Это касается и некоторых общих вопросов происхождения и развития украинского языка, и таких специальных областей, как акцентология, ритмомелодика [15], исторический синтаксис [16].

Особое место среди работ по украинистике занимает монография Л. А. Булаховского «Питання походження української мови» [17]. В ней освещены основные проблемы, связанные с возникновением и развитием украинского языка и его отношением к другим славянским языкам, даны исчерпывающие для филологии 50-х годов ответы на кардинальные для украинистики вопросы о языке древнего Киева и Киевщины, о чертах украинского языка в памятниках разных веков, о времени формирования украинского языка. Скрупулезный отбор достоверных данных позволил Л. А. Булаховскому утверждать, что отдельные диалектизмы древнерусского языка, которые можно рассматривать как будущие черты украинского языка, начинают появляться в письменности с XII в. Однако лишь с XIV в.

¹ О значении этой монографии Л. А. Булаховского см. также [7].

² Полную библиографию трудов Л. А. Булаховского см. [13, т. 1, с. 29—47].

их количество в южнорусских памятниках настолько возрастает, что можно говорить об отражении в письменности нового, украинского языка.

В русле фундаментальных сравнительно-исторических исследований Л. А. Булаховский создает серию статей, посвященных углубленному изучению украинской акцентуации [18; 19]. Эти работы вводят украинский материал в славянскую сравнительно-историческую акцентологию.

Три больших статьи Л. А. Булаховского (общим объемом около восьми листов), напечатанные в 1946—1948 гг. под общим названием «З історичних коментаріїв до української мови» [13, т. 1, с. 37—38], посвящены историческому синтаксису украинского языка; рассматриваются в частности, порядок слов, союзы и союзные группы, синтаксическое оформление сказуемых и их эквивалентов.

Осталась неоконченной публиковавшаяся частями в различных изданиях книга «Історичні коментарії до української мови», аналогичная «Историческому комментарию к русскому литературному языку» (собранные воедино фрагменты этой книги переизданы в [13, т. 2]).

Л. А. Булаховский — автор проекта «Украинского правописания». После широкого обсуждения проект был утвержден в 1945 г. [20]; с незначительными изменениями и дополнениями это правописание действует и в настоящее время. В области украинской лексикографии Л. А. Булаховский выступил как редактор (вместе с М. Я. Калиновичем и М. Ф. Рыльским) «Русско-украинского словаря» [21].

Однако, поскольку и в теоретических работах, широко привлекая факты различных языков, ученый нередко основывает свои выводы на явлениях славянских языков, и в исследованиях по русистике и украинистике инославянские параллели, общеславянский фон не однажды способствовали углубленному раскрытию природы тех или иных языковых фактов, а главное — поскольку собственно славистические исследования составляют чрезвычайно важную и весомую часть его научного наследия, вполне закономерно, что в историю языкознания Л. А. Булаховский вошел прежде всего как славист.

Л. А. Булаховский справедливо подчеркивал, что славянские языки с их более чем тысячелетней письменностью, диалектной раздробленностью, богатой историей и культурой, многочисленными следами взаимовлияний, а также взаимодействий с языками неславянскими (балтийскими, германскими, романскими, тюркскими, угрофинскими и др.) представляют обширное поле для исследований в разных аспектах и различными методами. У Л. А. Булаховского есть труды, посвященные специально (кроме восточнославянских) польскому, чешскому, словацкому, болгарскому, македонскому, сербскому, лужицким языкам; многие работы построены на общеславянском материале.

Среди множества самых общих идей Булаховского-слависта сегодня представляется особенно важной и актуальной мысль о том, что славянское языкознание должно развиваться в тесном единстве с другими дисциплинами о славянстве — его историей и археологией, этнографией, фольклором, литературоведением. И труды самого ученого — блестящий образец широкого синтеза данных филологических и исторических наук (см. [11; 17 и др.]).

При всей широте научных интересов и исканий ученого в области славистики можно выделить три основных направления, особенно привлекавших его внимание: история славянских литературных языков, лексикология и акцентология. Углубленную разработку различных сторон широкой проблемы истории славянских литературных языков находим прежде всего в упомянутых выше книгах [4; 11; 17]; сюда же относится раздел «Українська літературна мова» в [22], статьи об особенностях языка писателей — Шевченко, Пушкина, Рыльского.

Общую картину взаимодействий и взаимовлияний славянских литературных языков на протяжении всей их истории Л. А. Булаховский дает в статье «К истории взаимоотношений славянских литературных языков» [23]. Раскрывая сложность проблематики межславянского литературноязыкового взаимодействия, ученый проводит мысль о последовательном

выдвижении того или иного языка на роль особо влиятельного в славянском мире (сначала это был старославянский, в XIV—XVI вв. орудием славянской культуры оказывается чешский язык и, наконец, в XIX—XX вв. ведущим становится русский). Вместе с тем в работе рассматриваются и более узкие, более ограниченные межъязыковые взаимовлияния, обусловленные как территориальной близостью, так и культурно-историческими факторами.

Кроме лексических заимствований, литературноязыковое взаимодействие проявляется также в области фразеологии, синтаксиса, стилистики. Ученый отмечает, что подчинение чуждому синтаксическому строю (разумеется, всегда только частичное) отражает более глубокое и тесное сближение одного языка с другим, чем проникновение словарных элементов. Чуждая стихия в области синтаксиса чаще всего обнаруживается в заимствовании союзов (особенно подчинительных и противительных), в новом порядке слов, в изменении некоторых конструкций (например, при предложном управлении). В истории славянских языков наиболее заметным было влияние латинского синтаксиса. Освобождение от латинизированного построения фразы, обращение к родным истокам практически означало возврат к исконно общим или близким по происхождению синтаксическим средствам.

Отдельных этюдов, посвященных особенностям мастерства художников слова, у Л. А. Булаховского немного [24—26], но они могут служить образцом лингвостилистического анализа. Очень выразительны и метки у Л. А. Булаховского характеристики индивидуальной языковой манеры многих писателей, данные в исследовании [11].

Труды Л. А. Булаховского по истории литературных языков, наряду с исследованиями других ученых, способствовали становлению истории литературного языка как самостоятельной научной и учебной дисциплины, закладывали ее теоретические основы.

Через всю жизнь пронес Л. А. Булаховский интерес к слову, к многочисленным теоретическим и практическим вопросам лексикологии и лексикографии. Особенно привлекало его слово в движении, развитии значения и форм; не случайно одна из ранних лексикологических работ называлась «Динамика слова» [27]. Он видит в слове сгусток мысли, продукт ее нередко многовековой истории. Всестороннее изучение лексики он считает важным не только для языкознания как такового, но и для других гуманитарных наук.

Впервые в вузовском пособии Л. А. Булаховский в «Курсе русского литературного языка» [8] вводит главу «Лексика и фразеология»; в ней характеризуется состав русской лексики по ее происхождению и стилистической окрашенности. В слове его привлекало не только интеллектуальное содержание, но и эмоциональная, аффективная сторона. Отсюда — интерес к слову как элементу искусства, к лингвостилистическому аспекту исследования лексики. Содержание первого тома [8] (его подзаголовок — «Лексика и общие замечания о слого») составляет детальный и всесторонний анализ употребления в произведениях художественной литературы различных групп лексики, раскрывается мастерство, неповторимое своеобразие писателей в отборе тех или иных лексических средств в зависимости от жанра, стиля, художественной установки.

Широко представлена лексика из многих языков, и прежде всего славянских, в книгах Л. А. Булаховского [28; 29], в которых излагаются основные вопросы лексикологии и даются сведения о словарях различных типов. Книги, подготовленные в первые годы после лингвистической дискуссии как пособия для студентов, не раз обсуждались (особенно первая) на страницах научных журналов, и большинство рецензентов отмечало, наряду с другими достоинствами, исключительное богатство и свежесть иллюстративного материала. О специальном интересе ученого к вопросам омонимии свидетельствует, например, статья [30].

Оригинальное исследование одной из лексических тематических групп представляет собой работа Л. А. Булаховского «Славянские наименования птиц» [31]. Названия птиц имеют специфику, которая далеко не всегда

учитывается в практике этимологизирования и при фонетических сопоставлениях, при выделении и характеристике входящих в состав соответствующих слов морфологических элементов; есть некоторые особенности в заимствовании слов данной группы. Из всей массы наименований птиц в славянских языках ученый выделяет древнейший, праславянский слой (*golǫbь, *orbь, *drozdъ, *erebъ, *pty, *želna и мн. др.). Разносторонне рассматриваются славянские названия птиц звукоподражательного происхождения и такие, в основе которых лежат слова со значением звучаний, наименования от имен существительных, обозначающих растения, животных, части тела, профессии, народы, имена людей, производные от прилагательных (чаще всего по окраске оперения) и от глаголов; характеризуются семантические и морфологические особенности наименований птиц типа сложений, отмечаются факты калькирования и деэтимологизации последних.

Исследование очень характерно для творческой манеры ученого: с одной стороны, взвешенная, всесторонняя обработка соответствующего фактического материала с помощью сравнительно-исторического метода (с учетом различных версий), а с другой — постоянное внимание к моментам нефонетического порядка (эмоциональным, различного рода субституциям, метатезам, контаминациям и пр.).

Новый аспект в изучении лексики открывает упомянутая выше работа Л. А. Булаховского «Деэтимологизация в русском языке» [12]. В ней впервые определены как состав деэтимологизировавшейся лексики, так и условия распада этимологических гнезд, причем установленные автором причины могут быть распространены на подобные явления в других языках, их характер близок к универсальному.

Излюбленной областью исследований Булаховского-слависта в течение всей его жизни была акцентология. Здесь его вклад в науку о славянских языках особенно велик. Поистине огромен тот фактический материал, который ученый подверг обработке с помощью сравнительно-исторического метода, чтобы реконструировать праславянскую систему интонационно-количественных отношений и, уяснив исходное состояние, проследить рефлексацию тех или иных явлений в каждом славянском языке, раскрыв таким образом причинные связи между различными фактами не только чисто акцентологического порядка, но и нередко фонетического.

В послевоенные годы Л. А. Булаховский начал работу над фундаментальным обобщающим трудом «Введение в славянскую акцентологию». Появившиеся в последующие годы крупные публикации [32—35] были, по-видимому, фрагментами этого труда, так, к сожалению, и не завершено ученым.

В разработке акцентологической проблематики Л. А. Булаховский продолжил классическую линию исследований Ф. Ф. Фортунатова, А. А. Шахматова, Л. Л. Васильева, Ф. де Соссюра, А. Мейе, Я. Розадовского. Оценивая роль Л. А. Булаховского в славянской акцентологии, один из наших ведущих акцентологов В. В. Колесов отмечал: «Подводя итоги „фонетическому“ этапу в развитии славянской акцентологии, Л. А. Булаховский явился прежде всего систематизатором достигнутых наукой результатов, готовя акцентологию к последующему движению вперед... Булаховский создавал с и с т е м у классической акцентологии... вплотную подвел нас к формулированию новой акцентной теории» [36, с. 24, 26] (имеется в виду теория акцентных парадигм Хр. Станга).

Труды Л. А. Булаховского выделяются не только богатством идей и свежестью привлеченного к обработке фактического материала, но и разнообразием применяемых методов; он пользовался методами описательным, историческим, лингвистическим, лингвистического анализа, интроспекции и др. Особенно результативным он считал сравнительно-исторический метод и широко применял его в своих исследованиях: акцентологических, лексикологических и пр. Славной страницей не только биографии ученого, но истории отечественного языкознания является тот факт, что Л. А. Булаховский оставался компаративистом в самые трудные годы господства марризма. Во времена, когда компаративистика объявлялась идеологи-

чески враждебной, буржуазной, чуждой марксизму, эта независимая позиция ученого требовала немалого гражданского мужества. Однако Л. А. Булаховский продолжал открыто пользоваться сравнительно-историческим методом, хотя далеко не все работы удавалось тогда же напечатать (были даже случаи, когда они изымались из печати уже на стадии верстки³).

С началом дискуссии по вопросам языкознания в 1950 г. Л. А. Булаховский выступил на страницах газеты «Правда» с большой статьей, в которой горячо и аргументированно защищал сравнительно-исторический метод и доказывал его незаменимость в решении многих задач науки о языке. В годы после дискуссии, окончившейся, как известно, полной реабилитацией компаративистики, Л. А. Булаховский много сделал для популяризации метода, раскрытия его сильных и слабых сторон, совершенствования приемов исследования. В этом плане особенно важен цикл его работ «Очерки по сравнительно-историческому методу в языкознании. Грамматическая аналогия и родственные явления» [13, т. 3, с. 11—188].

Следует подчеркнуть также неизменный интерес Булаховского-слависта к свидетельствам балтийских языков. Он был хорошо знаком с двумя классиками балтийского языкознания — Я. Эндзелином и К. Бугой и не раз получал из их рук интересующие его лингвистические факты. В вопросе о балто-славянском языковом единстве Л. А. Булаховский склонялся к признанию балто-славянского праязыка как совокупности диалектов [13, т. 3, с. 300—304].

Л. А. Булаховский хорошо знал и любил литературы славянских народов. Он читал спецкурсы в Харьковском университете о поэзии и особенностях ее языка у А. Мицкевича и Ю. Словацкого. Узы дружбы связывали его с такими замечательными мастерами художественного слова на Украине, как М. Ф. Рыльский и П. Г. Тычина [37].

Научное наследие Л. А. Булаховского, творческий путь ученого еще ждут своих внимательных и компетентных исследователей. В короткой статье невозможно даже упомянуть о всех важных его работах, рассказать о плодотворных новаторских идеях и их дальнейшей судьбе в науке. Здесь намечены лишь некоторые главные направления его поисков, названы далеко не все даже крупные работы; используя поэтический образ из статьи Л. А. Булаховского, скажем: «пусть несколько принесенных с поля колосков напомнят об огромной плодородной ниве».

Труды Л. А. Булаховского печатались не только в различных отечественных изданиях, но и в известных зарубежных славистических журналах Германии, Франции, Югославии; у него есть публикации на белорусском, литовском, французском, немецком языках. Ряд работ, опубликованных в нашей стране, напечатан также за рубежом в переводах на славянские и другие языки.

Л. А. Булаховский поддерживал творческие контакты со многими выдающимися славистами — Т. Лером-Сплавинским, Б. Гавранеком, Ф. Травничеком, Л. Андрейчиным и др.

Велик его вклад в развитие славистики и как организатора науки, воспитателя славистических кадров. Он был первым председателем Украинского комитета славистов. По его инициативе на филологическом факультете Киевского университета в 1947 г. организована кафедра славянской филологии и создано славянское отделение, сыгравшее и продолжающее играть важную роль в подготовке славистов на Украине.

Среди многочисленных учеников Л. А. Булаховского — акад. И. К. Белодед, д-ра филолог. наук А. И. Багмут, Л. Л. Гумецкая, М. А. Карпенко, В. Т. Коломиец, А. П. Непокупный, О. Б. Ткаченко, канд-ты наук И. М. Железняк, Р. В. Кравчук, Н. П. Романова, Ю. Л. Яворская и др.

³ Так произошло, например, со статьей «Луижские отражения древнейшей славянской акцентологической системы», подготовленной Л. А. Булаховским для публикации в сборнике «Памяти академика Льва Владимировича Щербы»; возвращенные автору исправленные гранки статьи с письмом редколлегии хранятся в архиве ученого.

1. *Булаховский Л. А.* Александр Афанасьевич Потебня. (К 60-летию со дня смерти). Киев, 1952.
2. *Булаховский Л. А.* К вопросу славянского количества и ударения.— Русский филологический вестник, 1910, т. 63.
3. *Булаховський Л. А.* Академик О. О. Шахматов (до 25-річчя з дня смерті).— Мовознавство, 1947, т. 4—5, с. 279.
4. *Булаховський Л. А.* Впликнення і розвиток літературних мов.— Наук. зап. Ін-ту мовознавства АН УРСР, 1941, т. 1; 1946, т. 2—3; Мовознавство, 1947, т. 4—5.
5. *Виноградов В. В.* Проблемы литературных языков и закономерности их образования и развития. М., 1967, с. 129—130.
6. Развитие языкознания в Советском Союзе за 50 лет.— Вопросы языкознания, 1967, № 5, с. 10—12.
7. *Десницкая А. В.* Л. А. Булаховский в ряду классиков советского языкознания.— В кн.: Л. А. Булаховский и современное языкознание. Киев, 1987.
8. *Булаховский Л. А.* Курс русского литературного языка. Харьков, 1935; изд. 5-е, перераб. Киев, 1952.
9. *Булаховский Л. А.* Исторический комментарий к русскому литературному языку. Харьков—Киев, 1936; изд. 5-е, доп. и перераб. Киев, 1958.
10. *Ткаченко О. Б.* Исторический комментарий к современному литературному языку у Л. А. Булаховского как новое направление лингвистических исследований.— В кн.: Л. А. Булаховский и современное языкознание. Киев, 1987, с. 10—12.
11. *Булаховский Л. А.* Русский литературный язык первой половины XIX в. Т. I, II. Киев, 1941, 1948.
12. *Булаховский Л. А.* Деэтимологизация в русском языке.— Труды Ин-та русск. яз. АН СССР, 1949, т. 1.
13. *Булаховский Л. А.* Избранные труды в пяти томах. Киев, 1975—1983.
14. Курс сучасної української літературної мови. Т. I, II. Київ, 1951.
15. *Багмут А. И.* Вопросы ритмомелодики в трудах Л. А. Булаховского и их исследование в украинском советском языкознании.— В кн.: Л. А. Булаховский и современное языкознание. Киев, 1987.
16. *Безвєнко С. Ф.* Исторический синтаксис украинского языка в освещении Л. А. Булаховского.— В кн.: Л. А. Булаховский и современное языкознание. Киев, 1987.
17. *Булаховський Л. А.* Питання походження української мови. Київ, 1956.
18. *Булаховський Л. А.* Наголос українських прикметників.— Зап. іст.-філол. відділу Укр. акад. наук, 1927, кн. 13—14.
19. *Булаховський Л. А.* Порівняльно-історичні увод до українського наголосу.— В.: Зб. Центральних курсів українознавства, т. 2, 1929; Т. 3, 1930.
20. *Булаховський Л. А.* Нове видання українського правопису.— Радянська школа, 1945, № 4.
21. Русско-украинский словарь. Гл. ред. М. Я. Калиновец. М., 1948.
22. *Булаховський Л. А.* Українська літературна мова.— В кн: Історія української літератури. Т. 1. Київ, 1947.
23. *Булаховский Л. А.* К истории взаимоотношений славянских литературных языков.— Изв. АН СССР. Отд. лит. и языка, 1951, т. 10, вып. 1.
24. *Булаховский Л. А.* Художественный язык Пушкина. Киев, 1947.
25. *Булаховський Л. А.* Мовні засоби інтимізації в поезії Тараса Шевченко.— Вісті АН УРСР, 1942, № 3—4; Українська література, 1942, № 5—6; 1943, № 3—4.
26. *Булаховський Л. А.* Максим Рильський — поет-патріот.— Наук. зап. Ін-ту мови і літ. АН УРСР, 1946, т. 3.
27. *Булаховський Л. А.* Динаміка слова.— Червоний шлях, 1926, № 9.
28. *Булаховский Л. А.* Введение в языкознание. Ч. II. М., 1953.
29. *Булаховський Л. А.* Нариси з загального мовознавства. Київ, 1955.
30. *Булаховский Л. А.* Из жизни омонимов.— В кн.: Русская речь. Вып. 3. Л., 1928.
31. *Булаховский Л. А.* Славянские наименования птиц.— Мовознавство, 1948, т. 6.
32. *Булаховский Л. А.* Акцентологический комментарий к польскому языку. Киев, 1950.
33. *Булаховский Л. А.* Акцентологический комментарий к чешскому языку. Вып. 1. Киев, 1953.
34. *Булаховский Л. А.* Очерки восточнославянского ударения.— Наук. зап. Київського ун-ту, 1955, т. 14, вып. 2.
35. *Булаховский Л. А.* Болгарский язык как источник для реконструкции древнейшей славянской акцентологической системы. М., 1958.
36. *Колесов В. В.* Л. А. Булаховский и славянская акцентология.— В сб.: Л. А. Булаховский и современное языкознание. Киев, 1987.
37. *Булаховская Ю. А.* Булаховский и украинские писатели.— В сб.: Л. А. Булаховский и современное языкознание. Киев, 1987.

НИКУЛИНА М. В.

Ю. И. ВЕНЕЛИН

(к 150-летию со дня смерти)

Юрий Иванович Венелин (1802—1839) родился в селе Великая Тибава (Закарпатье) в семье сельского священника Ивана Гуцы [1]. Учился в ужгородской гимназии, в Сатмарском епископском лицее (Румыния), в Сегединской академии (Венгрия), во Львове на философском факультете университета. Многие исследователи жизни и творчества Венелина [2] отмечают поэтические и романтические склонности его натуры, проявившиеся еще в годы ученичества: любовь к поэзии, литературные опыты [3, с. 48]. В это же время он увлекался историей, особенно его интересовали героические страницы, сложные вопросы, темные места [4]. Во Львове он окончательно решил отказаться от карьеры священника, переменял фамилию и вместе с двоюродным братом И. Молнаром отправился в Россию, чтобы продолжить образование. В 1823 г. они тайно перешли русско-австрийскую границу в Карпатах и оказались в Кишиневе, где провели два года, работая в семинарии преподавателями. Значение этого периода для всей дальнейшей деятельности Венелина несомненно. В Кишиневе он близко познакомился с болгарами-переселенцами, обратился к болгарскому народному творчеству, начал собирать фольклорный, лингвистический, исторический материал о болгарях.

В 1825 г. Венелин приехал в Москву и под влиянием дальнего родственника и земляка И. С. Орлая, доктора медицины и философии, директора Нежинской гимназии и Ришельевского лицея поступил на медицинский факультет университета [3, с. 52, 54—55, 61]. Венелин учился в университете, одновременно с увлечением занимаясь историческими исследованиями. Уже в первой его статье 1828 г. много места было уделено и болгарским сюжетам [4]. В 1829 г., в год окончания университета, вышла его первая книга [5], в которой он обосновал свою гипотезу славянского происхождения болгар. Книга была необычна и комплексом доводов против утвердившейся в науке теории тюрко-татарского происхождения протоболгар, и страстностью в защите болгар, «неакадемична», как заметил сам Венелин в письме М. П. Погодину от 10 II 1830 [6, п. 48, ед. хр. 18, л. 5]. Книга вызвала интерес в научных кругах и острую дискуссию в прессе [3, с. с. 8—9]. Справедливой критике подверглось чрезмерное увлечение Венелина этимологизированием, идеей славянского происхождения большей части древних народов Европы, в том числе гуннов.

С помощью М. П. Погодина и С. Т. Аксакова, одобрявших интерес Венелина к историческим исследованиям, а также президента Российской академии А. С. Шишкова Венелину удалось продолжить изучение болгарской тематики в научной командировке в Болгарии. Поначалу Венелин стремился проверить на месте правильность выводов своей книги о болгарях; в дальнейшем при работе над планом путешествия и инструкцией его цели расширились. Согласно инструкции, в задачи Венелина

Никулина Майя Владимировна — канд. ист. наук, научный сотрудник Института славяноведения и балканистики АН СССР.

входило посещение княжеских и монастырских архивов и книгохранилищ Молдавии, Валахии и Болгарии, а также частных собраний книг и древностей, выявление материалов, которые могли бы пояснить славянскую историю и историю славянской письменности, приобретение или описание редких сочинений или рукописей на славянском языке. Кроме того, он должен был изучать болгарский язык, собирать диалектологический материал, составить грамматику и словарь болгарского языка¹. Эту большую и сложную программу, трудновыполнимую для целой экспедиции ученых, Венелин еще более расширил, включив в нее в качестве одной из важных задач собирание этнографического и фольклорного («народописного») материала: болгарских песен, преданий, сказок и пр. В инструкции был определен и маршрут путешествия: сначала — Молдавия и Валахия и только потом по побережью Черного моря он должен был отправиться в Болгарию. Основные города, откуда рекомендовались поездки, — Яссы, Бухарест, Силистра, Варна, Бургас. На все путешествие Венелину отводилось год — полтора [8, с. 143].

19 января 1830 г. Венелин прибыл в Петербург. Получив инструкцию, деньги, рекомендательные письма и другие необходимые документы, 17 марта он возвратился в Москву и занялся приготовлениями к отъезду. Поездка вынуждала оставить место медика в Московском войсковом госпитале. В дальнейшем к этой своей профессии Венелин уже не вернулся. Любовь к истории, гуманитарные занятия поглотили его целиком, однако отсутствие систематической университетской подготовки по филологии и истории постоянно мешало ему в работе.

Архивные материалы показывают, насколько серьезно готовился Венелин к путешествию. В Петербурге он работал в Публичной библиотеке у А. Х. Востокова, встречался с учеными, имевшими опыт научных путешествий: П. И. Кеппеном, П. М. Строевым, И. Бичуриным. В Москве он обсуждал свои планы с К. Ф. Калайдовичем, П. А. Мухановым, М. П. Погодиным, познакомился с профессором Варшавского университета А. Ф. Кухарским, в 1825—1830 гг. посетившим почти все славянские земли, кроме Болгарии. Изучал литературу, карты, собирал различные сведения, необходимые для предстоящей поездки.

19 апреля Венелин отправился в путешествие, сыгравшее огромную роль во всей его дальнейшей короткой жизни и ставшее своего рода научным подвигом [9, п. 5, ед. хр. 139—а/б]. Впереди была долгая дорога, изобиловавшая опасностями и трудностями, оторванность от друзей и знакомых, неизвестная страна, подвергшаяся военной разрухе (русско-турецкая война 1828—1829 гг. к началу поездки Венелина завершилась Адрианопольским миром, и русские войска, на присутствие которых надеялся Венелин, начали уходить из-за Дуная). Накануне отъезда Венелин записывает в своем дневнике: «Вечеру начал писать сии Записки; по сему случаю воспоминания прошедшего и какая-то предосторожность от будущего. Досадовал, что, бросив медицину и насущный [хлеб] на время, пустился в изыскания, коих конца предвидеть не можно и кои в сие время столь мало ценятся...» [3, с. 94].

О том, какие опасности подстерегали Венелина в пути, свидетельствует, например, одно из его писем М. П. Погодину от 2 V 1830 г., в котором он описывает ночное сражение под Обоянью по дороге на Харьков: «Ночью напало на нас двое разбойников, схватились за пристяжные; к счастью их было только двое; я принужден был схватиться за саблю, один отскочил, а другого Сидор (слуга Венелина.— М. Н.) так толкнул, что пал навзничь...» [6, п. 48, ед. хр. 17, л. 3].

8 мая Венелин, тревожимый слухами о покидавших Болгарию русских войсках, прибыл в Одессу. «Я в величайшем недоумении; говорят, войска выходят из-за Дуная,— пишет он М. П. Погодину 9 V 1830 г.—

¹ Инструкция данная Императорскою Российскою Академиею г-ну лекарю Юрию Венелину, отправляемому, с Высочайшего соизволения, на иждивении оной Академии в филологическо-археографическое путешествие по княжествам Молдавии и Валахии и по Турецким областям Булгарии и частию Румелии [7].

Не знаю, куда, как? Поехал бы в Кишинев за болгаринoм², но обратно на Днестре надо держать карантин. Думаю ехать в Тирасполь к Главкомандующему и просить наставления касательно обстоятельств, ибо к чему мне пробираться в Бургас тогда, когда все станут оттуда выезжать» [6, п. 48, ед. хр. 17, л. 15об.]. В Тирасполе, где находился фельдмаршал И. И. Дибич, выдерживавший карантин вместе со своим штабом, Венелин получил неутешительные известия о чуме и холере, распространявшихся на Балканах, о выводе русских войск и бегстве болгар из-за Дуная. Узнав, что корпус генерала Л. О. Рота останется за Дунаем до зимы, Венелин решил отправиться прямо в Варну: «...мне хотелось было сухим путем, чтобы... осмотреть устье Дуная и морские берега Болгарии, как вдруг заговорили, будто почт[а] снята... И так я решился дожидаться судна, отправляющегося в Варну...»³ [9, п. 5, ед. хр. 148, л. 5—6]. Таким образом, тщательно разработанные план и маршрут с первых же шагов претерпели серьезные изменения. К тому же многие из только что прибывших из Болгарии предрекали Венелину неудачу в его научных изысканиях: офицеры говорили ему об опасностях военного времени, разбойничьих шайках, болезнях; адрианопольский митрополит Герасим — об отсутствии у болгар каких-либо рукописей и старопечатных книг, которые либо погибли, либо увезены в отдаленные, недоступные монастыри; фельдмаршал И. И. Дибич — о невежестве болгар и духовенства. Нужно отдать должное решительности и преданности науке Венелина, несмотря ни на что на изменившего своей цели: «За Дунаем, говорят, опасно; много бродяг, а в Балканах шайки. Как бы то ни было, чем можно скорее, отправляюсь, морем ли, сухим ли...» [3, с. 101].

Свое длительное пребывание в Одессе (около двух месяцев) Венелин использовал для собирания болгарских народных песен (17 песен), лингвистического материала (около 700 коренных болгарских слов, которые могли стать основанием словаря [6, п. 48, ед. хр. 17, л. 23]⁴, а также различных сведений о местах, которые ему предстояло посетить.

28 июня Венелину удалось отплыть из Одессы и 4 июля он увидел Варну. Он поселился в болгарском доме, чтобы ближе познакомиться с жизнью и бытом болгарской семьи, быстрее овладеть языком. Многие страницы писем и дневника посвящены описанию хозяев квартиры Гины и Вулчо, с которыми у Венелина сложились хорошие, дружеские отношения. В Варне Венелин продолжал собирать болгарскую лексику, песни, успешно учился болгарскому разговорному языку. Однако поиски рукописей натолкнулись на большие трудности. Об этом он часто писал друзьям и сообщал в донесениях в Российскую Академию. Так, например, он пишет М. П. Погодину 20 VIII 1830 из Силистры: «У многих спрашивал про рукописные книги: не знает ли кто у кого. Сначала один обрадовал меня тремя; приносит: Что же? три разные его билета (т. е. записки, письма, документы. — М. Н.) от русских начальств. Он был прав: ибо книга на болгарском просторечии значит „свиток бумаги; рукописная книга“, т. е. исписанная бумага...» [6, п. 48, ед. хр. 17, л. 25об.—26]. Недоверчивое отношение болгар к чужеземцу также сыграло свою роль.

Венелин объехал окрестности Варны, побывал в Коварпе, Кюстенджике (Констанце), Гирсове, Бадабаге, Мангалии, Силистре. В Силистре он серьезно заболел и пробыл там до 25 сентября. Здесь ему удалось собрать много ценного и интересного материала⁵. Расспрашивая болгар-беженцев из разных областей Болгарии, он пополнял свои записки сведениями о Тырнове, Свиштове, Котеле, Шумене, Русе, Софии, Пловдиве и других городах и селах, описывал костюмы, исторические события, географическое положение, языковые особенности. Но и в Силистре рукописи не давались ему в руки: «...археологического приобретения в Силистрии я не мог сде-

² Венелин хотел найти себе спутника, который бы хорошо знал болгарский язык, но это ему не удалось.

³ Письмо Ю. И. Венелина П. И. Соколову. Одесса, б/д., черновое.

⁴ Письмо Ю. И. Венелина М. П. Погодину. Одесса, 26 VI 1830.

⁵ О жизни Венелина в Силистре можно узнать не только из его писем и дневника, но и из статьи [10], написанной позже в Москве. В ней он описывает свои методы сбора этнографического и других материалов.

лать никакого,— пишет Венелин непременно секретарю Российской Академии П. И. Соколову из Бухареста 28 X 1830 г.— ...Богослужбные книги все греческие, а отчасти и волошские... Я объехал некоторые внутренние окрестности Силистрии; ни в одном болгарском селе нет церкви ни священника; ...На месте я из опыта увидел, что не за чем ехать по епархии. Остальное время я употребил для языка и народописи болгарской с довольным успехом» [9, п. 5, ед. хр. 148, л. 11].

В Силистре окончательно сложилось решение Венелина продолжить свои изыскания в бухарестских архивах. В архиве Бухарестской митрополии Венелин нашел большое число грамот XIV—XVI вв. на славянском языке. «Я ахнул, когда увидел первую,— пишет он М. П. Погодину 30 X 1830 г.— ни зги разобрать! Ты не поверишь, какую каторгу я перенес, по[ка] не составил себе ключ ко чтению» [6, п. 48, ед. хр. 17, л. 32]. Работа с рукописями отнимала у него много времени и сил. И все же не эта работа была самым тяжелым обстоятельством жизни Венелина в Бухаресте. Его мучило одиночество, редкие письма, непонимание окружающих. Об этом он постоянно пишет М. П. Погодину и другим друзьям, жалуясь, что его все забыли. Русским чиновникам, военнослужащим в Бухаресте, да и многим местным жителям, с которыми встречался Венелин, было непонятно, чем занимается молодой ученый, почему он не служит, что он делает в архивах. Все это вызывало подозрение и недоверчивость окружающих, Венелину показалось даже, что за ним следят. В результате он стал сторониться общества, избегать людей. К тому же климат Бухареста оказался неподходящим для его здоровья. Последнее из известных писем Венелина из Бухареста от 3 III 1831 г. говорит о крайне тяжелом душевном и физическом состоянии ученого. Он пишет: «Я страдаю всем, любезный Михаил Петрович, телом и характером. Я одинок, вот в чем мое несчастье. Работать не могу, ибо я болен душою» [6, п. 50, ед. хр. 9, л. 9]. Однако, несмотря на все тяготы жизни в Бухаресте Венелину удалось многое сделать. Влахо-болгарские грамоты, собранные им, представляли большой интерес как для языковеда, палеографа, так и для историка. Кроме того, Венелин познакомился и с болгарской колонией в Бухаресте, в частности, с В. и А. Неновичами, И. Геновичем, П. Сапуновым и другими деятелями болгарского просвещения, стремился побудить их активнее изучать и обрабатывать родной язык, собирать сведения по истории и культуре своего народа [11, с. 188].

В исследованиях и архивных материалах нет точных сведений о времени отъезда Венелина из Бухареста⁶. Из писем М. П. Погодину известно, что в Кишинев он прибыл 30 апреля, в июле был в Одессе, а в первой половине октября 1831 г. вернулся в Москву. Начался следующий период деятельности Венелина — обработка собранных материалов. 16 октября он пишет М. П. Погодину: «...знаешь, что все у меня на лоскутках и что все это обработать надо будет, а иначе представить Академии нельзя. Посему и поездку в С.-П-бург надобно будет отсрочить по крайней мере до приведения в порядок песен и грамот» [6, п. 50, ед. хр. 9, л. 15]. Венелин надеялся, что Академия предоставит ему какое-то время для приведения в порядок собранных материалов, написания грамматики, а также небольшую стипендию, которая даст ему возможность быстрее справиться с работой. Однако Академия в лице своего непременно секретаря П. И. Соколова потребовала немедленного предоставления всех материалов, чтобы «по оным судить о их достоинстве и пользе для славянской и российской словесности» [9, п. 5, ед. хр. 150, л. 2]⁷, а также возвращения оставшейся у Венелина неиспользованной на приобретение рукописей суммы⁸. Вернув Академии требуемую сумму, Венелин все же продолжал работать над материалами, в первую очередь над влахо-болгарскими грамотами. Рукопись была подготовлена им в конце 1832 г., и в марте 1833 г. получена Акаде-

⁶ В Болгарии Венелин пробыл около трех месяцев (4 июля — 25 сентября), свыше пяти месяцев — в Бухаресте.

⁷ Письмо П. И. Соколова Ю. И. Венелину. Петербург, 18 V 1832.

⁸ Венелин должен был вернуть Академии 1020 руб. 18 коп. [9, п. 5, ед. хр. 150, л. 4—5].

мией. Но ученый не смог увидеть ее опубликованной, несмотря на поддержку крупного ученого-языковеда и палеографа А. Х. Востокова. Грамоты были изданы только в 1840 г., после смерти Венелина. В книге было помещено более 60 грамот XIV—XVII вв. и 20 снимков, списки личных имен, извлеченных из двух помянников, обширные историко-филологические комментарии. Это был совершенно новый, впервые вводимый в науку материал по истории и исторической диалектологии болгарского языка [12], к изучению которого ученые обратятся позднее.

Составление «Грамматики нынешнего болгарского наречия» было закончено Венелиным в 1834 г., и в 1835 г. она была отправлена в Петербург, в Министерство народного просвещения [13, с. 183—186]. Первые рецензенты «Грамматики» — И. И. Давыдов и А. Х. Востоков сочли, что несмотря на недостатки, после определенной доработки, рукопись может быть опубликована, так как представляет интерес для славянского языкознания⁹, для исторического изучения славянских языков [13, с. 180]. Но специально созданный Российской Академией «Рассматривательный комитет» дал отрицательный отзыв, который «закрыл дорогу труду Венелина к изданию» [13, с. 188]. «Рассматривательный комитет», состоявший из академиков М. Е. Лобанова, В. И. Панаева, Б. М. Федорова и А. Х. Востокова, в котором, кроме А. Х. Востокова, не было ученых-славистов, тем более специалистов по болгарскому языку, не смог дать верную оценку достоинствам и недостаткам труда Венелина. Особое недоверие академиков вызвало утверждение автора об отсутствии падежей в болгарском языке и описание сложной системы глагольного спряжения [15, с. 298]. Неблагоприятное впечатление на членов комитета произвели также небрежность в языке изложения, запутанность теоретических построений, многочисленные неологизмы типа «фразеография», «оборотопись», «речесочинение» и пр. А. Х. Востоков, пользовавшийся глубоким уважением в научных кругах, лучше других мог понять значение работы Венелина, как первого опыта подобного рода в русской науке. Однако он не стал настаивать на своем первоначальном мнении и присоединился к голосам других членов Комитета. Насколько это было важно Комитету, видно из текста отзыва, где специально оговаривается и подчеркивается мнение А. Х. Востокова [15, с. 307].

Издание болгарских народных песен Венелину также не удалось осуществить при жизни. Вернувшись в Москву, он продолжал пополнять свое собрание: с просьбами прислать песни обращался к бухарестским болгарам, в Болград, к И. Н. Инзову, в Одессу. Песни, собранные самим Венелиным и присланные ему, позднее вошли в сборник [16]. Таким образом, собрание песен Венелина все-таки увидело свет и послужило ценным вкладом в развитие болгарской фольклористики.

Еще одно начинание Венелина — первые программы этнографического изучения болгарского народа. О необходимости подобных исследований он настойчиво пишет И. Н. Инзову (1832), В. Априлову (1837). Эти программы отличает широкий, комплексный подход — он включает в них собрание и изучение болгарских песен, костюмов, обрядов, поверий, суеверий, легенд, исторических сюжетов и пр. [11, с. 176—187; 8]. Ученый стремился, чтобы через В. Априлова или И. Н. Инзова эти программы стали известны и заинтересовали как можно более широкий круг болгар.

Последние годы жизни Венелина полны горечи и разочарований. Академия, в сущности, не признала результатов научного путешествия и ничем не вознаградила его труды. Неудачной была и попытка ученого занять кафедру в Московском университете (1834—1835) [17]. В это время им был составлен первый в истории преподавания славяноведения в рос-

⁹ А. Х. Востоков писал: «Не отвергая в болгарском языке большего сходства с русским, нежели с другими славянскими наречиями, нельзя, однако, по моему мнению, считать болгарский язык наречием русского. Он слишком много имеет своего собственного». Отзыв А. Х. Востокова о «Грамматике нынешнего болгарского наречия» Ю. И. Венелина. Писарская копия [9, п. 1, ed. хр. 5, л. 3]. Подробно о «Грамматике» Венелина и отзыве А. Х. Востокова см. в [14].

Сийских университетах «Конспект преподавания истории славянского языка и литературы» [18; 3, с. 209—225]. Установившиеся дружеские контакты с В. Априловым и другими болгарскими, их помощь книгами и материалами на какое-то время вызвали новый подъем деятельности у Венелина. Он пишет «О зародыше новой болгарской литературы» [19], вновь принимается за 2-й том исторических исследований, даже объявляет подписку на него, однако здоровье его было уже подорвано. В январе 1839 г. Венелин заболел и 26 марта (по новому стилю) скончался, не дожив до 37 лет.

Деятельность Венелина принадлежит и русской, и болгарской науке. Он по праву может быть назван зачинателем болгаристики в России. Его имя неразрывно связано с эпохой болгарского возрождения. Идеи Венелина, его труды, исторические взгляды оказали влияние на многих известных деятелей болгарского возрождения первой половины XIX в.: В. Априлова, Н. Палаузова, А. Кипиловского, Неофита Рильского, Г. Пешакова и др.

Недостатки научных теорий Венелина хорошо известны: позднее его труды получили как в болгарской, так и в русской науке объективную, критическую оценку, но это не умаляет доброй памяти о Венелине и его роли в болгароведении.

ЛИТЕРАТУРА

1. Славяноведение в дореволюционной России. Библиографический словарь. М., 1979, с. 98—99.
2. Бессонов П. А. Некоторые черты путешествия Ю. И. Венелина в Болгарию. М., 1857, с. 26.
3. Байцура Т. Юрій Іванович Венелін. Братіслава, 1968.
4. Венелин Ю. И. Замечания на сочинения г-на Яковенки о Молдавии, Валахии и проч.— Московский вестник, 1828, ч. X, № 15, с. 256—278; № 16, с. 373—392; ч. XI, № 17, с. 160—175.
5. Венелин Ю. И. Древние и нынешние болгары в политическом, народописном, историческом и религиозном их отношении к россиянам. Т. I. М., 1829.
6. ОР ГБЛ, ф. 231/II.
7. ЛО ААН, ф. 8, оп. 1, ед. хр. 35.
8. Хазин М. У истоков болгарского возрождения.— Кодры, 1982, № 8.
9. ОР ГБЛ, ф. 49.
10. Венелин Ю. И. О характере народных песен у славян задунайских. Набросано Юрием Венелиным. 1. Сербские. М., 1835, с. 96—97.
11. Две писма от Юрий Ивановича Венелин до Василия Априлов.— Сборник за народни умотворения. Кн. 1. София, 1889.
12. Бернштейн С. Б. Разыскания в области болгарской исторической диалектологии. Т. I. М.—Л., 1948, с. 23—24.
13. Венедиктов Г. К. Первые отзывы о «Грамматике нынешнего болгарского наречия» Ю. И. Венелина.— В кн.: Исследования по историографии славяноведения и балканистики. М., 1981.
14. Лунина М. В. Грамматика нынешнего болгарского наречия Ю. И. Венелина.— В кн.: Славянская филология. Сб. статей. М., 1951, с. 108—123.
15. Сухомлинов М. И. История Российской Академии. Вып. 8. СПб., 1887.
16. Болгарские песни из сборников Ю. Ив. Венелина, Н. Д. Катранова и других болгар. Вып. 1—2. М., 1855.
17. Венедиктов Г. К. Новые материалы к биографии Ю. И. Венелина.—Из истории славяноведения в России. Тарту, 1983, с. 30—54.
18. Лавров П. А. Конспект преподавания истории славянского языка и литературы, составленный по определению Совета Императорского Московского университета от 2 мая 1834 г. Ю. И. Венелиным.— В кн.: Древности. Труды славянской комиссии Императорского Московского археологического общества. Т. 2. Отд. 2. М., 1898, с. 110—124.
19. Венелин Ю. И. О зародыше новой болгарской литературы.— Московский наблюдатель, 1837, № 9, с. 47—95.

ПРОБЛЕМЫ НАЦИОНАЛЬНО-ГОСУДАРСТВЕННОГО САМООПРЕДЕЛЕНИЯ

2 ноября 1988 г. в Институте славяноведения и балканистики АН СССР (ИСБ) состоялась научная конференция «70-летие образования самостоятельных государств стран Центральной и Юго-Восточной Европы». Открывая конференцию, директор Института, д-р ист. наук В. К. Волков отметил: «Образование ряда самостоятельных государств в Центральной Европе и на Ближнем Востоке 70 лет назад принадлежит к тому ряду исторических событий, которые изменили лицо Европы, политическую карту мира. В этом ряду стоят первая мировая война, Февральская и Октябрьская революции в России, крах четырех империй — Российской, Германской, Австро-Венгерской и Османской. Сложнейшее переплетение социальных и национальных проблем и как следствие этого — внутриполитических и международных противоречий, превращает изучение этих событий в архисложное дело. Каждое из них было подготовлено предшествующими эпохами, десятилетиями, так сказать, «мирного развития». Но все они уместились на хронологическом отрезке времени чуть более четырех лет. Чем больше возрастает временная дистанция, отделяющая нас от этих событий, тем глубже понимаем мы всю их значимость для дальнейшего развития как всего мира, так и каждой страны и каждого народа, вовлеченных в их водоворот.

Год назад советский народ отмечал 70-летие Великой Октябрьской социалистической революции. Это событие находится в неразрывной причинно-следственной связи с юбилеями, которые мы сегодня отмечаем. Победа революции в России способствовала обретению независимости Польши и других стран Центральной и Юго-Восточной Европы. Вообще юбилеи как таковые имеют много общих черт. 70-летие восстановления государственной независимости — момент гордости народов этих стран. После жесточайших испытаний борьба за свободу увенчалась успехом. И мы разделяем с освободившимися и приобретшими свою независимость народами законное чувство гордости. Это чувство нам близко и понятно, ибо признание за тем или иным народом его неотъемлемого права на самостоятельность и единство вытекало из революционного правосознания народов России и разделяется ныне всем советским народом».

Далее следуют резюме докладов и выступлений других участников конференции.

*К проблеме новой государственности народов
Центральной и Юго-Восточной Европы 1917—1918 гг.*

Апогеем и конечной целью национально-освободительного движения является обретение угнетенной нацией своей государственности как оптимальной формы ее развития в соревновании с другими равноправными независимыми государствами. Поэтому проблема новой государственности народов Центральной и Юго-Восточной Европы своими корнями уходит в эпоху национального возрождения народов региона.

Однако до первой мировой войны угнетенные народы трех империй — Германской, Российской и Австро-Венгерской — не могли рассчитывать на достижение независимости, откуда и появились всевозможные проекты

федеративных объединений, от «Европейской федерации» радикальных демократов 1848 г. до «Соединенных штатов Европы». Установление гегемонии кайзеровской Германии в блоке центральных держав, с одной стороны, и крах «блицкрига» — с другой, привели к отказу представителей польского, югославянского, чехословацкого освободительных движений от умеренных планов и постановке ими вопроса о восстановлении государственности угнетенных народов региона. Реакцией воюющих государств на эту тенденцию было провозглашение центральными державами создания «Королевства Польского» в ноябре 1916 г. и официальное заявление стран Антанты о поддержке освободительных движений народов региона.

Переломным моментом в этом процессе стала Февральская революция в России, ранее недооценивавшаяся. Она продемонстрировала реальную возможность падения деспотического монархического режима, казавшегося неизбежным. Именно Февральская революция сделала движение за независимость угнетенных народов Центральной и Юго-Восточной Европы массовым. Буржуазия угнетенных народов региона внимательно следила за развитием событий в России, училась на ошибках русской буржуазии, потерявшей власть в Октябре 1917 г. Ей удалось направить борьбу народных масс в национальное русло и тем самым избежать социального взрыва. В результате буржуазия угнетенных народов региона стала политическим лидером народной революции, а реформистское руководство социал-демократии с готовностью ей подчинилось. Левые силы в рабочем движении региона из-за своей немногочисленности не смогли своевременно сформулировать четкую программу национального и социального освобождения, догматически защищали идею большого экономического целого. Октябрьская революция привела к усилению поддержки национально-освободительного движения народов региона странами Антанты, увидевших в нем альтернативу социальной революции и возможность подрыва сил противника, особенно после Брестского мира. Тем не менее вопрос о том, быть или не быть независимым чехословацкому, польскому и югославянскому государствам зависел от размаха народного движения, народной революции осенью 1918 г., буржуазия же определяла какими быть этим государствам.

В Югославии и Румынии королевская власть решила этот вопрос в свою пользу имевшейся у нее военной силой. В Чехословакии конституируется буржуазно-демократическая многопартийная система с консолидирующим центром группировки Града и «группы пяти» при общенациональном авторитете президента Т. Масарика. В Польше с середины 20-х годов происходит сдвиг вправо в сторону авторитарного режима, но Ю. Пилсудский в отличие от Масарика не стал надпартийным судьей. Что касается Венгрии и Австрии, то их независимость, которую они обрели в 1918 г., — вынужденная, принятая ими как политическая данность Версальской системы. Австрийские немцы (как они себя тогда называли) ценность ее не понимали и окончательно осознали себя австрийской нацией, только испытав трагедию второй мировой войны. Появление системы малых независимых государств в регионе внесло большие коррективы в международные отношения, демократизировало их. Впервые в истории малые государства стали не только объектом, но и субъектом международных отношений, но использовали это положение плохо из-за ограниченности своих буржуазных лидеров.

*ПОП И. И., канд. ист. наук
ст. научн. сотрудник ИСБ*

Советы или буржуазная демократия?

Наряду с революционной Россией на политический процесс в Центральной и Юго-Восточной Европе оказывал влияние Запад, на рубеже 10—20-х годов также переживавший существенное общественное обновление. Восток и Запад являли собой принципиально различные модели государственно-политического устройства, которые могли бы служить

ориентиром для ставших самостоятельными Венгрии, Польши, Чехословакии, Югославии. Советы или буржуазная демократия? Так в основном стоял здесь вопрос, ибо усилия представителей консервативно-реакционного направления не имели, как правило, в условиях революционного подъема 1917—1920 гг. шансов на успех.

Одной из главных целей политической борьбы этого времени, в том числе для капиталистически развитых стран, была демократизация общественной жизни. Однако победа большевиков в 1917 г. и разгон вскоре после этого Учредительного собрания «показали западноевропейским социалистам, что в России народился новый принцип» (Горнер Г. Социал-демократия и коммунизм. М., 1923, с. 20). Разногласия между большевиками и социал-реформистами (отношение к войне, идея восстановления единства международного социалистического движения путем возрождения II Интернационала) усилились в 1917 г., хотя часть реформистских руководителей проделала к этому времени известную эволюцию по сравнению с 1914 г.

Расколом в международном социалистическом движении воспользовались буржуазные лидеры стран Запада (Ллойд-Джордж, В. Вильсон), проявившие готовность в кризисной для капиталистического мира ситуации пойти на компромисс с социал-реформистами и положившие в основу программы буржуазного реформаторства ряд требований, с которыми выступали реформисты (мир и его обеспечение международными органами; демократия; самоопределение народов); социальные вопросы вошли специальными статьями в Версальский договор, при Лиге Наций было создано Международное бюро труда.

Особенно острым в международном социалистическом движении было отношение к диктатуре пролетариата. Реформисты, выступавшие против диктатуры справа, не принимали и диктатуры слева. Бурно обсуждалась дилемма «диктатура-демократия» на Бернской конференции социалистов (1919), резкий характер приобрела полемика между Каутским и Лениным. Большевики в то время ориентировались на мировую пролетарскую революцию, отводя роль главного союзника рабочего класса в ней не мелкобуржуазной демократии, интересы которой, как считалось, выражали реформисты, а европейскому и американскому социалистическому пролетариату (Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 31, с. 93). Думаю, что квалификация большевиками социал-реформистов как социал-империалистов и предателей мировой революции, была слишком прямолинейной и тенденциозной.

В получивших в 1918 г. самостоятельность государствах Центральной и Юго-Восточной Европы, при возросшей социальной активности трудящихся влияние социал-демократических и аграрно-крестьянских партий значительно усилилось. По примеру Советской России сравнительно широкое распространение здесь получили Советы как форма организации власти трудящихся. Как и в России после Февраля 1917 г., в них было много представителей мелкобуржуазной демократии, но они без руководящей роли коммунистов не смогли в целом стать органами революционной власти. То обстоятельство, что в годы революционного подъема ведущие буржуазные партии вынуждены были признать необходимость конкретных демократических преобразований, было также одним из факторов, обеспечивших приоритет буржуазно-демократической модели государственности, создававшейся в разных ее модификациях в Центральной и Юго-Восточной Европе в 1918 г., перед Советами. На развитии политического процесса здесь именно в таком направлении не могло не сказаться и неприятие международной социал-демократией диктатуры пролетариата в России.

ГРИШИНА Р. П., д-р ист. наук,
зав. сектором ИСБ

Социальный переворот в России получил действенный отклик у народов Центральной и Юго-Восточной Европы, обладавших с ней известной общностью экономической структуры и социальных отношений. Со времени отделения крестьянской земли от помещичьей здесь, как и в России, за малыми исключениями не был завершен ни «прусский» путь, ни «американский» вариант преобразования потребительских хозяйств в крупные капиталистические фермы.

Ситуация, сложившаяся в ходе первой мировой войны и пример революции в России обострили аграрную проблему на этих землях, выдвинув на первый план ее социально-политические аспекты. В принятых тогда аграрных законах крестьянам виделся способ удовлетворения земельного голода и осуществления социальной справедливости. Однако сравнительно быстро они были утверждены и приведены в действие только там, где наряду с социальным фактором — давлением крестьянских масс «снизу» — правительства руководствовались еще и иными — национально-политическими, военными или государственно-интеграционными целями.

В литературе довольно долго ограничивались лишь сравнением этих реформ с Декретом Советской власти о земле, что выявляло бесспорное с классовой точки зрения преимущество революционного решения над буржуазно-реформаторским, но формировало упрощенное — в духе возникшего в сталинские времена метода рассмотрения не способа производства в целом, а только производственных отношений — представление о содержании данных преобразований, концентрируя внимание на масштабах перераспределения земельной собственности без должного учета состояния производительных сил. Это порой приводило к курьезным выводам о будто бы наибольшей в регионе капитализации сельского хозяйства в межвоенной Болгарии или особой консервативности (если судить по объему перераспределенной земли) реформы в Чехословакии, хотя в действительности последняя помогла чешскому сельскому хозяйству полнее других проделать путь капиталистической эволюции.

В менее экономически развитых странах социально-экономический эффект реформ оказался краткосрочен и невелик. Они разворачивались в условиях послевоенной разрухи, на фоне общего замедления мирового экономического развития, особенно в период кризиса конца 20-х — начала 30-х годов, отличались половинчатостью по отношению к крупной собственности и бюрократическим способом проведения. Малая эффективность их предопределялась также узостью теоретической концепции, сосредоточенной вокруг идеи перераспределения земли — важного, но не единственного условия прогрессивного развития крестьянских хозяйств.

Но главное заключалось в изолированности этих мероприятий, задуманных вне связи с программами преодоления общего экономического отставания. В этих условиях присущий капитализму процесс расслоения крестьянства подвергся такой деформации, что измельчание и пауперизация хозяйств нередко преобладали над концентрацией крестьянской собственности. Время показало, что страны запоздалого развития так и не смогли осилить эволюцию от раздробленности к крупному капиталистическому землевладению¹. Это стимулировало поиски иных форм и способов модернизации сельского хозяйства, в том числе различных видов крестьянской кооперации. Опираясь на социально-экономические реалии России, В. И. Ленин уже после перехода политической власти к пролетариату выдвинул емкую формулу социализма как «строю цивилизованных кооператоров». Сейчас становится известно, что при разработке своего кооперативного плана он принимал во внимание и теорию трудово-

¹ Сама форма основанной на наемном труде капиталистической экономики, первоначально распространенная в передовых капиталистических странах, стала утрачивать свои преимущества, по мере оттока сельского населения в индустрию, уступив место технически и агрономически оснащенным семейным фермам.

го крестьянского хозяйства с кооперированием его, принадлежавшую русской так называемой организационно-производственной экономической школе. Подобные идеи формировались и в крестьянских партиях Центральной и Юго-Восточной Европы, находя частичное применение в кооперативном движении в деревне, что должно повысить исследовательский интерес к выявлению их регионально-специфических корней и роли в модернизации аграрного строя.

Аграрные же законы в том виде, как они были задуманы и осуществлены в межвоенные годы, внесли лишь частичные социально-экономические модификации в сельское хозяйство региона, но не смогли вызвать в нем радикальных качественных и структурных перемен. Однако само их принятие как следствие массового крестьянского движения явилось знаменательным социально-политическим актом.

*МИХУТИНА И. В., канд. ист. наук,
ст. научн. сотрудник ИСБ*

*Проблемы национального самоопределения в программах
буржуазных политических партий югославянских
народов Австро-Венгрии*

При изучении периода перехода от нового к новейшему времени в истории народов Центральной Европы неизбежно возникает вопрос: был ли распад многонационального государства фатально предопределен? Чаще всего дается однозначный ответ — гибель монархии Габсбургов была неизбежна. Тем самым мы абсолютизируем результат исторического развития, не оставляя места ни случайности, ни роли личности, ни возможной альтернативе. Самое пристальное внимание при изучении этой проблемы надо уделить политическим программам национальных движений разных народов монархии, в том числе и югославянских, стремление которых к выходу из состава империи и созданию собственного государства считается историографией одной из самых важных причин ее распада. Эти программы должны рассматриваться как отражение в массовом и индивидуальном сознании развития объективных экономических, социальных и этнических процессов.

В центре этих программ стоял вопрос о возможности самоопределения в границах государства Габсбургов, о путях его достижения и формах осуществления. Большинство буржуазных партий выступали до первой мировой войны за сохранение единого государства при проведении широких реформ. Это относится и к хорватским и к сербским либералам — поборникам югославизма, создавшим Хорватско-сербскую коалицию (1905).

Специфика югославизма начала XX в., как и других славянских программ того времени, состояла в осознании его приверженцами существования внутри славянского «племени» самостоятельных народов. Тем не менее югослависты полагали, что сербы и хорваты, долгое время проживавшие чересполосно, представляют собой одну нацию по крови, языку, тождественности обычаев, образа жизни и культуры, а также принадлежности к славянству. Конфессиональная принадлежность не считалась ими этническим признаком. Таким образом, югослависты переносили признаки нации на складывавшуюся под влиянием интеграционных процессов в монархии полиэтническую хорватско-сербскую общность. Под самоопределением они понимали «право каждой нации определять условия своего бытия и решать свою судьбу». Под термином «государство» они понимали не обязательно полностью независимое образование, так же как под «самостоятельностью» не разумели государственную независимость.

Югослависты полагали, что признав хорватов и сербов «единой нацией», они смогут осуществить в рамках монархии право на самоопределение обоих народов. Они правильно поставили вопрос о самоопределении как о равноправии наций, однако не смогли найти адекватных путей

его достижения и форм национально-государственного устройства. Опыт показал, что полиэтническая общность (даже двух близких народов) не может быть субъектом государственного права, что при чересполосном проживании населения разных национальностей не осуществим принцип «одна территория — одно государство — одна нация».

Буржуазный югославизм начала XX в. был тесно связан с концепцией сохранения единого государства Габсбургов. Он носил австрославистский и монархический характер. Его внутренняя противоречивость отражала трудности перехода от феодального к буржуазному государственному праву, от привилегий к равноправию и федерализму. В некоторых его постулатах содержалась либеральная альтернатива монархии Габсбургов при сохранении единства многонационального государства после проведения реформ. Но впоследствии противоречия между буржуазией неполноправных народов, слабость либерально-демократических элементов и утрага правящими кругами способности к уступкам (которую они неоднократно демонстрировали после 1867 г.) привели в конце концов к развалу Австро-Венгрии и образованию ряда независимых государств с многонациональным составом населения. Однако и после этого вопрос о национальном самоопределении народов Центральной Европы не был снят с повестки дня, даже в странах с этнически родственными составом населения.

*РОМАНЕНКО С. А., канд. ист. наук,
научн. сотрудник ИСБ*

*Отражение основных аспектов национально-освободительной
борьбы чехов и словаков в переписке чешских
историков 1914—1918 гг.*

Обширная личная переписка известных чешских историков, выявленная автором в архивах ЧССР и впервые вводимая в научный оборот, стала источниковой базой доклада. Анализировалась прежде всего переписка тех историков, которые в дальнейшем своими работами способствовали утверждению в историографии концепции о закономерности развала Австро-Венгрии. Среди них — автор известного труда о развале монархии Ян Опоченский и частично касавшийся этой проблематики В. Халоупецкий, а также историки К. Крофта, Б. Мендл, В. Войтишек и др. Переписка позволяет сделать вывод о дезинтеграции позитивистской школы Голла уже в годы первой мировой войны и выделении направления, которое в противовес австрофильской ориентации Я. Голла и Й. Пекаржа выступало за создание независимого чехословацкого государства. Переписка содержит важные характеристики обстановки в Чешских землях, отношение к главным событиям и национально-политическим программам. Оценки эти представляют тем больший интерес, ибо они исходили от профессионально подготовленных историков, наиболее адекватно отражавших состояние и уровень борьбы в тот период. Ряд историков (Ян Опоченский и др.) способствовали тогда формированию национально-государственного самосознания, включению в программу чешского национального движения словацкого вопроса и добивались ориентации на создание единого государства чехов и словаков.

В переписке нашла отражение интересующая нас реакция чешской общественности на программные декларации 1917—1918 гг. чешского национального движения, свидетельствовавшие о его радикализации под влиянием общественности и революционной обстановки в России. Обстановка изменилась за короткое время. Еще в марте 1916 г. Опоченский сообщал Халоупецкому о полной стагнации общественно-политической жизни в Чехии: «Мы гнием в болоте..., интеллигенция в нынешней обстановке не может говорить открыто. Избирательный корпус большей частью — в окопах и поэтому господам развязаны руки... Избиратели для них — лишь стадо, нужное только для выборов...». А в письме от 28 июня 1917 г. тот же Опоченский сообщал: «История и историки ныне под знаком политики. Политизируется... все молодое поколение. Семи-

мильными шагами (подчеркнуто нами.— *Е. Ф.*) наверстывается упущенное в первые годы войны, и оттого радостней жить...». Опоченский подчеркивает в письме, что несмотря на компромиссный характер заявления чешских депутатов рейхсрата от 30 мая 1917 г. широкая чешская общественность усматривает смысл этой программной декларации в той части, где говорится о необходимости создания суверенного чехословацкого государства («за это выступает все, что есть у нас лучшего»), а не в реорганизации монархии («за это выступает все прогнившее и синильное»). Опоченский особо отмечал, что за образование независимого чехословацкого государства выступает большинство чешского народа (Ústřední archiv Československé Akademie Věd, f. V. Chaloupecký. J. H. Opocenský V. Chaloupeckému, 15 III 1916; 28 VI 1917).

Для характеристики обстановки в Чешских землях и Словакии в последующий период и особенно событий октября 1918 г., предшествовавших провозглашению 28 октября Чехословацкой независимости, и оценки первых шагов по организации власти на местах была использована переписка В. Войтишека и других историков.

Проанализированные десятки писем позволяют заключить, во-первых, что накал национально-освободительной борьбы внутри Чешских земель на завершающей ее стадии был большим, нежели впоследствии преподносилось сторонниками официальной концепции, согласно которой на первый план в создании независимой ЧСР выдвигались заслуги чешской оппозиции за границей во главе с будущим президентом Т. Г. Масариком. Изученный материал показывает, что радикализация тактики большинства чешских политических партий и деятелей в 1917—1918 гг. происходила под давлением движения трудящихся масс, взявших моментально на вооружение российский лозунг права наций на самоопределение, который правящие круги Австро-Венгрии пытались всячески замолчать.

*ФИРСОВ Е. Ф., канд. ист. наук,
доцент МГУ*

У истоков восстановления в 1918 г. польской государственности

Рассмотрение развития внутренних предпосылок обретения Польшей независимости дает возможность понять, почему в начале XX в. широкие слои польского народа остро ощущали необходимость восстановления собственной государственности. Изучение эмоционально-психологического состояния общества в годы первой мировой войны помогает ответить на вопрос, как получилось, что символом независимости Польши в сознании многих поляков стал Ю. Пилсудский.

Воссоздание польского государства явилось итогом внутреннего развития польской нации, сумевшей сохранить свою самобытность в сложнейших условиях разделенности земель между тремя столь различными и одновременно могущественными державами с абсолютистской формой правления — Австрией, Пруссией и Россией, причем в последние десятилетия прошлого века тенденции германизации и русификации в их политике проявились со всей остротой, вызывая противодействие польского народа, усиливая национально-освободительные стремления, в той или иной мере, всех социальных слоев и категорий польского общества.

Раскрепощение крестьянства и рост рядов пролетариата способствовали формированию самосознания поляков, а национальная агитация начинала лучше воздействовать еще и потому, что в авангарде борьбы за свободу была уже не шляхта, а интеллигенция. Развитие капитализма и создание новой социально-классовой структуры привело к тому, что в начале XX в. идея восстановления независимого государства охватила широкие слои населения. Показательными в этом отношении были события 1905—1907 гг. в Королевстве Польском, когда социальные и национальные лозунги тесно переплелись и почти каждый поляк был активным участником русской революции.

Основываясь на историческом опыте жестоко подавленных национально-освободительных восстаний XIX столетия, поляки понимали, что решение польского вопроса зависело от развития международной ситуации в Европе. Именно поэтому начало в 1914 г. «Великой Войны» вызвало эйфорию независимости в польском обществе, и поляки в такой момент ощутили потребность в вожде, что осознавалось многими политическими деятелями. Подходящей фигурой оказался Ю. Пилсудский, богатая биография которого (связь с народовольцами, ссылка в Сибири, лидерство в ППС, арест и побег из тюрьмы, организация вооруженных формирований) открывала широкие возможности для ее интерпретации и люди различных политических взглядов могли воспринимать его как героя. Причем, мифологизация личности Пилсудского была лишь отчасти стихийной, в большей же степени — результатом сознательной пропаганды.

Хотя ни с политической, ни с военной точки зрения определяющего значения для решения польского вопроса акции стрелков и легионеров Пилсудского не имели, совсем отрицать их влияние на ход событий мы не можем. Вооруженные подразделения поляков являлись активными выразителями стремления народа к независимости, которое нельзя было не учитывать в условиях войны при формировании европейской политики. В результате такого сложного сплетения объективных и субъективных реальностей Пилсудский стал символом независимости.

Необходимые внутренние условия для восстановления польского государства оказались достаточными только в новой международной обстановке, сложившейся в Европе в ноябре 1918 г.

*БОБРИК М. Н., канд. ист. наук,
мл. научн. сотрудник ИС*

*Проблемы государственности в идеологии и программе
чешского буржуазного лагеря накануне первой мировой войны*

Характеризуя общее состояние марксистской историографии по этой проблеме, следует отметить, что до сих пор в ней преобладают оценки и выводы, сформулированные чехословацкими и советскими историками в 50-е — начале 60-х годов. В частности, для советских историков типично признание, что с конца 70-х годов XIX в. политика чешской буржуазии приобретала все более проавстрийский характер, а заявления по государственно-правовым вопросам не подкреплялись никакими действиями. Весьма точной является характеристика, данная Мирославом Шестаком новейшей чехословацкой историографии. Он отмечает, что в ней утвердилось мнение, что государственно-правовые требования после неуспеха 60-х — начала 70-х годов XIX в. оставались лишь «формальным элементом программы чешских буржуазных партий» (*Šestak M. Státní právní aspektu českého národního hnutí ve 2. polovině 19. století*. Београд, 1987, с. 190).

Между тем вопрос об отношении к австрийскому государству становится одним из центральных в политической борьбе на рубеже веков. Это нашло отражение в программах практически всех чешских политических партий, политической публицистике. В работах отдельных политических лидеров он изложен в виде развернутых концепций. Хотелось бы отметить значительную теоретическую разработку государственно-правовой проблемы в юридической литературе, высокий уровень культуры политических дискуссий, благодаря развитой журналистике значительную информированность общества по этой проблеме.

На сегодняшний день важно конкретизировать и развить один из основных выводов марксистской историографии, что основной политической линией славянской буржуазии монархии Габсбургов было преобразование империи в буржуазно-конституционную федерацию равноправных народов (при сохранении австро-венгерского территориального комплекса), перейти к рассмотрению механизма предлагавшейся перестройки. С нашей точки зрения, в разработке этой линии чешским политическим

лагерем следует выделить несколько этапов и дифференцированно подойти к оценке каждого из них. Упомянутая выше оценка чехословацкой и советской историографии применима к 80-м — середине 90-х годов XIX в. Подтверждением этому служат такие известнейшие акты, как заявление рейхсрату чешских депутатов в 1879 г., текст Нимбургской резолюции 1894 г., выступление Йозефа Кайзла в палате депутатов 13 декабря 1895 г. и др.

Своеобразным этапом явилось десятилетие, охватывающее рубеж веков, время дифференциации сил в буржуазном политическом лагере, конституирования партий, принятия новых или корректировки старых политических программ. Растущий интерес к проблеме чешского государственного исторического права охватил все партийные издания, включая социал-демократические органы и вылился в мощный публицистический взрыв. На наш взгляд, историками правомерно выделяются две концепции, оказавшие существенное влияние на общественное мнение в общеимперском масштабе. Это концепция младочехов, в частности их лидера К. Крамаржа, вызвавшая отклики со стороны официальной правовой науки, правительственных сфер, венгров, поляков; и реалистов — Т. Г. Масарика, сторонниками которой стали представители либеральной интеллигенции славянских народов, наиболее последовательно — словенцы, словаки. Весьма остро ставился этот вопрос и прогрессистами. Во второй программе национальных социалистов (1902) выдвинут лозунг «восстановления суверенного государства из королевства Чехии, Моравии и Силезии на сохраненной до сих пор территории». Одним из общих элементов программ было достижение политической самостоятельности чешских земель.

Целый ряд факторов внешнего и внутреннего свойства позволяют рассматривать 1907—1914 гг. также как своеобразный этап, для которого характерны попытки в условиях действия так называемого народного парламента склонить австрийское правительство на уступки чехам в области расширения сферы местного самоуправления, как можно более широкого представительства в высших эшелонах власти и др. В этом контексте стремление овладеть механизмом управления, широко декларировавшаяся идея о возрождении суверенного чешского государства готовили почву для дальнейшей борьбы за национальную государственность.

*НЕНАШЕВА З. С., канд. ист. наук,
ст. научн. сотрудник ист. ф-та МГУ*

*Чехословацкий вопрос в политике Великобритании
в годы первой мировой войны*

В Великобритании в начале войны имелось довольно смутное представление о народах, входивших в состав Австро-Венгерской монархии, их положении и политических стремлениях. В особенности это относилось к чехам и в еще большей степени к словакам. В ходе войны установились довольно тесные отношения между британским правительством и эмигрантскими организациями угнетенных национальностей Австро-Венгерской монархии и Германской империи, созданными в Лондоне к концу октября 1914 г. В их создании активное участие принимали британские либеральные сторонники национального самоопределения — историки Р. Ситон-Уотсон, Л. Нэмир, Д. Тревельян и редактор газеты «The Times» по внешней политике и международным отношениям Г. Уикхэм-Стид.

Использование эмигрантов из Центральных держав и организаций, которые они контролировали, было частью политики, направленной на улучшение стратегического положения Антанты. Но британское правительство не спешило связать себя какими бы то ни было обязательствами перед эмигрантскими организациями.

Впервые вопрос о создании независимого чешского государства был поставлен в меморандуме Р. Ситон-Уотсона от 5 ноября 1914 г., направленном в Форин оффис. Он базировался на разговорах Р. Ситон-Уотсона

с Т. Г. Масариком в Роттердаме в конце октября. В состав этого государства предлагалось включить Богемию, Моравию, Силезию и словацкие области Венгрии. Меморандум не вызвал никакой реакции со стороны Форин оффис, так как в то время подобная идея воспринималась как чистейшая фантазия.

С целью привлечь на сторону Антанты Соединенные Штаты Америки Великобритания распространила в США множество политических памфлетов, часть которых была посвящена проблемам национального самоопределения угнетенных народов Восточной и Юго-Восточной Европы. Тем самым британское правительство оказало влияние на более глубокое осознание общественностью Европы и Америки идеи национального самоопределения.

В течение 1916—1917 гг. политика Британии определялась надеждами на возможность заключить сепаратный мир с Австро-Венгрией. Поэтому вопрос о национальном самоопределении оказался отодвинутым на второй план. Более того, к концу 1917 г., не без влияния революционных событий в России, отношение к идее создания независимых государств на месте Габсбургской монархии изменилось. По мнению Форин оффис, их создание более не было способно обеспечить первоочередную задачу — преградить путь немецкому «Дранг нах Остен».

И только в начале 1918 г. британская пропаганда переориентировалась на Австро-Венгрию с целью оторвать ее от Германии, причем британское правительство выдвинуло существенное ограничение: не обещать от имени союзников независимости ни одному из народов империи. Это ограничение было снято лишь в апреле 1918 г. после Конгресса угнетенных национальностей в Риме.

В течение 1918 г. события стали развиваться таким образом, что Великобритания уже не смогла уклониться от принятия обязательств в Восточной Европе. Наиболее радикально изменилась позиция по чехословацкому вопросу. Британский кабинет был крайне заинтересован в продолжении вооруженной борьбы чехословацкого корпуса против большевиков в России. Поэтому у Чехословацкого Национального Совета появилась возможность требовать от Великобритании официального признания, о котором было заявлено 9 августа 1918 г. Но при этом Британия не связала себя никакими обязательствами по созданию независимого чехословацкого государства. И фактически до конца войны британское правительство не поддерживало эту идею.

*БЕЛЯЕВА В. И., канд. ист. наук,
научн. сотрудник ИСБ*

С репликами по докладам выступили два человека.

Несколько слов в связи с проблемой распада Австро-Венгрии. До 1914 г. ввиду процесса интернационализации капиталистической экономики социал-демократы Австро-Венгрии (национальные партии), как и большинство деятелей II Интернационала, считали, что крупное государство прогрессивнее малого. При этом не придавалось решающего значения тому, что многонациональные монархии построены на насилии и деформируют социально-экономическое развитие народов. Стремление наций к суверенитету было демократическим, прогрессивным, а создание суверенных государств находилось в диалектическом единстве с развитием международного рынка. Само по себе ни крупное, ни малое государство не является ни более ни менее прогрессивным в экономическом отношении (ср. Швецию, Данию, Францию и США). Естественно, что распались не только восточноевропейские монархии, но и Британская империя, — последняя даже после военной победы Великобритании. Однако экономическая интеграция привела к созданию ЕЭС, которое, несмотря на противоречия, сформировалось на основе интересов суверенных стран. То же относится к интеграции США и Канады.

Распад монархии Габсбургов был подготовлен исторически. Так, южные славяне испытывали экономический, социальный, политический гнет, тормозилось развитие их культуры. Это порождало соответствующие на-

строения. Идеям реформирования государства здесь противостояли центробежные тенденции. После выстрелов в Сараево ряд крупных южнославянских деятелей покинули родину и обосновались в Лондоне. Они отстаивали необходимость распада Австро-Венгрии, пытались противодействовать итальянским планам аннексии части южнославянской территории, вели дискуссии об устройстве будущей Югославии. В 1918 г. в стране развернулось революционно-демократическое движение.

Необходим анализ положения каждого народа монархии Габсбургов накануне войны, тогда станут яснее причины исчезновения этого консервативного государства.

ФРЕЙДЗОН В. И., д-р ист. наук, ведущий научн. сотрудник ИСБ

Общественность упрекает историков, изучающих советский период развития нашей страны, правящей партии, их взаимоотношений с братскими партиями и странами, а также всем остальным миром, в несостоятельности научных позиций, в дремучем сталинском догматизме и т. п. Упреки во многом справедливы, хотя все же «лед тронулся». Так, докладчики на нашей конференции выступили, на мой взгляд, с интересными сообщениями, высказали ряд нестандартных суждений. Можно указать, в частности, на доклад Р. П. Гришиной, с соображениями которой я солидарен и хотел бы даже их несколько развить.

Р. П. Гришина отметила факт неприятия после Октябрьского переворота социал-демократией Европы и Америки большевистской концепции революции и новой, революционной власти. Следовало бы, наверное, говорить не только о социал-демократии, но и о шедшей за нею в то время большей части международного рабочего движения. Истина, по-видимому, заключалась в том, что западноевропейский и североамериканский рабочий класс в большинстве своем не принял концепцию большевиков о мировой пролетарской революции, в результате победы которой (с помощью, если необходимо, Красной Армии) диктатура пролетариата придет на смену якобы изжившему себя парламентарно-демократическому строю. Еще 70 лет назад или около того западноевропейские и североамериканские рабочие отвергли положения упомянутой концепции об инструментальной роли принципов политической демократии, их безусловном подчинении интернационалистским целям солидарности и единства действий мирового пролетариата, об исчерпании позитивных потенциалов национальными движениями и устарелости поэтому демократических норм международного общения или, как тогда говорили, «устарелости целого ряда общенациональных лозунгов II Интернационала» (Восьмой съезд РКП(б). Март 1919 г. Протоколы. М., 1959, с. 78), — т. е. отвергли в сущности те левачьи положения, ошибочность и политическую вредность которых мы теперь признаем и сами.

И еще об одном положении из нашего тогдашнего идейно-теоретического арсенала. Я имею в виду сильно отдающий сектантством тезис, что подлинный коммунист должен не только разделять учение о диктатуре пролетариата, но и признавать ее лишь в форме Советов. В этом положении проявились надежды на то, что все другие революционные народы последуют большевистскому примеру и «сметут навозную кучу буржуазной демократии» (Троцкий Л. Д. Соч., т. XIII. М.—Л., 1926, с. 138) с тем, чтобы установить диктатуру пролетариата именно в той форме, в какой она утвердилась в Советской России. Мы знаем, что эти надежды не оправдались в послеоктябрьские годы не только применительно к Западной, но также и по отношению к Восточной Европе. Это, быть может, неприятные факты, но ведь факты, как говорится, вещь упрямая, и они еще ждут своего серьезного осмысления.

НОВОПАШИН Ю. С., д-р философ. наук, зам. директора ИСБ

Цейтлин Р. М.

Центр славяно-византийских исследований
имени академика Ивана Дуйчева
при Софийском университете

Академик Иван Дуйчев — болгарский ученый с мировым именем, историк-медиевист, болгарист, палеославист, византолог, сотрудник Института истории Болгарской академии наук, профессор Софийского университета, председатель археографической комиссии Народной библиотеки имени Кирилла и Мефодия, член нескольких зарубежных академий наук. Акад. Дуйчев завещал свой дом и свою библиотеку (около 30 000 книг и рукописей) Софийскому университету.

Решением Академического совета Софийского университета от 14 мая 1986 г. с целью сохранить научное наследие ученого как единое целое был учрежден Центр славяно-византийских исследований как специальное отделение университета. За истекшие два года небольшой коллектив Центра проделал поистине колоссальную работу. Ее успех был обеспечен, с одной стороны — энтузиазмом сотрудников Центра во главе с проф. д-ром Аксинией Джуровой, не жалевших ни сил, ни времени для увековечивания дела своего учителя, с другой — постоянным содействием, и материальным, и моральным, со стороны болгарского правительства и руководства Софийского университета.

Прежде всего был отремонтирован дом покойного ученого, где оборудованы кабинеты для научных занятий. Систематизирована и описана огромная библиотека акад. Дуйчева, в этой работе громадную помощь сотрудникам оказала вдова акад. Дуйчева Елена Дуйчева. Библиотека Центра носит название «Библиотека имени Елены и Ивана Дуйчевых». За короткий срок существования Центра его библиотека увеличилась на 10 000 единиц хранения. Правительством были выделены средства на приобретение ряда собраний книг и рукописей, поступило немало сокровищ от отдельных болгарских и зарубежных византологов и славистов. Были куплены, например, специализированная библиотека американского византолога проф. П. Хараниса, библиотека известного болгарского философа проф. Д. Михалчева. В дар Центру поступили библиотека проф. Хр. Гандева и около 1000 книг от отдельных учреждений и частных лиц из Болгарии и из-за границы. В Центре осуществляется книгообмен более чем с 50-ю заграничными библиотеками.

Помимо дома акад. Дуйчева (в Еояне) в непосредственном соседстве с ним оборудуются еще пять домов Центра для научных занятий, администрации, для конференций и читальных залов, планируется гостиница для ученых, приезжающих работать в Центр.

Цейтлин Раля Михайловна — д-р филол. наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения и балканистики АН СССР.

Научная программа Центра весьма обширна. Славяно-византийские исследования будут вестись по филологии, истории и искусству. Хронологический диапазон охватывает период с IV по XVII в. с преимущественным вниманием к эпохе XI—XIV вв.

В 1987 г. в честь 80-летия акад. Дуйчева был проведен симпозиум (с участием болгарских и зарубежных ученых) по проблемам болгаро-греческих связей. Сотрудники Центра активно участвовали в международных мероприятиях, посвященных тысячелетию принятия христианства на Руси. С 1988 г. Центр организует ежегодные курсы по славянской и византийской палеографии, каждые два года будут проводиться «Чтения» имени акад. И. Дуйчева.

Планируется издание ежегодника, различных информативных бюллетеней, трудов акад. Дуйчева, памятников письменности. В ближайшее время будут опубликованы опись материалов из библиотеки Ватикана, Ватиканское евангелие (палимпсест) — кириллическое краткое евангелие X в., Томичева псалтырь (изд. А. Джуровой); готовится фототипическое издание книги акад. Дуйчева «Из старата българска книжнина» и целый ряд других публикаций.

После двухлетней подготовительной работы 23 сентября 1988 г. состоялось торжественное официальное открытие Центра славяно-византийских исследований. Утром все приглашенные на открытие многочисленные болгарские ученые и иностранные гости собрались перед домом акад. Дуйчева. Взволнованное слово об акад. Дуйчеве, ученом и человеке, произнес почетный председатель акад. П. Диневков, директор Кирилло-мефодиевского научного центра Болгарской академии наук. Затем председатель оргкомитета и директор Центра славяно-византийских исследований имени акад. И. Дуйчева, проф. д-р А. Джурова пригласила собравшихся осмотреть дом, после чего гости отправились в университет, где состоялось торжественное заседание под председательством акад. П. Динекова. С докладом об истории создания Центра и его задачах выступила А. Джурова, с приветствиями — акад. Д. С. Лихачев (СССР), проф. Р. Пиккио (Италия), проф. Р. Томсон (США); были зачитаны многочисленные поздравительные телеграммы. После этого участники заседания вернулись в Бояну и осмотрели выставку славянских, греческих и восточных рукописей библиотеки Центра, а также книг, присланных зарубежными научными учреждениями и отдельными лицами в подарок Центру в честь его открытия. С приветствиями Центру выступили: Г. Г. Литаврин (СССР), В. Джурович (Югославия), Ф. Мареш (Австрия), Х. Роте (ФРГ), С. О. Шмидт (СССР) и ряд других ученых. 24—25 сентября состоялось «круглый стол» на тему «Состояние и задачи Центра славяно-византийских исследований» под председательством А. Джуровой. Были заслушаны доклады Г. Бакалова (заместителя директора Центра) — «Научно-исследовательская и учебно-методическая деятельность Центра» и К. Станчева — «Формирование фондов научной библиотеки имени Елены и Ивана Дуйчевых», вызвавшие оживленные прения, в которых участвовали представители всех зарубежных научных учреждений и болгарские ученые; предлагались конкретные вопросы для исследований.

Гости торжественного открытия Центра славяно-византийских исследований были окружены постоянным вниманием: состоялся концерт ансамбля «Иоан Кукузел», были организованы посещения выставок и музеев Софии, в числе других материалов гости получили каталог выставки «Славянски, гръцки и ориенталски ръкописи от сбирката на Центъра за славяно-византийски проучвания „Иван Дуйчев“» и информационный бюллетень «Център „Иван Дуйчев“».

Все присутствовавшие были единодушны в том, что стали участниками научного события международного значения, что есть все основания полагать, что Центр славяно-византийских исследований имени акад. Ивана Дуйчева при Софийском университете станет научным учреждением, объединяющим и направляющим усилия византологов и палеославистов всего мира.

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Формирование национальных независимых государств на Балканах. Конец XVIII — 70-е годы XIX в. М., 1986, 431 с.

В рецензируемой книге дается сравнительно-исторический анализ процесса складывания в Юго-Восточной Европе новых национальных государств на месте отживших свой век многонациональных империй — Османской и Австрийской. Авторы основывались на широком круге литературы и источников. Использовали и богатые материалы советских архивов, в ряде случаев впервые вводя их в научный оборот.

В книге рассматривается один из важнейших аспектов истории балканских народов, заметно различавшихся по политическому положению, классовым отношениям, по национальным традициям. Часть югославянских и румынского народов (словенцы, большинство хорватов, часть сербов и румын), входивших в состав габсбургской монархии, находилась в социально-экономических, политических и культурных условиях, характерных для Центральной Европы. Эти условия отличались от существовавших в Османской империи, под властью которой находилась большая часть южнославянских народов, греки, румыны, албанцы. Авторы стремились выявить эти особенности исторического развития, показать их влияние на формирование программ национально-освободительного движения. Отмечается, что среди народов Австрийской империи до конца рассматриваемого периода преобладало стремление к национальному равноправию в пределах существовавшего государства путем проведения определенных реформ, но при этом уже выявилась тенденция к независимости, подчас скрытая за программами федерализма монархии на основе широких прав каждого народа.

В Османской империи оказалось недостаточно внутренних сил для создания режима, обеспечивавшего благоприятное социальное и национальное развитие поработенных народов. Империя османов постепенно превращалась в полуколонию европейских держав. Все это обусловило

резкий подъем национально-освободительного движения, апофеозом которого явились восстания в Боснии и Герцеговине, Старозагорское и Апрельское восстания в Болгарии. «Но события 1875—1876 годов обнаружили,— говорится в книге,— что национально-освободительное движение еще не имеет достаточно сил, чтобы сбросить иноземную власть. Восставшие терпели поражение. Сложные и не всегда дружественные отношения между балканскими государствами — Грецией, Румынией, Сербией и Черногорией — не давали им возможности выступить единым фронтом против Порты. Нужен был могучий внебалканский фактор, чтобы склонить чашу весов в пользу создания в Юго-Восточной Европе самостоятельных национальных государств» (с. 29). Таким фактором, как известно, стала Россия. Русско-турецкая война 1877—1878 гг. привела к падению власти османов над значительной частью балканских народов.

На основании изученных материалов авторы подчеркивают, что «выделение новых государств в Юго-Восточной Европе происходило раньше не там, где уровень капитализма был выше, т. е. в Австрии, а там, где особенно тяжелыми были условия национального развития и препятствия формированию структуры буржуазного общества, т. е. в Османской империи» (с. 419). У большинства народов, находившихся под властью Порты, сходны были условия, в которых шел процесс образования национальных государств. Почти все они, исключая Черногорское княжество, возникали на этапе разложения феодальной формации и зарождения капитализма, в то время, когда в Европе уже сложились государства буржуазного типа, которые могли служить образцом государственности для балканских народов. Отчасти поэтому новые балканские государства имели сходные типологические особенности. Как правило, это были конституционные монархии с сильной

властью правителей, с конституционными законами, основанными на буржуазном правопорядке, с парламентарной системой.

Характерно, что эти государства складывались в условиях ожесточенной борьбы великих держав за преобладание на Балканах и Ближнем Востоке. Особый интерес для советского читателя представляет анализ роли России в процессе создания балканских государств. Эта тема освещена в книге подробно, часто на основе архивных данных, что подкрепляет вывод о большом положительном влиянии России на процесс выделения из состава Османской империи Греческого королевства, Сербского и Черногорского княжеств, Румынии и Болгарии. Русское правительство обычно добивалось, как дипломатическими, так и военными средствами, предоставления Портой тому или иному народу автономии, а завоевание такого права создавало благоприятные условия для продолжения борьбы за полную независимость.

Россия оказывала немалое влияние и на процесс формирования внутреннего устройства балканских государств. Но в этом отношении Петербург иногда проявлял консерватизм, руководствовался стремлением предотвратить проникновение на Балканы революционных или либеральных идей. Однако, как подчеркивается в книге, «царизм не пытался насаждать в новых государствах самодержавных феодально-крепостнических порядков, господствовавших в самой России, ибо понимал несоответствие их существующим в Юго-Восточной Европе условиям» (с. 423).

В отличие от Османской империи в Австрийской монархии преобладающими оказались не центробежные, а центростремительные тенденции. Ей удалось устоять в революции 1848 г., в неудачных войнах, а затем стабилизироваться в результате реформ 60-х годов XIX в. и превратиться в дуалистическую Австро-Венгрию, просуществовавшую еще несколько десятилетий. Как показано в книге, у народов, входивших в состав Австрии, всегда имели хождение идеи реформирования, национально-политической перестройки империи, популярностью пользовались планы австрославизма или федерализма. К 70—80-м годам XIX в. значительно окрепла программа югославизма, ставшая идеологической основой объединения югославян в единое государство. Но практических успехов в борьбе за становление своей государст-

венности югославяне и румыны в Австро-Венгрии еще не имели.

В книге, как это указано в предисловии, не было возможности охватить в полной мере весь комплекс проблем, касающихся истории формирования новых государств в Юго-Восточной Европе в XIX в. В этой области знаний еще предстоит немалая работа. Например, более детального освещения заслуживал бы вопрос о роли социально-экономического базиса в процессе создания балканских государств. Особенный интерес представляет конкретное исследование влияния России на данный процесс. По этим вопросам в зарубежной историографии высказываются противоречивые точки зрения. К сожалению, в рецензируемой коллективной монографии отсутствует специальный историографический раздел, который бы помог разобраться в этой мозаике мнений. На Западе все чаще выходят книги, где дается более объективная оценка роли России в отношении малых народов Европы (например, Финляндии [1]).

Авторы уделяют, на наш взгляд, мало внимания идеологическому обрамлению русской внешней политики на Балканах, проводившейся под религиозным флагом защиты христиан. Этот фактор ныне отмечается даже в университетских учебниках по истории нового времени [2].

В советской историографии имеется большое количество трудов, посвященных национально-освободительному движению балканских народов, отдельным проблемам их исторического развития в XIX в. Но до сих пор не было обобщающей работы, характеризующей общие особенности и специфику возникновения таких современных нам государств, как Греция, Румыния, Югославия, Болгария, Албания. Рецензируемая книга восполняет этот пробел и, по существу, подводит итог изучения советскими историками различных аспектов начального этапа формирования балканских государств.

Сироткин В. Г.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Tommila P.* Finlande dans la politique européenne en 1809—1815. Helsinki, 1982.
2. Новая история стран Европы и Америки. Первый период. М., 1986, с. 170—171, 569—572; *Маркова О. П.* О происхождении так называемого греческого проекта. — В кн.: Проблемы методологии и источниковедения истории внешней политики России. М., 1986.

Р. РАДКОВА. Болгарская интеллигенция в период Возрождения (XVIII — первая половина XIX в.)

Два обстоятельства оправдывают выбор темы болгарской исследовательницей Р. Радковой: огромная роль интеллигенции во всех сферах жизни, с одной стороны, и недостаточная изученность болгарской интеллигенции Возрождения, с другой.

Р. Радкова условно выделяет два типа болгарской интеллигенции, существующих параллельно: традиционный и новоболгарский. Традиционная или средневековая интеллигенция, связанная с феодальным строем, численно преобладала вплоть до середины XIX в. Новоболгарская интеллигенция, возникшая в XVIII — начале XIX в. в результате зарождения буржуазных отношений, постепенно усиливала свое влияние в политической, духовной и культурной жизни.

Р. Радкова выбирает путь комплексного подхода к исследованию. Этот подход она раскрывает в четырех главах книги. Первая глава посвящена развитию торговли и ремесла как фактору, подготовившему появление интеллигенции нового типа, а болгарский ремесленно-торговый город рассматривается как среда, способствующая ее созреванию. Для развития культурной и духовной жизни, а следовательно и интеллигенции, положительное значение имели добровольные пожертвования и дарения, и напротив, неблагоприятной была напряженная политическая обстановка XVIII — XIX вв. на Балканах и в целом в Европе. Впрочем, войны и политические потрясения, по мнению исследовательницы, способствовали идейному формированию болгарина.

Рассматривая вопрос об использовании культурного опыта других европейских стран и культурного наследия средневековой болгарской державы, Р. Радкова приходит к выводу, что новоболгарская интеллигенция не встретила ожесточенного сопротивления интеллигенции традиционного типа и относительно безболезненно возглавила культурную и идейную жизнь болгар. Автор объясняет это тем, что восстановление уничтоженного турками интеллектуального творческого потенциала шло в XV — XVII вв. «снизу», и это привело к демократизации

духовной и культурной жизни, правов и взаимоотношений.

Вторая глава книги посвящена духовенству как части болгарской интеллигенции. В силу исторических условий именно на его долю в XVIII — начале XIX в. выпала забота о сохранении грамотности среди болгарского населения, о поддержании славянского богослужения, о сбережении литературных традиций. Считая главным определяющим признаком интеллигенции «интеллектуальный» труд, основанный на творчестве и новаторстве, Р. Радкова справедливо подчеркивает необходимость исторического подхода к понятию образованности. Она указывает также на недопустимость переноса современных представлений об интеллигенции и даже европейских представлений XVIII — XIX вв. на болгарскую интеллигенцию того времени. Для последней были характерны относительно невысокий уровень образования, слабая профессиональная дифференциация, стертость границ между отдельными профессиональными группами.

Р. Радкова выделяет важнейшие отличительные черты болгарской интеллигенции — активное участие в культурной, идейной и политической жизни народа. Новоболгарские интеллигенты были тесно связаны с низами города и особенно села, всегда оставались в сферах, полезных болгарскому обществу — в школе, церкви, в литературной и художественной жизни.

В третьей главе Р. Радкова пытается выделить профессиональные группы болгарской интеллигенции. Автор отмечает количественный рост, усиление авторитета и престижа, особенно со второй четверти XIX в., художественной интеллигенции: церковных живописцев, иконописцев, дереворезчиков, граверов, архитекторов. Большое внимание уделено автором болгарским учителям — самой значительной группе болгарской интеллигенции Возрождения: приведены также сведения о врачах, переводчиках, офицерах, чиновниках, печатниках, издателях, книгопродавцах.

В четвертой главе автор останавливается на идейно-мировоззренческой ха-

рактике болгарской интеллигенции Возрождения. В идейном облике последней до середины XIX в. своеобразно смешивались гуманистические черты, просвещенческие идеи и религиозные элементы. Интеллигенция воспитывала у болгар чувство принадлежности к этнической, национально-религиозной, культурной общности. Тем самым она формировала национальное самосознание болгарского народа.

Р. Радкова рассматривает болгарскую интеллигенцию как теоретика и организатора национального движения, выполнявшего также роль рупора, с помощью которого мир узнавал о существовании, нуждах и стремлениях болгарского народа.

Перед новоболгарской интеллигенцией встала задача создания новой национальной культуры, для которой было характерно нарастание личного начала и оформление авторского стиля. По мнению Р. Радковой церковно-религиозные

и народно-фольклорные традиции средневековой болгарской культуры не могли стать основой новой культуры, а церковь не могла быть ее идейным и организационным ядром. В этом смысле справедливо указание Р. Радковой на отсутствие прямой генетической связи между двумя типами интеллигенции: традиционной или «протоинтеллигенцией» и новоболгарской.

Здесь мы хотели бы высказать соображение относительно используемого Р. Радковой термина «протоинтеллигенция». На наш взгляд, этот термин не все разъясняет, так как подразумевает существование некой абстрактной, настоящей интеллигенции, находящейся уровнем выше интеллигенции XVIII—XIX вв. Но это мелкое замечание не изменит общей оценки книги Р. Радковой, как заметного явления в болгарской исторической науке. И доказательством этому служат интересные выводы и наблюдения, сделанные автором.

Иванов С. Ю.

В. Г. КОРОТКИЙ. Творческий путь Мелетия Смотрицкого. Минск, 1987. 192 с.

Мелетий Смотрицкий — один из самых сложных и противоречивых писателей Белоруссии XVII в. Его творчество и мировоззрение не раз вызывало оживленные дискуссии историков отечественной культуры. И хотя его вклад в развитие белорусской, всей восточнославянской литературы и общественной мысли общепризнан, однако до сих пор не было специальных монографий, в которых бы освещались все аспекты литературного наследия этого высокообразованного полемиста. А ведь он в своих лучших произведениях вышел далеко за рамки теологической полемики и подверг уничтожающей критике социальные пороки и недостатки церковного управления своего времени. Просветитель по призванию, он смело отстаивал традиции восточнославянской культуры от идеологической экспансии католицизма. Отдельные выводы и оценки вышедшей в 1966 г. небольшой монографии Е. С. Прокошиной «Мелетий Смотрицкий» устарели. К тому же Е. С. Прокошина исследовала эволюцию мировоззрения писателя главным образом в контексте истории философии и лишь фрагментарно касалась его литературного творчества.

Монография В. Г. Короткого в этом отношении выгодно отличается своим академизмом — в лучшем значении этого понятия. Автор не ограничился концептуальной интерпретацией основных фактов просветительской деятельности и творчества М. Смотрицкого. Он вводит в контекст исследования значительное количество тщательно изученных и переведенных на русский язык первоисточников и на основе их критического анализа вносит существенные поправки и дополнения в комплекс сведений о жизни и творчестве просветителя, накопленный предшествующими исследованиями.

Во введении автор убедительно обосновывает научную актуальность изучения литературного наследия М. Смотрицкого, отдавая должное своим предшественникам, так или иначе затрагивающим эту проблему. Ученый обоснованно видит в творчестве писателя общее культурное достояние белорусского и украинского народов. Вначале анализируются общеисторические, теологические, историко-философские и литературоведческие работы, посвященные литературно-просветительской деятельности М. Смотрицкого, затем следует его биография, анализ наи-

более значительного произведения «Тренос», проникнутого гуманистическим и просветительским пафосом.

Анализируется также вклад Смотрицкого в науку и кризис его мировоззрения как результат обострения классово-борьбы вокруг унии. В приложениях впервые публикуются на языке оригинала и в русском переводе фрагменты сочинений Смотрицкого, письма и документы, связанные с его деятельностью.

Давая высокую оценку монографии В. Г. Короткого, необходимо прежде всего подчеркнуть ее комплексный характер: в ней в основном удачно объединены исторический, литературоведческий и историко-философский метод исследования. Следовательно, книга вполне способна заинтересовать всех, кто внимателен к истории культуры, религии, философской и общественно-политической мысли Белоруссии, в целом восточнославянского ареала.

Отдельные недостатки монографии обусловлены главным образом трудностями объективного порядка. Во введении автору не удалось избежать заметных противоречий. С одной стороны, речь идет как будто бы о «смене эпохи Возрождения» новой эпохой XVII в., с другой — чувствуется явное стремление исследователя толковать время М. Смотрицкого как фрагмент «довозрожденческой» эпохи средневековья. Спорна, и вовсе неверна, на наш взгляд, оценка М. Смотрицкого как «средневекового писателя». Тем более, что автор характеризует стиль его произведений как «белорусско-украинское барокко». А ведь барокко, как известно, не средневековый, а послеренессансный стиль.

В. Г. Короткий несколько односторонне и не вполне обоснованно оценивает переход М. Смотрицкого на сторону унии как измену своему народу, измену белорусской культуре. Для того, чтобы эти выводы не были лишь тенденциозно-публицистическими замечаниями, необходимо доказать, что традиционное православие, за которое ратовал писатель в первый период своей деятельности,

благоприятствовало становлению белорусской национальной культуры, а униатская религия, наоборот, тормозила этот процесс. А этого как раз нет в монографии.

Наконец, автор мог бы больше внимания уделить специфическим аспектам творчества М. Смотрицкого, напрямую касающимся литературоведения. Неоправдан, на наш взгляд, уход автора от анализа в этом плане знаменитой «Грамматики» писателя. Ведь в ней есть интересные фрагменты по теории поэзии и красноречия, которые следовало бы оценить с точки зрения становления литературоведческой науки в Белоруссии. К сожалению, не учтена включенность «Грамматики» в процесс развития эстетической мысли Белоруссии, тем более, что этот вопрос уже затрагивался (см. работы В. М. Конона, М. Б. Ботвинника и других белорусских исследователей). Вызывает удивление, что во введении и в первой главе В. Г. Короткий обходит молчанием известную полемику 60-х годов вокруг оценки Брестской унии и ее последствий для белорусской культуры, полемику, в которой участвовали Л. Абецедарский, Н. Прашкович, Н. Алексютович и др. Исследователь почему-то не упоминает даже тех статей безвременно ушедшего из жизни, талантливого белорусского медиевиста Н. И. Прашковича, которые посвящены отдельным произведениям М. Смотрицкого. Кроме того, многие выдающиеся деятели белорусской литературы в свое время дали принципиальную оценку унии и униатской религии, но их позиция, к сожалению, не нашла отражения в монографическом исследовании.

Сделанные замечания не снижают общей высокой оценки книги В. Г. Короткого, убеждающей в том, что в конце 80-х годов белорусская советская медиевистика выходит на качественно новый уровень, что сразу привлекло к ней внимание общественности. Не случайно книга «Творческий путь Мелетия Смотрицкого» быстро стала библиографической редкостью.

Звонарева Л. У.

Сборник нидерландских исследований по южнославянскому и балканскому языкознанию

Нидерландская филология в последние десятилетия становится все более заметной на общемировом фоне. Это легко увидеть, просмотрев программы последних международных конгрессов по различным областям литературоведения и языкознания. Многочисленные филологические издательства Нидерландов публикуют серии специальных языковедческих и общелингвистических монографий; широко известны имена нидерландских русистов (Т. де Грааф, С. Оде, А. ван Хольк, Й. Баак и др.).

Рецензируемое издание — второй сборник исследований по южнославянским и балканским языкам, подготовленный нидерландскими лингвистами (первый вышел в 1982 г.). В предисловии сказано, что практически все нидерландские специалисты приняли участие в издании. Поэтому следовало бы понять общую тенденцию распределения интересов в этой научной традиции. В сборнике представлено 13 статей. Только одна из них — литературоведческая, две — работы по морфологии, десять — посвящено описательной фонетике и просодии и исторической фонетике. Таким образом сборник отражает в минимальном объеме обычную «раскладку» докладов на филологические конгрессы: максимум — для лингвистов, меньше — литературоведам и минимально — историкам. (Тем самым штатные пропорции в АН не коррелируют с пропорциями научных достижений.)

В страноведческом плане дистрибуция статей следующая: одна работа об албанском языке, две — о словенских говорах, пять — посвящены болгарской филологии и пять (составляющих значительную часть всего объема) — сербскохорватскому языку и его диалектам.

Единственная литературоведческая статья (Я. П. Хинрикаса) посвящена идиолекту известного болгарского писателя Пенчо Славейкова (1866—1912), во многом использовавшего наследие болгарской истории и фольклора, так что и эта работа, строго говоря, находится на грани языкознания и литературоведения.

Целевой установкой комплекса лингвистических статей — насколько можно судить по их текстам — является про-

верка ряда положений о структуре языковых уровней, выдвинутых ранее языковедами изучаемых стран (Болгарии, Югославии) или классиками языкознания. Тщательный и многолетний анализ данных и разнообразная лингвистическая методика дает в ряде случаев возможность получить новые данные и избавиться от былых презумпций.

Так, статья Х. Е. Ван-ден-Берга и Р. Х. Дерксена «Звуковая система тихомирского диалекта» — это пересмотр описания диалекта Тихомира — села в Родопах в Южной Болгарии недалеко от границы с Грецией, — предложенного в книге С. Кабанова [1]. Авторы подвергают сомнению сложность вокалического аспекта говора в трактовке Кабанова. Упрощение ее достигается благодаря четкому различению систем ударных гласных и безударных, а также благодаря введению позиции в слове как особого параметра. Таким образом система ударных гласных представляется четко скоррелированной и упорядоченной, система безударных — резко асимметричной и несбалансированной. (Следуя мысли авторов, именно в системе безударных можно видеть источник и стимул вокалических изменений.) Подробно описываются и консонантные классы: смычные, фрикативные, аффрикаты, сонанты; большое внимание уделяется и палатализации, также рассматриваемой в позиционном аспекте. Традиционно долгие согласные: *кѡтѣ*, *брѣт'е* — считаются в работе последовательностями идентичных сонантов. В заключение приводится образец диалектного текста (10 строк) с параллельной фонетической транскрипцией и переводом на английский язык.'

Сходные методы применяются и в статье Б. М. Гроена о редукции гласных в современном болгарском языке. Подробно обсуждая все выдвигавшиеся ранее точки зрения (Младенов, Василев, Костов, Андрейчин, Пашов, Тилков, Бояджиев и др.), автор высказывает мысль о невозможности обсуждения этого вопроса в применении к болгарскому языку как целому. Редукция, по его мнению, осуществляется в основном в разговорной речи, в противополож-

ность «полному стилю». И в разговорной речи можно выявить несколько сосуществующих систем безударных гласных, вариативность которых зависит от диалектной базы говорящего, а также и от реальной речевой ситуации, диктующей выбор речевого стиля.

Инновации в сфере «пересказывательного наклонения» в болгарском языке прослеживаются в статье: Г. Пайненбург «К вопросу о так называемых перфектоподобных формах в болгарском литературном языке»; корреляциям болгарского плюсквамперфекта и его македонских эквивалентов посвящена работа П. Хендрикса и Х. Райненбурга.

Исследование известного индоевропейца и акцентолога Ф. Кортланда посвящено пересмотру различных концепций о судьбе протоиндоевропейского *s в албанском языке. Обсуждая разные точки зрения (наиболее внимательно обсуждаются взгляды и работы В. Э. Орла), Ф. Кортланд намечает шесть позиций реализации индоевропейского *s в албанском. Протоиндоевропейское *s, по его мнению, в албанском утрачено не было. В этом плане особое внимание уделяется системе балтославянских местоимений: указательных (*so, *to), анафорического (*e/i) и трех дейктических частиц: *ki (hic), *au (istic), *an (illic). Автор приходит к выводу, что судьба этих местоимений в албанском не может быть доказательством утраты протоиндоевропейского *s.

Сходный метод — различение систем гласных (ударность/безударность и позиционные различия), о котором говорилось выше в связи с болгарским материалом, применяется нидерландскими славистами и к словенскому языку, точнее, к его резьянским говорам. Такова статья Х. Стеенвайк «Удивительное свидетельство: акцентная система гласных, основанная на текстах Бодуэна де Куртене (резьянские говоры)». Работа представляет собой и подробное описание данных Бодуэна о резьянских говорах (Валь Резия, итальянская Фриулия, где Бодуэн был в 1872, 1873, 1890 и 1892 г.), и пересмотр его классического описания. Упрощение достигается за счет указанного различения вокалических подсистем. В статье также подробно прослеживается наличие-отсутствие акцентного сдвига, сохранение-ликвидация позиционных долгот, тип тембральных вокалических изменений.

Словенским же говорам Резии посвящена и статья В. Вермеера «Судьба про-

тославянского нисходящего тона в резьянских говорах Словении». Речь идет о так называемом «прогрессивном акцентном сдвиге», а именно: принято считать, что в словенском все нисходящие гласные переносили ударение на следующий слог, где оно отмечалось долготой и нисходящим же тоном: *dko* → *okđ*; *đblāk* → *oblāk* etc. Автор рассматривает это явление в сопоставлении с сербскохорватским языком, где отмечается прогрессивный сдвиг со слабого ера в кайкавском, а также частично — в чакавском и в штокавском. Рассматривая данные ряда периферийных диалектов Сербии, Словении и Хорватии, а также обсуждая возможность вторичного сдвига в резьянских говорах с ретракцией ударения, автор намечает одну, общую для обоих языков, однопольную в своей эволюции схему-путь. Это шесть этапов, распределенных от перехода со слабого ера на открытый конечный слог (*szid*) до переноса от «полного» гласного на открытый следующий слог (*oši*). В этом процессе, общем для словенского и сербскохорватского, разные говоры остановились на разных этапах общего пути. Намеченная В. Вермеером схема однопольной эволюции представляется интересной для акцентологии в целом, вводя более гибкую и в то же время единообразную систему эволюционной типологии.

Сказанное выше подводит к комплексу статей, которые можно считать исследовательским центром сборника (и — соответственно — центром исследовательского внимания нидерландских югославистов). Это вопрос о просодическом статусе акцентологических систем сербскохорватского языка и его диалектов в синхронии и диахронии. Казалось бы монументальная работа И. Лехисте — П. Ивича, вышедшая совсем недавно [2], где обсуждаются все точки зрения по указанному поводу и экспериментальное обследование важнейших сербскохорватских диалектов проведено детально и многократно (работа велась на протяжении последних 25 лет), явилась окончательным подведением итогов на сегодняшний день. Однако авторы статей сборника уже идут дальше, взяв данные Лехисте—Ивича за исходную точку отсчета.

В двух статьях сборника обсуждаются звуковые системы сербскохорватских диалектов, представляемых авторами по результатам собственных полевых исследований (здесь нельзя не заметить, что в книге, изданной в 1987 г., обсуждаются

данные экспедиции того же 1987 г.!). Звуковые системы (как стремятся показать авторы) даются в максимально полном и единообразном описании. Это статьи Х. П. Хоузагерс «О фонологии и морфологии чакавских диалектов на острове Паг» (описание говора, переходного между чакавскими и нештокавскими диалектами сербскохорватского языка) и Й. Калсбекк «Место говора Нугле в комплексе северозападночкавских диалектов» (описывается старый говор Истрии).

Ядром этой части сборника можно считать три материала: очень большую по объему статью К. Е. Кайспер «Изучение нештокавской сербскохорватской просодии», ответ-возражение на эту статью Я. Гвозданович и реплика на реплику Гвозданович автора основной статьи. Хотя, казалось бы, по вопросу о сути акцентов сербскохорватского языка уже существует поистине необозримая литература, а в последние годы вышла уже упомянутая монография Лехисте—Ивича, единообразного мнения по этому поводу нет. И, как представляется, причина здесь не только языковая, но и метаязыковая, лингвистическая. Первым, обратившимся к этому вопросу в эмпирико-теоретическом плане, был дерптский профессор Л. Мазинг [3]. Он предложил считать сербскохорватские акценты двукомпонентными: подъем + падение. Тогда при выделении первого компонента мы имеем дело с восходящими акцентами, при выделении второго — с нисходящими. Иначе говоря, мы имеем дело с **одной фигурой**. Грань между говорами, осуществившими «нештокавский сдвиг» и не осуществившими его, на самом деле становится зыбкой, а в реальной речи фигура располагается так, что не всегда допускает членение на дискретные единицы, и, тем самым, не всегда можно понять, где находится ударный слог слова. Более того, не совсем понятно, что же такое «сдвиг», если интенсивность заударного в восходящем акценте и его тон могут быть выше ударного? И. Лехисте и П. Ивич предлагают поэтому видеть единственный объединяющий критерий сербскохорватской ударности в длительности ударного слога, т. е. в темпоральном критерии. К. Кайспер считает, что речь идет о целой совокупности признаков. В разрешении проблемы вводится и чисто синтаксический критерий: так, реализация акцента зависит от степени связанности комбинируемых элементов. Например, различно

интонирование слова *grad* в *Pošao je u grād/U Tekovine naputka prodiru i na sèlo, a ne samo u grād.*

К. Кайспер присоединяется к двусложной концепции и ставит важный вопрос о том, что же собственно значит слово «пик»: относится ли это только к гласной, к слогу или к конфигурации в целом? В зависимости от принятой априорной концепции меняется и результирующая картина. Стоя на «поконфигурационной» позиции, автор считает, что положение «пика» определяется диалектными различиями. В частности, существенны два показателя: локализация «пика» и соотношение высот смежных «пиков». Эти критерии, по данным автора, объясняют диалектные различия сербскохорватского, которые состоят в том, что аудиторы с северо-востока страны определяют акцент в синтезированных словах по частоте основного тона между ударным и заударным, а жители юго-востока — по частоте основного тона в самих ударных слогах. Таким образом, в одном и том же слове могут быть услышаны разные «интонации». Я. Гвозданович стоит на «посложной» точке зрения. Она считает основной единицей анализа движение тона в изолированных слогах. В ее статье предлагается модель «посложного» распознавания и синтезирования слова, с учетом для каждого слога слева и справа возможного «соседа».

Как представляется, обе концепции принципиально различны и несводимы друг к другу. Однако опубликованная дискуссия еще раз демонстрирует принципиальную разницу письменно-графических акцентологических данных и данных акустико-перцептивного аспекта. Она демонстрирует и то, насколько часто эмпирическая «истина» зависит от теоретической платформы исследователя.

В целом этот сборник кажется интересным и поучительным — как для славистов, так и для акцентологов и диалектологов всех направлений.

Николаева Т. М.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Kabasanov S.* Един старинен български говор. София, 1963.
2. *Lehiste I. — Ivič P.* Word and Sentence Prosody in Serbocroatian. Cambridge, Mass.—London, 1986.
3. *Masing L.* Die Hauptformen des serbisch-chorwatischen Accents.—Mémoires de l'Académie Impériale des Sciences de St.—Petersbourg, VII série, t. XXIII, № 5, 1876.

ЗАМЕТКИ О КНИГАХ

И. Т. ЛИСЕВИЧ. Культурне будовництво в Народній Польщі. 1944—1948. Київ, 1986, 207 с.

И. Т. ЛИСЕВИЧ. Культурное строительство в народной Польше

Монография украинского историка И. Т. Лисевича пока является практически единственным значительным исследованием по истории народной Польши, опубликованным в 80-е годы в Советском Союзе. Несмотря на присущий монографии некоторый схематизм (подготавливалась в конце 70-х — начале 80-х годов), она заслуживает внимания не только полонистов, но и специалистов, изучающих процессы культурного строительства в социалистических странах. Впервые в историографии, как советской, так и польской, на богатом, хорошо систематизированном фактическом материале рассмотрены вопросы культурного строительства в Польской Народной Республике в послевоенное пятилетие, проанализировано развитие польской культуры, просвещения и науки в этот период, а также советско-польского культурного и научного сотрудничества.

Процессы в области культуры, просвещения и науки показаны как часть общего процесса революционных преобразований 1944—1948 гг. Спорной, однако, является мысль о том, что этот период был единым начальным этапом социалистической культурной революции в народной Польше.

Монография состоит из введения, пяти глав и заключения.

Первая глава посвящена политике народной власти в области культуры, в частности восстановлению материальной базы, демократизации культуры, перевоспитанию старой интеллигенции и формированию новой, обеспечению условий для создания новых культурных ценностей. Особое внимание уделено деятельности Польской рабочей партии (ППР) среди интеллигенции в целом и в ее различных группах (технической, творческой интеллигенции, учителей и т. д.), отмечен сложный характер этого процесса, когда польская интеллигенция только начала переход на социалистические позиции.

Во второй главе рассмотрены вопросы

восстановления и развития системы просвещения в ПНР, качественных перемен в содержании обучения в школах, осуществляемых с учетом демократической педагогики довоенной Польши и опыта советской школы. В целом, как показано в книге, в 1944—1948 гг. произошла демократизация просвещения; польская школа стала общедоступной, бесплатной и единой. Важные изменения были достигнуты и в развитии высшей школы: существенно изменился социально-классовый состав студенчества, многое было сделано для налаживания идейно-политического воспитания студенческой молодежи.

В третьей главе освещается процесс возрождения литературно-художественной жизни страны. Показаны основные течения и направления, вклад ведущих представителей польской творческой интеллигенции в развитие культуры, деятельность творческих союзов в 1944—1948 гг.

Специальная глава посвящена восстановлению и развитию культурно-просветительных учреждений, в том числе библиотек и музеев, прессы, радио, вопросам издательского дела, преодолению «книжного голода» в стране. Автор рассмотрел роль домов культуры, клубов, а также и культурно-просветительных общественных организаций, прежде всего рабочих и крестьянских университетов.

Тема последней, пятой главы — восстановление материальной базы польской науки, основные достижения польских ученых в области точных, естественных, технических и общественных наук.

Вне всякого сомнения, монография И. Т. Лисевича является важным вкладом в изучение советскими полонистами процесса революционных преобразований в Польше в 1944—1948 гг.

Бузарин Н. И.

Воронежские славистические сборники давно и хорошо известны специалистам не только Советского Союза, но и зарубежных стран. Очередной выпуск полностью посвящен советской историографии зарубежных славянских народов. Ввиду важности и недостаточной разработанности этой проблемы, сборник не должен пройти мимо внимания читателей.

Содержание книги делится на три тематических блока. Первый включает работы по новейшей истории зарубежных славянских стран: об историческом значении Сентябрьского восстания 1923 г. (Н. Т. Сапронова), о болгаро-советском содружестве в годы Великой Отечественной войны (А. Е. Мескин), о начальном этапе социалистического движения в Болгарии (Н. М. Чалай), обзор советской историографии русско-польских революционных связей конца XIX в.— 1917 г. (Б. Я. Табачников).

Второй тематический блок посвящен советской историографии истории южных и западных славян периода феодализма; статьи Б. С. Попкова («Идейно-политическое развитие польского общества: 1832—1862 гг.»), Е. П. Наумова («Советская историография о становлении классового общества у южных славян»), В. В. Захарова («Аграрные отношения в Далмации XIII—XV вв.») и А. Н. Галямичева («История средневековой Чехии в советской историографии: 60—80-е гг.»).

В последнем тематическом блоке рассмотрены вопросы истории отечественной славистики: статьи Ю. Ф. Иванова о начальном периоде изучения Советскими историками средневековой Чехии, С. П. Бобровой о русско-южнославянских связях в трудах И. Н. Бороздина, А. Н. Горяинова об университетской славистике в первые десятилетия Советской власти, Т. Н. Скворцовой о советской историографии славянской проблематики в научном наследии А. Н. Веселовского.

Сборник в действительности является примером реального «межвузовского» сотрудничества, где наряду с воронежскими славистами представлены работы сотрудников Института славяноведения и балканистики АН СССР, Московского заоч-

ного педагогического института, Саратовского университета, Тобольского педагогического института.

В целом, в коллективной работе удачно анализируется опыт советской славистической историографии, отражая вместе с тем недостаточную изученность отдельных ее разделов. К ним, в частности, можно отнести почти не исследованный вопрос о вкладе русских дореволюционных ученых в становление советской школы славяноведения в предвоенный период. В сборнике хотелось бы видеть определенное методическое единство в оценке обзриваемой тематики. Так, В. В. Захаров указывает на необходимость определения места средневековой Далмации в системе европейского феодализма. К сожалению, в интересной статье А. Н. Галямичева такие общетеоретические выводы отсутствуют. Проследив вклад А. И. Озолина, Б. Т. Рубцова и ряда других советских исследователей гуситизма, автор не сопоставил их выводы с точкой зрения тех современных чехословацких ученых, которые трактуют гуситское движение как революцию. Думается, что во многих статьях можно было бы расширить круг рассматриваемой литературы за счет хотя бы кратких ссылок на малотиражные, а потому и не всегда известные исследователям публикации периферийных вузов (например, в статье Е. П. Наумова отсутствует упоминание учебного пособия В. М. Мельника и Е. Б. Шишкина «Ранняя этническая история южных славян», выпущенное Запорожским педагогическим институтом в 1978 г.; в статье Б. С. Попкова почему-то не приведены ссылки на работы самого автора). И еще одно общее соображение: поскольку историческое славяноведение носит комплексный характер, в посвященных ему историографических обзорах в дальнейшем следовало бы обращать большее внимание на изучение народной культуры славянских народов, вводя в поле зрения читателей работы по этнографии, истории культуры, отдельных областей истории искусства и т. д.

Мельников А. С.

В начале 80-х годов XIX в. австрийская провинция Далмация стала местом ожесточенной политической борьбы: партия «народняков», хорватских националистов, одерживала победы над «автономашами» (или «итальянистами»). То был заключительный этап национального возрождения в хорватских землях. В 1886 г. была одержана окончательная победа — последний оплот автономашей город Трогир перешел в руки «народняков». Столетие этого события было широко отмечено югославской общественностью. Ему посвящен специальный выпуск сплитского журнала, содержащий материалы научной конференции «Трогир в национальном возрождении» (декабрь 1986 г.) [1].

В краткой вводной статье И. Бабич прослеживает основные этапы возрождения в Далмации и вводит читателя в сложную обстановку в городе. Здесь, пожалуй, острее, чем в других городах провинции, ощущалась засилье итальянизированной дворянской и чиновной элиты, откровенно боявшейся утраты своих привилегий. Эти люди еще признавали себя славянами (или «славодалматами», на этой идее славодалматской национальности и базировалось их требование далматинской автономии), но отказывались считать себя хорватами — «*Slavi sempre, Croati mai*» («Всегда славяне, никогда хорваты!»). Их лозунгом было «Да здравствует латинская культура», их опорой — массы неграмотного населения из городских округ; недаром жители сплитского предместья называли себя «итальяниссими». Так возникает тема социальной базы обеих борющихся партий.

С. Обад, например, стремится понять позицию крестьян, пригородных арендаторов. Они держали земли крупных местных землевладельцев, в том числе и лидера трогирских «автономашей» графа Антонио Фанфоньи. Их поведение поэтому определяли и хозяйственная зависимость от здешних нобилей и нескрываемый страх за свои наделы и даже жизнь (в предвыборных листовках противникам графа угрожали убийством). Вот почему они постоянно голосовали за «автономашей», и национальная партия со своим вождем Широ Пуовичем пришла к власти только в 1886 г. Весьма интересен анализ поведения другой группы окрестных крестьян, который провел М. Сладе-Шилович. Его заинтересовали не пригородные крестьяне, а те, которые жили

в «Загоре», на дальней периферии Трогира. Это был малонаселенный край (на 360 км² приходилось всего 3,5—4,5 тыс. человек) с постоянно голодающим населением, нередко питающимся травой и кореньями. Почти поголовная неграмотность этого крестьянства, его оторванность от общественной жизни города облегчали «автономашам» демагогическую агитацию в свою пользу. М. Сладе-Шилович, проработавший много лет директором трогирского музея, — не профессиональный историк, однако его обстоятельная статья является отличным исследованием — она учитывает обширную литературу и основана на данных, почерпнутых из богатейших, в том числе и семейных, архивов.

Ряд статей трактует вопросы школьного дела в Трогире (М. Занинович), читален (Ю. Грабовач), музыкальной жизни (Н. Бубле), археологической науки (М. Зекан), изобразительного искусства (К. Приятель). Знарок городской этнографии Д. Божич-Бужанчич характеризует высокий уровень бытовой культуры трогирских горожан. В списке лиц, которые прославили город в эти годы, достойное место занимает имя знаменитого строителя, инженера Иосипа Сладе. Ему посвящен очерк, написанный акад. Ц. Фисковичем¹. Фотографии, к сожалению, немногочисленные, выразительно дополняют портреты людей той эпохи.

Уже несколько лет подряд тема национального возрождения устойчиво занимает место на страницах югославской научной периодики, публикация о трогирских событиях 1886 г. — одна из самых последних. Ее содержание не выходит за рамки событий в городе и округе, и тем не менее это никак не краеведческое, а научное издание.

Фрейденберг М. М.

ЛИТЕРАТУРА

1. Naučni skup «Trogir u Narodnom Preporodu». — *Mogućnosti*, 1986, br. 9—10.
2. *Fiskovič C.* Arhitekt Josip Slade. Trogir, 1986.

¹ Этой же теме, жизни и творчеству Иосипа Сладе, посвящена и монография Ц. Фисковича [2].

70-ЛЕТИЕ ВОССОЗДАНИЯ НЕЗАВИСИМОЙ ПОЛЬШИ

26—27 октября 1988 г. в Институте славяноведения и балканистики АН СССР (ИСБ) состоялась советско-польская конференция «Великий Октябрь и независимость Польши», в организации которой участвовали также Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Академия общественных наук при ЦК КПСС, Польский центр информации и культуры в СССР, Академия общественных наук ЦК ПОРП. Конференцию открыл директор ИСБ, д-р ист. наук В. К. Волков, отметивший, в частности, в своем выступлении: 70-летие независимости Польши — это момент памяти о тех людях, которые заложили основы будущих свершений, жертвовали своей жизнью во имя счастья своего народа. И сегодня мы не можем не вспомнить в этой связи, что польские и российские революционеры всегда отлично видели теснейшую взаимосвязь своих целей. Это в их рядах родился благородный лозунг «За вашу и нашу свободу». Такое наследие не подлежит забвению.

70-летие независимости Польши — это момент размышлений о превратностях судьбы и вперстом ходе исторического процесса. Нелегкий процесс становления и развития польского государства был отягчен исторической ипотекой, которая лежала на пришедших к власти буржуазно-помещичьих слоях. Противоречивая диалектика национального и социального начал всегда требует критической и вдумчивой оценки. Такой критический подход поможет полнее и глубже понять как достижения, так и трагические неудачи нового государства. Размышления об их причинах, свободные от предвзятостей и стереотипных представлений, дают многое для познания не только прошлого, но и настоящего.

И, наконец, 70-летие независимости Польши — это повод для попытки заглянуть в будущее. А оно, как мне представляется, будет определяться связью,

существующей между курсом на социалистическое обновление в Польше и происходящей перестройкой в СССР.

С приветствием к участникам конференции и пожеланиями им успешной творческой работы обратился Чрезвычайный и Полномочный посол ПНР в СССР В. Наторф.

С докладами выступили: проф. А. Чубинский — «Внутренние и внешние предпосылки восстановления независимого Польского государства (1918—1921 гг.)»; проф. Г. Мадайчик — «Польский вопрос в польской историографии 1914—1918 гг.»; проф. Е. Адамский — «Размышления о польской культуре XX столетия»; проф. М. Степень — «Независимость Польши в польской литературе»; проф. А. Лучак — «Крестьянское движение и независимость Польши»; д-р ист. наук И. С. Яжборовская — «Ленинская национальная политика и независимость Польши»; д-р ист. наук И. И. Костюшко — «Октябрьская революция в России и образование Польской республики»; д-р ист. наук С. М. Фалькович — «Развитие советско-польских культурных связей после Великой Октябрьской социалистической революции и создание независимой Польши»; д-р филос. наук Ю. С. Новопашин — «Великий Октябрь и концепция международных и международных отношений нового типа»; д-р филос. наук И. С. Нарский — «Э. Дембовский и Ст. Руднянский», д-р ист. наук В. С. Неволина — «Коммунистическая партия Польши о национальном вопросе (1918—1923 гг.)».

В конференц-зале Института славяноведения и балканистики была развернута подготовленная Польским центром информации и культуры в СССР выставка фотодокументов «Возвращение на карту Европы. 1918—1988 гг.», вызвавшая большой интерес посетителей.

Жигунов Е. К

СОВЕТСКО-АМЕРИКАНСКИЙ СИМПОЗИУМ ПО ПРОБЛЕМАМ УКРАИНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

С 4 по 15 июня 1988 г. в Киеве и Львове был проведен Второй советско-американский симпозиум «Древняя украинская литература и становление новой украинской литературы». Симпозиум открыл акад. АН УССР В. М. Русановский, подчеркнувший главную цель встречи — целостное изучение вклада украинской культуры в сокровищницу духовной жизни мира. Он предложил создать всемирную ассоциацию украинистов, которая бы способствовала развитию и углублению научных поисков и контактов между исследователями духовной культуры украинского народа.

Во вступительном слове директор Института литературы им. Т. Г. Шевченко АН УССР акад. И. А. Дзеврин сказал, что перестройка дала возможность точнее, объективнее изучать историю украинской литературы в ее развитии, не замалчивая «белых пятен» и не забывая, что новая литература имеет свои корни в литературе Киевской Руси.

Директор Гарвардского института украинских исследований проф. О. Прицак передал в дар Институту литературы четвертый том «Гарвардской библиотеки украинской досоветской литературы» (XI—XVIII). Это издание составит 150 томов (три серии по 50 книг) фототипий рукописей и старопечатных книг с их параллельными переводами на современный украинский и английский языки. Доклад О. Прицака «Параметры украинской интеллектуальной истории последней четверти XVIII — начала XIX вв.» был посвящен, в основном, духовной жизни г. Глухова, который в 1708—1786 гг. являлся резиденцией гетманов Украины. Органом осуществления военной и гражданской власти гетмана была Генеральная военная канцелярия, по мнению американского ученого, «первая кузница украинской светской элиты». В кругах патристически настроенных военных канцеляристов (как правило, выпускников Киево-Могилянской академии) создаются первая светская драма, а также летописи (Г. Грабянки, С. Величко и др.); составляется сборник норм государственного, административного и судебного права («Права, по которым судится малороссийский народ»); Ф. Туманский вырабатывает проект создания в г. Глухове академии наук. О. Прицак считает, что после упадка Глухова центрами украинской культуры и дворян-

ского просветительства становятся имения образованных украинских помещиков. Именно в этой среде появилась «История руссов», из которой черпал сведения об истории Украины Тарас Шевченко, подхватив таким образом эстафету глуховских военных канцеляристов.

Д-р филол. наук А. В. Мишанич (Киев) в докладе «Введение христианства на Русь и развитие древней украинской литературы» подчеркнул, что большой культурно-просветительский подъем Киевской Руси в XI—XII вв. в значительной степени обязан христианству как новой форме идеологии. Христианскими идеями проникнуто каждое произведение древнерусской литературы, но христианство здесь выступает в роли общегосударственного дела, оно подчинено идее единства русской земли. Во второй половине XVI—XVII вв. православие стало опорой культурно-национального возрождения украинского народа. Основанные при церквях братства стали организаторами школ, книгопечатания, центрами литературной жизни. А. В. Мишанич считает, что последним выдающимся представителем древней литературы был Г. С. Сковорода, использовавший старые формы для нового секуляризованного содержания. Только в конце XVIII в. украинская литература освободилась от влияния религиозной идеологии, пошла по новому пути, став в один ряд с другими европейскими литературами.

В докладе «Некоторые теоретические и методологические рефлексии над „Энеидой“ И. Котляревского» проф. Д. К. Физера (США) эта поэма анализировалась с позиций феноменологической школы Гуссерля. Дж. Физер считает, что традиционный подход к «Энеиде» как к реалистическому произведению не выдерживает критики, а моделирование действительности в этой поэме происходит по законам фантастико-героической сказки, поскольку здесь, как и в сказке, отсутствует и логическая и эмпирическая закономерность действительности.

В. И. Кречотень (Киев) в докладе «Отражение христианизации Руси в древней украинской поэзии» подчеркнул, что тема принятия христианства князем Владимиром особенно актуализируется на Украине в XVI—XVII вв., в частности, в религиозно-поэтической поэзии. Герасим Смотрицкий, Симон Пекалид, Иван Дубровский, Каспан Сакович и другие

в своих «виришах» отстаивают верность христианству, введенному князем Владимиром, как главное условие сохранения украинцами и белорусами своей национальной самобытности.

Функции жанра и стиля в становлении новой украинской литературы выбрал объектом исследования проф. Дж. Грабович (США). Он, в частности, отметил, что выбор народного разговорного языка в начале XIX в. решительно отмежевал новую украинскую литературу от древней, вследствие чего произошел разрыв исторической преемственности литературы и частичное ограничение исторической памяти. Дж. Грабович считает, что становление новой украинской литературы длится в основном столетие, от И. Котляревского до Леси Украинки, если под «становлением» понимать складывание общей и одновременно дифференцированной системы литературных жанров, стилей и функций.

С докладом «Почему призрак Курбского разговаривает с украинским акцентом» выступил проф. Э. Кинен (США). Американский славист попытался доказать, что переписка между Андреем Курбским и Иваном Грозным — литературная мистификация, а так называемые послания Курбского писал, вероятно, украинец или белорус из окружения князя. Свое несогласие с Э. Киненом выразила В. П. Колодова (Киев).

Канадский ученый П. Магочи предложил доклад «Украинское национальное возрождение. Новая аналитическая структура». Он напомнил, что преградой к нормальному развитию украинского национального возрождения было то, что в кон-

це XVIII—XIX вв. украинская этнолингвистическая территория находилась под властью двух многонациональных империй — Российской и Австрийской. П. Магочи предложил выделить три стадии национального возрождения: 1) этап собирания культурного наследия; 2) организационный этап (возникновение культурных организаций, музеев, учебных заведений и т. п.); 3) политический этап (возникновение партий и организаций, дающих возможность участия в политическом процессе).

На симпозиуме с докладами выступили также Ф. И. Стеблей («Руська трійця»⁴⁴ и ее значение в литературном возрождении на западноукраинских землях) и В. А. Передриенко («Жанрово-стилево-розвиттє українського літературного мови другої половини XVIII століття»).

В конференции приняли участие ученые ряда академических институтов УССР, СССР, а также преподаватели вузов Украины, писатели.

От имени Союза писателей Украины на симпозиуме выступили поэты Дмитро Павлычко и Иван Драч, поддержавший идею создания всемирной ассоциации украиноведов. Он предложил создать международный журнал «Диалог», который смог бы объединить всех исследователей истории и культуры Украины.

На заключительном заседании были приняты решения: об издании материалов симпозиума в 1989 г; об участии советских ученых в издании «Гарвардской библиотеки украинской литературы» в 150-и томах; о создании международной ассоциации украинистов.

Пелешенко Ю. В.

5—6 мая 1988 г. на историческом факультете Калининского государственного университета состоялся коллоквиум на тему «Биография исследователя как жанр славистики». В его работе приняли участие ученые из Института славяноведения и балканистики АН СССР, Калининского, Московского и Харьковского университетов, Коломенского пединститута. Биографистика в настоящее время находится в стадии становления, и актуальной задачей исследователей является разработка подхода к созданию творческого портрета ученого. Работу коллоквиума открыл заведующий кафедрой истории древнего мира и средних веков Калининского госуниверситета проф. М. М. Фрейденберг. Проблемой коллоквиума стало изучение обстоятельств или внутренних (научных или душевных) мотивов, которые заставляли славистов XIX в. менять направления научной работы.

В докладе д-ра ист. наук В. А. Дьякова (ИСБ) внимание было уделено состоянию современной биографистики, названы перспективы ее развития: создание единой информационной системы во всех славянских странах; создание справочников и словарей по отечественной и зарубежной славистике; увеличение числа монографических исследований.

Одной из задач современной биографистики является изучение научного вклада тех ученых, исследовательская проблематика которых мало разработана. К их числу относится проф. Московского университета, специалист по древней славянской литературе М. И. Соколов (1854—1906), научной биографии которого был посвящен доклад Е. А. Макаровой (Калининский ун-т). Проф. Харьковского университета Г. И. Чернявский в своем докладе рассмотрел пути в историческую науку видных представителей рабочего движения первой половины XX в. На примере жизни и деятельности ученого и публициста Георгия Бакалова он предпринял удачную попытку проанализировать переход общественного деятеля к профессиональной исследовательской работе.

Славянской тематике в научном творчестве историка и демократа С. С. Шашкова, в трудах которого сочетались воззрения историков и публицистов демократического направления 60—70-х годов

XIX в., был посвящен доклад канд. ист. наук Е. П. Аксеновой (ИСБ). Ю. В. Пахомов (Коломенский педин-т) попытался определить место в дореволюционной науке проф. Казанского университета И. Н. Смирнова, чья общественная деятельность долго считалась весьма консервативной (он поддержал обвинение на Мултанском процессе). Но этот вывод представляется Ю. В. Пахомову преждевременным, окончательную оценку научного вклада И. Н. Смирнова может дать комплексное изучение его жизненного и творческого пути. Вопросы методических приемов работы над творческим портретом слависта прозвучали в выступлении О. Н. Хохловой (Калининский ун-т), посвященном пути в славистику А. А. Майкова (1826—1902), выявлению этапов его научной биографии и причин, обусловивших повороты в его творчестве. Доклад М. М. Фроловой (ИСБ), анализирующий научную биографию А. А. Черткова, представителя отечественной славистики первой половины XIX в., вызвал обсуждение проблем, связанных с отнесением исследователя к какому-либо течению современной ему исторической мысли. Пример А. А. Черткова, взгляды, которого строго не укладываются в рамки какой-либо школы, показывает сложность решения этого вопроса.

Роли источников в изучении творческого наследия ученого и методам работы с ними посвящен доклад проф. МГУ Л. В. Горинной. Анализ неопубликованной переписки М. Дринова с А. Патерой убеждает автора в невозможности создать высоконаучный труд без использования всего комплекса источников, в том числе — и фондов зарубежных архивов. Подход к созданию творческого портрета ученого может быть различным — об этом свидетельствует доклад доц. Калининского университета Воробьевой И. Г. Для нее начальным этапом воссоздания научной биографии славистов второй половины XIX в. явились их разыскания в области славянской поэзии, побудительные причины, заставившие их обратиться к данной тематике.

Коллоквиум в Калининском университете, безусловно, был плодотворным.

Макарова Е. А.

НАУЧНАЯ СЕССИЯ «ТРАДИЦИИ И НОВАЦИИ В ИЗУЧЕНИИ ГЕНЕЗИСА И РАЗВИТИЯ ФЕОДАЛИЗМА В ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ»

28 и 29 марта 1988 г. в Институте всеобщей истории состоялась научная сессия под указанным в заголовке названием, организованная Научным советом «Общие закономерности и особенности всемирно-исторического процесса» (его секцией «Генезис и развитие феодализма»). На сессии было представлено 38 докладов и сообщений, объединенных в пять «блоков» — «Научное творчество Д. М. Петрушевского и А. И. Неусыхина», «Новые подходы к изучению источников», «Семья в средние века», «Политическое самосознание этнических общностей» и «Социальная история как направление в зарубежной историографии средневековья». Примечательной была организация работы: каждый «блок» открывался вступительным докладом, определявшим русло последующих выступлений (характерно и то, что их большая часть сделана молодыми учеными).

Для славистов важно то, что ряд выступлений был посвящен славянской тематике или строился на материале славянской истории. Так, В. К. Ронин использовал такой материал в докладе о политическом сознании этнических общностей раннего средневековья, Г. Э. Санчук выступил с сообщением «Формы этнического самосознания полабских славян в VI—XII вв.», а В. А. Блонин, типологизируя семью раннего средневековья, провел сравнительный анализ франкских и древнерусских данных. Эти выступления, может быть, и не определили направления работы сессии, но обогатили ее важным материа-

лом, который даст возможность продолжать осмысление поднятых на заседаниях проблем, в частности, по истории семейных отношений. Известно, в частности, что история южных славян дает немало свидетельств о жизни большесемейных коллективов, особенно на стадии их распада. Такая распадающаяся семейная община еще долго сохранит единство, известное под названием «патронимия». Ее открыл М. О. Косвен еще в 30-х годах, и ныне в ее существовании в качестве универсального института народной жизни никто не сомневается. Мне представляется ошибочным, что никто из выступавших на сессии по истории средневековой семьи не остановился на ней, практически даже не назвал ее.

И еще одна апелляция к славянским свидетельствам — на сессии прозвучала мысль о том, что понятие «семья» в источниках раннего средневековья появляется достаточно поздно, и это служит доказательством того, что и семья как родственная общность формируется с известным запозданием. В этой связи нелишне вспомнить, что знаменитый памятник южнославянского обычного права, Полицкий статут (XV в.) тоже не знает обозначения «семья» — вместо него употребляются «дом», «братья» и проч. Это вовсе не значит, что у хорватов на побережье Адриатики в XV в. не выделялась семья из широкого круга родственников.

Фрейденберг М. М.,

СИМПОЗИУМ МКИСИ

6—8 сентября 1988 г. в Москве состоялся симпозиум Международной комиссии по историко-славистическим исследованиям (МКИСИ) — аффилированной Комиссии при Международном комитете исторических наук. На симпозиуме рассматривалась проблема социального развития славянских народов после первой мировой войны до наших дней. Проф. С. Фишер-Галати (Ун-т Колорадо в Боулдере, США) выступил с докладом «Влияние модернизации на систему образования: некоторые наблюдения». В докладе проф. Э. Доннерта (Галле, ГДР) освещалось антивоенное движение в России в 1914—1916 гг. Доклад проф. В. Босса (Ун-т Мак-Гилл, Канада) был посвящен русской судьбе «Ареопагитики» Милтона. Проф. С. С. Хромов (СССР) в своем докладе показал развитие рабочего класса в СССР в 1917—1941 гг.

Были также заслушаны и обсуждены доклады: доц. А. Запшана (Австрия) «Социальная структура и общество в Дунайском регионе между двумя мировыми

войнами», Д. Кипа (Швейцария) «Социальные аспекты русской революции в англо-американской историографии», проф. Д. Зографски (СФРЮ) «Социальное развитие Югославии и в особенности в Македонии», проф. Ю. А. Курносова (СССР) «Интеллигенция Советской Украины: проблемы формирования и развития», проф. К. Германа (ЧССР) «70 лет Чехословакии».

В качестве экспертов по докладам выступили: проф. Б. Мишель (Франция), проф. Э. Таден (США), проф. Ю. Бардах (ПНР), проф. Я. Шолта (ГДР), проф. И. И. Костюшко (СССР). Участники дискуссии, отмечая большое познавательное значение прочитанных на симпозиуме докладов, высказались за их публикацию. Генеральный секретарь МКИСИ проф. Б. Мишель проинформировал участников симпозиума о работе Комиссии и подготовке к ее собранию в Мадриде.

И. К.

КОНФЕРЕНЦИЯ СОВЕТСКИХ И ПОЛЬСКИХ ИСТОРИКОВ

17—21 октября в Варшаве состоялась очередная (23-я) научная конференция Комиссии историков СССР и ПНР. Она была посвящена проблеме «Возрождение независимости Польши и советско-польские отношения».

На конференции были заслушаны и обсуждены доклады: Ю. Бардах (ПНР) «Основные факторы образования польского государства», И. С. Яжборовской (СССР) «Ленинская национальная политика и проблема независимости Польши», И. И. Костюшко (СССР) «Советско-польские отношения в конце 1918 — начале 1919 г.», М. Лечика (ПНР) «Место Польши в конфликте Западной Европы и Советской России в 1919 г.», М. Н. Черных (СССР) «Ю. Мархлевский о польско-советских отношениях», П. Лосовского (ПНР) «Польско-советские отношения после Рижского договора», И. С. Хмеля (СССР) «Украина и Польша в 1917—1921 гг.», Р. С. Жепкайте (СССР) «Литовско-польские отношения в 1917—1921 гг.», Л. П. Мирочицкого (СССР) «Белорусское национальное меньшинство в Польше», А. Скишпека (ПНР) «Польская историография о польско-советских

отношениях в период возрождения польского государства», Л. Л. Муравьевой (СССР) «Польские источники в трудах В. И. Ленина», А. Слиша (ПНР) «Проблема самоопределения Польши в польской рабочей прессе в России в годы революции», З. Лукавского (ПНР) «Репатриация польского населения из Советской России в 1918—1924 гг.», А. К. Кавко (СССР) «Национально-государственное самоопределение Белоруссии в контексте польско-советской войны 1920 г.», Е. Куманецкого (ПНР) «Польский аспект советско-немецких отношений 1922 г. Рапальский договор».

Важное место в работе конференции заняли «круглые столы» по темам: «Польско-советская война 1920 г.» и «Национальные меньшинства во II Речи Посполитой». На них обсуждались рефераты М. Вжосека (ПНР), В. О. Дайнеса (СССР) и В. Серчика (ПНР).

Планом работы Комиссии предусматривается проведение в 1989 г. очередной конференции в СССР по проблеме «Славяне и Римская империя».

Муравьева Л. Л.

ПАМЯТИ Н. Н. УЛАЩИКА

22 ноября 1988 г. в отделе источниковедения истории СССР дооктябрьского периода Института истории СССР состоялось заседание, посвященное памяти выдающегося белорусского советского историка Н. Н. Улащика (1906—1986). В заседании приняли участие сотрудники Института славяноведения и балканистики АН СССР, Института археологии АН СССР, Археографической комиссии АН СССР, Государственного Исторического музея.

Зав. отделом, д-р ист. наук В. И. Буганов напомнил основные вехи биографии ученого, чья научная деятельность более 30 лет была связана с этим подразделением Института истории СССР. Д-р ист. наук В. А. Кучкин остановился на работах Н. Н. Улащика по археографии и источниковедению феодальной Белоруссии, особо отметив научное значение осуществленной им публикации свода литовско-белорусских летописей. Д-р ист. наук Б. Г. Литвак посвятил свое выступление одной из важных работ Н. Н. Улащика — монографии «Предпосылки крестьянской реформы 1861 г. в Литве и Западной Белоруссии» (М., 1965). В ней исследователю удалось ярко показать специфику крестьянского вопроса в этом регионе, в частности, процесс закрепощения свободного крестьянства после разделов Речи Посполитой, особую активность этой группы в борьбе против личной зависимости от феодалов.

В выступлении д-ра ист. наук Л. Л. Муравьевой было подчеркнuto значение трудов Н. Н. Улащика для развития советской историографии и источниковедения.

Как и в истории нашей страны, в биографии Н. Н. Улащика были периоды, до сих пор почти неизвестные даже многим его коллегам. Дважды коснулась его огненная волна сталинских репрессий, дважды (в 30-е — начало 40-х и в 1949—1955 гг.) довелось пережить ссылку, лагеря. Об этих трагических страницах жизни ученого рассказал д-р ист. наук Л. В. Алексеев (Ин-т археологии).

Канд. ист. наук А. К. Кавко (ИСБ) рассказал о последних публикациях работ Н. Н. Улащика в Белоруссии, инспирирующем воздействии творчества и личности ученого на разбуженность исторического сознания в современном белорусском обществе.

Канд. ист. наук С. В. Думин (ГИМ) посвятил свое выступление вкладу Н. Н. Улащика в разработку концептуальных проблем истории и историографии Белоруссии в межславянском контексте.

Завершая заседание, В. И. Буганов выразил надежду, что эти первые чтения, посвященные Н. Н. Улащику, станут традиционными.

Думин С. В.

CONTENTS

<i>Zudinov Ju. F.</i> Socialist self-government in Bulgaria (problems of theory and realization). <i>Zadorožn'uk E. G.</i> Urban petty production in Central and South-Eastern Europe (1st half of 1950s): concepts and reality. <i>Vinogradov V. N.</i> Russia and the Balkans in B. and Ch. Jelovics' works. <i>Svirida I. I.</i> National Renaissance (on the problem of the cultural type). <i>Vereščagin Je. M., Jurčenko A. I.</i> Greek source of Cyril-Constantine Philosopher's «Writing on the orthodox religion»	3
---	---

PORTRAITS

<i>Lukinova T. B.</i> Bulaxovskij L. A. <i>Nikulina M. V.</i> Ju. I. Venelin (commemorating 150th year of his death)	64
--	----

COMMUNICATIONS

Problems of national and state self-determination.	
<i>Tseytlin R. M.</i> Ivan Duychev Centre for Slavo-Byzantic studies at Sofia University	78

REVIEW ARTICLES AND REVIEWS

<i>Sirotkin V. G.</i> Формирование национальных независимых государств на Балканах. Конец XVIII—70-е годы XIX в. <i>Ivanov S. Ju.</i> Р. Радкова. Българската интелегенция през Възраждането (XVIII — първата половина на XIX в.) <i>Zvonarjova L. Ū.</i> В. Г. Короткий. Творческий путь Мелетия Смотрицкого. <i>Nikolajeva T. M.</i> Dutch Studies in South Slavic and Balkan linguistics . . .	91
---	----

NOTES OF BOOKS

<i>Buzarin N. I.</i> I. T. Лісевич. Культурне будовництво в Народній Польщі. 1944—1948. <i>Myl'nikov A. S.</i> Вопросы истории славян: История зарубежных славян в советской историографии (Межвузовский сборник научных трудов). <i>Frejdenberg M. M.</i> From the history of national renaissance in Dalmatia	99
---	----

SCIENTIFIC LIFE

<i>Zigunov Je. K.</i> 70th anniversary of the recreation of the independent Poland. <i>Peleshenko Ju. V.</i> Soviet-American symposium about problems of Ukrainian literature. <i>Makarova Je. A.</i> Slavists colloquium in Kalinin university. <i>Frejdenberg M. M.</i> Science session «Traditions and novations in researches of genesis and development of feudalism in West Europe». <i>I. K.</i> Symposium of IKHSR. <i>Muravjeva L. L.</i> Symposium of Polish and Soviet historians. <i>Dumin S. V.</i> In memoriam of N. N. Ulaszyk	102
---	-----

Технический редактор *Е. В. Синуцына*

Сдано в набор 10.02.89	Подписано к печати 27.03.89	А-09854	Формат бумаги 70×108 ^{1/16}
Высокая печать	Усл. печ. л. 9,8	Усл. кр.-отт. 12,2	Уч.-изд. л. 11,2
Тираж 1204 экз. Зак. 2576. Цена 1 р. 20 к.			

Адрес редакции: 121069, Москва Г-69, Трубликовский пер., д. 30а, тел.: 290-27-40
2-я типография издательства «Наука», 121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 6

Белов В. А. Творчество Захарии Орфелина и освоение исторической тематики в сербской литературе второй половины XVIII века: Автореф. дис. на соискание уч. степени канд. филол. наук / АН СССР. Ин-т славяноведения и балканистики. М., 1988, 24 с.

Божилова Р. Хърватското национално-освободително движение през погледа на Българите, 1878—1914. София, 1988, 243 с.

Български диалектен атлас: Обобщаващ том. Встъпителна част / Съст. по ръководството на Кочев И.; Бълг. акад. на науките. Ин-т за бълг. език. София, 1988, 46 с.

България, Италия и Балканите — La Bulgaria, L'Italia e i Balcani: Обществено-ист. и културно-естетически взаимоотношения XV—XX в. Докл., изнесени на 4. българистична бълг.-итал. конф. София, 22—25 май 1984 г. / Ред. колегия: Димов Г. (отг. ред.) и др.; Бълг. акад. на науките. Нац. съвет за научни изследвания — Италия. София, 1988, 367 с. Текст на болг. и ит. яз.

Великий Октябрь и зарубежные славянские страны: IX Всесоюз. научн. конф. историков-славистов, 27—29 янв. 1988 г. Тез. докл. и сообщ. / Под ред.: Загорюльско-го Э. М., Мельцева Д. Б. Минск, 1988, 257 с.

Веселовская А. И. Пути развития взаимовлияния украинской и словацкой театральных культур: Автореф. дис. на соискание уч. степени канд. искусствоведения / Груз. гос. театр. ин-т им. Ш. Руставели. Тбилиси, 1988, 17 с.

Генчев Н. Българско възраждане. 3. доп. и прераб. изд. София, 1988, 437 с.

Жакова Н. К. Теория и практика перевода: Рус. поэзия в чеш. пер. в первой половине XIX в. Учеб.-метод. пособие для студентов филол. фак. гос. ун-тов / Гос. ком. СССР по нар. образованию. Науч.-метод. каб. по заоч. и веч. обучению МГУ им. М. В. Ломоносова. М., 1988, 45 с.

Заимов Й. Български именник. София, 1988, 311 с.

Зуев Ф. Г. Антифашистское Сопротивление в Польше в годы второй мировой войны. М., 1988, 523 с.

Иванић Д. Забавно-поучна периодика српског реализма: Јавор и Стражилово. Нови Сад, 1988, 370 с.

Источниковедение балканского средневековья: Межвуз. темат. сб. науч. тр. / Редкол.: Воробьева И. Г. (отв. ред.) и др.; Калин. гос. ун-т. Калинин, 1988, 132 с.

Коларов Р. В художествения свят на романа «Хоро». София, 1988, 187 с.

Копылов В. Р. Октябрь в Москве и зарубежные интернационалисты / Отв. ред. Синицын А. М.; АН СССР. Ин-т истории СССР. М., 1988, 288 с.

Коцева Е. И. Леся Украинка-публицист и Болгария: Автореф. дис. на соискание уч. степени канд. филол. наук / Киев. гос. ун-т им. Т. Г. Шевченко. Киев, 1988, 18 с.

Литературные связи славянских народов: Исследования. Публикации. Библиография. Сборник / Отв. ред. Баскаков В. Н.; АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом). Л., 1988, 346 с.

Литература европейских социалистических стран в 70-80-е годы: (Материалы Международн. конф., Москва, 12—14 апр. 1988 г.) / Ин-т славяноведения и балканистики АН СССР. М., 1988, 173 с.

Мушкетик Л. Г. Славяноведческая проблематика венгерской фольклористики конца XIX—XX вв.: Автореф. дис. на соискание уч. степени канд. филол. наук / АН БССР. Ин-т искусствоведения, этнографии и фольклора. Минск, 1988, 17 с.

Новине србске 1817 / Уред.: Пантић М. и др. Београд; Нови Сад, 1987, 825, IX с. (Фототипска изд. / Срп. акад. наука и уметности. Нар. библ. Србије. Матица срп., Књ. 12).

Петев Н. Поэзия и позиция: (Размышления о соврем. болг. поэзии). Пер. с болг. М., 1988, 78 с., ил.

Петканов И. Славянски влияния в романските езици и диалекти. София, 1988. 201 с.

Поповський А. М. Нормативні тенденції в мові фольклору південної України XIX — поч. XX століття. Дніпропетровськ, 1988, 92 с.

Принятие христианства народами Центральной и Юго-Восточной Европы и крещение Руси / Литаврин Г. Г., Иванова О. В., Наумов Е. П. и др.; Отв. ред. Литаврин Г. Г.; АН СССР. Ин-т славяноведения и балканистики. М., 1988, 271 с., 8 л. ил.

Саварев О. Литература и интерпретация. Пловдив, 1988, 255 с.

Слов янська фольклористика: Нариси розвитку. Матеріали / Гайдай М. М., Гусев В. Е., Кабашніков К. П. та ін. АН УРСР. Ін-т мистецтвознавства, фольклору та етнографії ім. М. Т. Рильського. Київ, 1988, 448 с., портр.

Слов'янські літературні: Доповіді / Відп. ред. Вервес Г. Д.; АН УРСР та ін.; Х Міжнар. з'їзд славістів. Київ, 1988, 232 с.

Смирнова Е. Д. Чешско-русские культурные связи: (Вторая половина XVIII в.). Автореф. дис. на соискание уч. степени канд. ист. наук / Белорус. гос. ун-т им. В. И. Ленина. Минск, 1988, 28 с.

СССР и братские социалистические страны Европы в 70-е годы / Нарочницкий А. Л., Милукова В. И., Новик Ф. И. и др.; Отв. ред. Нарочницкий А. Л.; АН СССР. Ин-т истории СССР. М., 1988, 263 с.

Типология литературного процесса: (На материале рус. лит. XIX в.). Межвуз. сб. науч. тр. / Перм. гос. ун-т им. А. М. Горького. Пермь, 1988, 136 с.

Традиции и современность в фольклоре / Бараг Л. Г., Гусев В. Е., Дмитрие-

ва С. И. и др.; Отв. ред. Соколова В. К.; АН СССР. Ин-т этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. М., 1988, 213 с.

Търновска книжовна школа: Антология / Данчев Г., Дончева-Панайотова Н. Велико Търново. 1987, 260 с.

Українська археографія: сучасний стан та перспективи розвитку. Тези доповідей республіканської наради грудень 1988 р. Київ, 1988, 244 с.

Франциск Скарына і яго час. Энциклапедычны даведнік. Мінск, 1988, 608 с.
Чанева-Дечевска Н. Църковната архитектура в България през XI—XIV век / Болг. акад. на науките. Инст. за теория и история на градоустройството и архитектурата. София, 1988, 233 с., ил.

Шабловская И. В. Проза европейских социалистических стран 60—70-х годов о второй мировой войне. Общее и особенное: Автореф. дис. на соискание уч. степени д-ра филол. наук / АН СССР. Ин-т славяноведения и балканистики. М., 1988, 42 с.

Шуст Р. М. Денежное хозяйство Юго-Восточных воеводств Речи Посполитой в XVI — первой половине XVII в.: Автореф. дис. на соискание уч. степени канд. ист. наук / Льв. гос. ун-т им. И. Франко. Львов, 1988, 17 с.

Етнические процессы в Центральной и Юго-Восточной Европе / Акимова О. А., Иванов В. В., Иванов С. А. и др.; Отв. ред. Наумов Е. П.; АН СССР. Ин-т славяноведения и балканистики. М., 1988, 167 с.

Archiwum ruchu robotniczego / Centr. arch. KC PZPR; Kolegium red.: Tych F. (red.) et al. T. 11. Warszawa, 1988, 469 s.

Dobrzyński K. Główne tendencje łauczynje szkolnictwa eupropejskich krajów socialistycznych. Warszawa, 1988, 203 s.

Drobnomieszczaństwo XIX i XX wieku: Studia / Inst. historii PAN. T. 2. Warszawa, 1988, 368 s.

Durman K. Lost illusions: Russian policies towards Bulgaria in 1877—1887. Uppsala, 1988, 184 p.

Dymek B. Geneza i działalność Polskiej zjednoczonej partii robotniczej. 1948—1954. Warszawa, 1988, 599 s.

Geguš I. Kultúrpolitická orientácia Matice slovenskej v rokoch 1919—1938. [Martin] 1988, 164 s.

Hass L. Postawy polityczne i aktywność klasy robotniczej (1918—1939). Warszawa, 1988, 375 s.

Góralski W. Andrzej Chryzostom Załuski biskup płocki. 1692—1698. Wkład w dzieło recepcji reformy trydenckiej. Warszawa, 1987, 238 s.

Haviar Š., Kučma I. V pamäti národa: Kniha o Matici sloven. Martin, 1988, 340 s.

Hieba E. Slovenská literatúra 19. storočia: Lit. Levoča v 1. pol. 19. st. 2 vyd. Prašov, 1987, 152 s.

Historia polskiego ruchu robotniczego / Akad. nauk społecz. PZPR. Inst. historii ruchu robotniczego; Pod red. Orzechowskiego M. Warszawa, 1988. T. 3. Historia polskiego ruchu robotniczego. 1918—1939 / Pod red. Czubińskiego A. 646 s.

Julian Marchlewski — teoretyk, publicysta i dzualacz polskiego i międzynarodowego ruchu robotniczego. Materiały z sesji nauk. Warszawa, 1988, 140 s.

Karpowicz M. Barok w Polsce. Warszawa, 1988, s. 340.

Kazimirović V. NDH u svetlu nemačkih dokumenata i dnevnika Gleza fon Horstenau. 1941—1944. Beograd, 1987, 357 s.

Kaszuby. Wrocław etc., 1988, 283 s., il.

Kizwalter T. Kryzys Oświecenia a początki konserwatyzmu polskiego. Warszawa, 1987, 145 s.

Korunić P. Jugoslavenska ideologija u hrvatskoj i slovenskoj politici: Hrvatsko-slovenski polit. odnoši 1848—1870. Zagreb, 1987, 421 s.

Kosim J. Przeciw Świętemu Przymierzu: Z dziejów współpracy demokratów pol. i niem. w latach trzydziestych XIX w. Warszawa, 1988, 389 s.

Kowalski K. M. Polskie źródła ikonograficzne XVII wieku: Analiza metodologiczna. Warszawa; Poznań, 1988, 120 s.

Łoch E. Pisarstwo Jarosława Iwaszkiewicza wobec tradycji i współczesności. Lublin, 1988, 195 s.

Madra-Shalicsross B. Cień i forma: O wyobraźni plastycznej Leopolda Staffa. Szczecin, 1987, 165 s.

Mędrzecki W. Województwo wołyńskie. 1921—1939: Elementy przemian cywilizacyjnych, społecz. i polit. / Inst. historii PAN. Wrocław etc., 1988, 203 s.

Mierzwa E. A. Anglia a Polska w epoce Jana III Sobieskiego. Łódź, 1988, 350 s.

Národná svetlica: Výber dok. k dejinám Matice sloven. Zost.: Eliáš M., Sariuská V. Martin, 1988, 323 s.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

А. К. КАВКО (главный редактор), В. К. ВОЛКОВ, Р. П. ГРИШИНА,
А. А. ГУГНИН, В. А. ДЬЯКОВ, А. А. ЗАЛИЗНЯК, М. С. КАПУБО,
В. П. КОЗЛОВ, М. Н. КУЗЬМИН, Г. Г. ЛИТАВРИН (зам. главного редактора),
Г. Ф. МАТВЕЕВ, С. В. НИКОЛЬСКИЙ, Ю. С. НОВОПАШИН, А. Ф. НОСКОВА,
Л. Н. СМЕРНОВ (зам. главного редактора), Л. А. СОФРОНОВА, Б. Н. ФЛОРЯ

Адрес редакции: 121069, Москва Г-69, Трубниковский пер., д. 30а

Телефон 290-27-40

Зав. редакцией *Е. В. Пономарёва*

1 р. 20 к.

Индекс 70891